УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН 2022. ТОМ 2. №3(5)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Лебедев Александр Николаевич

Заместители главного редактора:

Гордякова О.В. (Москва), Сварник О.Е.(Москва)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва), Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д. (США, Техас), Демидов А.А. (Москва), Кисельникова Н.В. (Москва), Корнилова Т.В. (Москва), Мазилов В.А. (Ярославль), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О. (Казань), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хащенко В.А. (Москва), Юревич А.В. (Москва)

Институт психология РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.

Электронная почта: scientificnotesipras@gmail.com

Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на сайте

https://scientific-letters.ru

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН 2022. Том 2. № 3(5)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА
От главного редактора
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Лебедев А.Н.
Проблемы и перспективы развития психологии личности в современной России4
Щебетенко С.А.
Об определении традиционных таксономий личности
в терминах трех базовых черт-ресурсов
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
<i>Юревич А.В.</i> Нравственность в СССР
Богданчиков С.А.
Зарубежная историография истории советской психологии:
случай Т.Р. Пейна
кросс-культурная психология
Сухарев А.В.
Сравнительный анализ развития ментальности стран
с высокими и низкими социально-экономическими характеристиками65
МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Новоселов В.М.
Инфодемия SARC-CoV-2: психология страха
ДИСКУССИИ
Соснин В.А.
Цивилизационная ситуация в мире на пороге XXI века:

От главного редактора

Уважаемые коллеги,

этот номер журнала выходит в непростых условиях повышенной информационной неопределенности. Проведение Правительством РФ специальной военной операции на Украине, частичная мобилизация, жизнь в условиях экономических санкций, разрыв научных связей с коллегами из-за рубежа, выборы нового Президента РАН и многое другое ставит ученых в ситуацию, когда планировать что-либо не только на ближайшие годы, но и на месяцы крайне сложно. По-видимому, особенно значительных изменений следует ожидать в тех отраслях и направлениях психологии, которые напрямую или косвенно связаны с многочисленными изменениями в мире и в нашей стране. Тем не менее мы постарались не только собрать номер из статей на актуальные научные темы, но и выпустить его в срок. По сложившейся традиции некоторые публикации сделаны по материалам докладов на заседаниях Академического дискуссионного клуба ИП РАН, работа которого всегда получает отражение на страницах нашего журнала.

В данном номере представлены такие разделы науки, как общая психология (психология личности), кросскультурная, медицинская, история психологии и историческая психология. Номер начинается публикацией Лебедева А.Н., оперативно выполненной по докладу на научном методологическом семинаре Института психологии РАН «Достижения мировой науки 2020-2022 гг.». В статье рассматриваются проблемы и тенденции развития психологии личности в отечественной и зарубежной психологии с учетом современных реалий, приведены примеры новых теоретических моделей, методов обработки результатов исследований, представлен краткий тематический анализ актуальных публикаций журналов Американской психологической ассоциации, рассмотрены некоторые новые исследовательские методы и методики. Очевидно, что определенные аргументы автора статьи могут вызвать вопросы у коллег и несогласие с рядом утверждений, например, с оценками советского периода психологии личности, однако журнал открыт для дальнейшего обсуждения предмета публикации на его страницах.

В статье Щебетенко С.А. дан глубокий анализ ряда таксономических моделей личности, в частности, Big5, HEXACO и TRASY-3, проводится их сравнительный анализ. Подробно рассматриваемая автором модель TRASY-3, в отличие от традиционных подходов, дает «формальные, нерекурсивные определения любым чертам личности». Автор приводит убедительные эмпирические свидетельства в поддержку данной модели.

В статье Юревича А.В. рассматривается история психологического феномена нравственности в СССР. Автор доказывает, что представления некоторых историков и людей, далеких от науки, о более высоком уровне нравственности в СССР являются в целом мифологизированными и могут быть отнесены к категории не научных, а социальных преставлений. На большом историческом материале в подчеркнуто эмоциональной форме, что придаёт публикации особую убедительность, А.В. Юревич показывает, что СССР вовсе не являлся неким «оазисом нравственности», поскольку были искажены сами представления о том, какие именно поступки людей и образ жизни в целом следует считать адекватным нравственным и моральным нормам. Автор делает вывод о том, что нравственные и моральные нормы всегда соответствуют определенной идеологической модели, и что нет объективных оснований полагать современные нормы абсолютными или идеальными, как и в эпоху СССР.

Статья одного из наших постоянных авторов Богданчикова С.А. посвящена зарубежной историографии истории советской психологии. Автор рассматривает малоизвестную монографию историка психологии Т.Д. Пейна «С.Л. Рубинштейн и

философские основания советской психологии». На примерах нескольких рецензий известных психологов и в процессе собственного анализа С.А. Богданчиков делает вывод, что данная работа, несомненно представляющая интерес для истории отечественной психологии, до сих пор остается малоизвестной и до конца не понятой многими специалистами.

В статье Сухарева А.В. проводится сравнительный анализ ментальности населения стран с разными социально-экономическими характеристиками и социокультурными традициями. На основе ярких примеров в рамках этноэволюционного подхода автор иллюстрирует закономерности и причины не только неравномерного экономического развития, но и существенных различий в менталитете.

В статье известного в нашей стране геронтолога, активного участника заседаний Академического дискуссионного клуба ИП РАН Новоселова В.М. рассматривается кране актуальная для современной практики и психологического состояния российского общества проблема влияния средств массовой информации и социальных сетей на возникновение панических настроений и

стрессовых ситуаций в условиях массовых вирусных заболеваний. Автор проводит глубокий анализ проблемы и приводит примеры психологически опасных информационных сообщений со стороны государственных и общественных организаций (например, ВОЗ), способных посеять панику и негативно повлиять на здоровье населения особенно на людей преклонного возраста или с неустойчивой психикой.

В статье Соснина В.А. «Цивилизационна ситуация в мире на пороге XXI века: Россия, геополитические реалии и следствия» рассматривается отношение западного мира к России и стратегии борьбы нашей страны против гегемонии США и стран Западной Европы. Поскольку статья вызвала и интерес, и неоднозначную реакцию рецензентов, мы поместили ее в раздел «дискуссии», надеясь на отклик наших читателей и на возможность дальнейшего обсуждения на страницах журнала в следующих выпусках.

С большим уважением к нашим читателям, главный редактор журнала «Ученые записки Института психологии РАН» д.пс.н. Лебедев Александр Николаевич

Проблемы и перспективы развития психологии личности в современной России // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т.2. №3. С. 4-21. DOI: 10.38098/proceedigs_2022_02_03_02

Problems and prospects of development of personality psychology in modern Russia. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 2. No. 3. Pp. 4-21. DOI: 10.38098/proceedigs_2022_02_03_02

Общая психология

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© Лебедев А.Н.

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии личности, Институт психологии РАН, Москва, Россия

Статья подготовлена по госзаданию в Институте психологии РАН (тема № 0138-2022-0005)

Статья подготовлена по материалам выступления на методологическом семинаре Института психологии РАН: «Достижения мировой психологической науки 2020-2022 гг.» в сентябре 2022 года. Статья посвящена анализу некоторых подходов и тенденций развития современной психологии личности. Рассмотрены существенные отличия изучения личности в отечественной и зарубежной науке, отмечается влияние коммунистической идеологии на развитие данного направления в СССР. Представлено разнообразие теорий и подходов к определению понятия личности и предмета психологии личности в настоящее время, проводится анализ некоторых публикаций Американской психологической ассоциации, тематика которых не имеет аналогов в отечественной науке. В статье рассматриваются новые методы изучения личности, методы обработки данных и математического моделирования, обсуждаются возможности применения новых методов в развитии новых научных дисциплин в России и за рубежом, в частности, политической нейропсихологии и др.

Ключевые слова: личность, психология личности, теории личности, морально-нравственная регуляция поведения, эпигенетика, психодиагностика, Big Data, Big 5, функциональная магнитно-резонансная томография

Введение

Сегодня нет ни одной отрасли психологии, где бы ни использовалось понятие личности. Удивительно, но, несмотря на широкое распространение этого понятия в мировой психологической литературе, до сих пор ведутся споры по поводу того, что такое личность и что нужно обозначать этим термином. Однозначно принятого определения понятия личности в психологии на сегодняшний день нет. Есть лишь некое интуитивное понимание того, что изучают психологи, говоря о личности. Также есть огромное количество определений, которые формулируются в рамках существующих теорий.

Единственное, с чем соглашается большинство психологов, — это то, что понятие личности характеризует нечто целостное, по сравнению с другими не менее широко распространёнными психологическими понятиями, например, психики, психических процессов, психических состояний, свойств и др.

Хорошо известно, что слово личность происходит от латинского *persona*, что означает «маска». В наиболее общем виде личность определяют, как динамичный и организованный набор характеристик, которыми обладает человек, и которые уникальным образом влияют на его мотивацию, познавательную активность, способность

адаптироваться в социальных условиях, ценности, самосознание, мировоззрение, поведение в различных социальных ситуациях и многое другое.

Основные направления психологии личности включают: 1) построение целостной картины личности и ее структуры; 2) изучение свойств и характеристик личности; 3) изучение психологических механизмов формирования, развития и саморазвития личности; 4) изучение связи характеристик личности с поведением и другими психическими процессами, свойствами и состояниями; 5) исследование индивидуальных психологических различий. Очевидно, что данный перечень является слишком кратким, чтобы определить все те сферы науки и практики, где изучение личности крайне необходимо.

Следует обратить особое внимание на то, что представления о личности в отечественной науке и в большинстве западных научных направлений имеют ряд существенных отличий. Это определяется прежде всего историей отечественной психологии и влиянием советского периода на ее современное состояние.

Общим для отечественных теорий личности являются:

- 1. Признание социальной природы личности. Здесь возникает некий перенос «всего биологического» в понятие темперамента, характера и пр. Например, эмоциональные характеристики и особенности человека нередко относят к темпераменту, а волевые к характеру.
- 2. Многие отечественные теории и исследования исходят из представлений о личности, как понятии, отражающем только позитивные характеристики человека. В этом отечественная психология оказывается близка гуманистической психологии.
- 3. Многие отечественные исследования в психологии личности имеют ярко выраженную воспитательно-педагогическую направленность. Возможно, это отголоски идеологической установки прошлого на реализацию «триединой задачи построения коммунизма в СССР» и на задачу «воспитания человека новой коммунистической формации», в соответствии с которой и развивалась отечественная психология личности в советское время.

Психология личности в науке советского периода

Вряд ли кто-то будет оспаривать тот факт, что теоретические представления о социальной природе личности в отечественной психологии восходят к знаменитому высказыванию К. Маркса, которое в несколько искаженном виде многократно цитировалось в советские времена и звучало, как то, что личность есть «продукт общественных отношений». То есть личность в этом случае – категория, характеризующая не биологическую природу человека, а результат влияния внешней среды на организм.

Несмотря на то, что К. Маркс имел в виду прежде всего объективные социальные и экономические отношения, это позволило В.М. Мясищеву создать теорию и школу, где исчезла существенная разница между объективными социально-экономическими отношениями и субъективным отношением человека к миру [6].

В.Н. Мясищев выдвинул концепцию личности, где потребности, интересы, склонности личности, которые он определил через понятие «отношения», являются не продуктом каких-то «абстрактных исторических условий», но результатом того, как человеку удается взаимодействовать с окружающим миром [1].

К.А. Абульханова-Славская, А.Н. Славская, Е.А. Леванова, Т.В. Пушкарева в статье «Теория личности В.Н. Мясищева» пишут, что в отличие от многих, «прежде всего зарубежных ученых», В.Н. Мясищев видел личность «не в комфортных условиях жизни, а со стороны болезненных последствий ее жизненных потрясений». Как отмечается в публикации, «в отличие от многих отечественных ученых, он был едва ли не единственным психологом, который изучал реальную личность и на этой основе проектировал ее теоретическую модель» [1].

Таким образом, «болезненные последствия жизненных потрясений», на которые указывают авторы статьи, — это прежде всего то, что определяется социальными условиями. Биология личности в этом случае лишь декларируется, но на деле неизбежно остается за кадром. Такая позиция вполне согласуется с методологической установкой советской психологии: личность — это про-

дукт социального или социокультурного развития. Родившийся ребенок изначально, например, генетически, не имеет никаких врожденных основ, которые при его взрослении могут проявиться в тех или иных характеристиках его личности. То есть все, что можно отнести к биологии личности, будет отнесено к темпераменту, характеру и пр.

Анализируя теорию личности Б.Г. Ананьева, К.А. Абульханова-Славская, А.Н. Славская, Е.А. Леванова и Т.В. Пушкарева пишут: «Ананьев впервые переходит от определения личности через ее структуру к ее рассмотрению как системы, в свою очередь вписанную в систему общества. (Хотя представление об иерархическом характере развития личности уже было предложено В.Н. Мясищевым.) Свой критический пафос он обращает совершенно справедливо против характерной для отечественных психологов 60-х годов тенденции сосредоточиться вокруг структуры личности (и ограничиться ею)» [2, с. 11].

И далее: «Здесь важно отметить, что Б.Г. Ананьев, не отрицая роли структурного подхода к личности, считал, что нельзя изначально идти от структуры к каким-либо другим контактам или способам взаимодействия, а наоборот: необходимо методологически определять ее, идя от макроконтекста — проблем человека и человекознания и социального контекста — системы общества. Ананьев назвал личность системой, вписанной в систему общества» [2, с. 11].

Таким образом, очевидно, что большинство наиболее крупных отечественных советских и современных психологов действительно всегда следует имплицитным установкам: 1) личность социальна; 2) личность позитивна; 3) психолого-педагогическими методами можно сформировать высоконравственную или (в сегодняшней интерпретации) «высокодуховную» личность. Проблемы конформизма, двойной морали, биологических потребностей и влечений, подсознания и бессознательного, психопатологии, эгоизма, гедонизма, эвдемонизма и прочих «чуждых нашей науке западных идей» здесь не принимаются во внимание и даже не являются предметом обсуждения.

Наиболее популярный и простой способ решить проблему биологического и социального в

личности — это наложить некие рамки на само понятие, обозначить личность как нечто изначально «социальное», то есть социальное «по определению», а все, что там есть «биологического» отнести к другим понятиям (темперамент, характер, акцентуация и пр.). Однако в этом случае неизбежно возникнет противоречие с зарубежной психологией, где исторически понятие личности формировалось без какого-либо идеологического влияния, а значит без запретов на все «биологическое», что может быть найдено там на теоретическом или эмпирическом уровнях.

Именно поэтому в СССР всегда так болезненно относились к фактам немотивированного жестокого криминального поведения, к серийным убийствам, сексуальным насилиям, суициду, педофилии, гомосексуализму и другим проявлениям «дурного человеческого начала», которые объясняли лишь влиянием среды на человека, фактором условий его существования. Утверждалось, что при «правильном воспитании» человеческие пороки могут быть устранены. Собственно, в этом и состояла основная идея «теории научного коммунизма» - создать общество, в котором условия жизни и система воспитания позволят избавить человека от всех возможных пороков. При этом до сих пор не только обычные люди, далёкие от науки, но и многие отечественные психологи уверены, что, например, жестокость, агрессия и гомосексуализм - это не природные (врожденные) качества тех или иных людей, не его «биология», а проявление дурного воспитания или «западной пропаганды».

В большинстве современных отечественных учебников по общей психологии понятие личности относят к разделу психических свойств. Туда же относят характеристики темперамента, характера, способностей и пр. Однако есть подходы, в которых личность рассматривается как наивысший этап развития человека, а психическим процессам, свойствам и состояниям предписан более низкий статус. В частности, это представлено в концепции Б.Ф. Ломова. Здесь личность находится на самом высоком уровне психического. На предыдущем уровне психика рассматривается с точки зрения ее свойств и структуры в контексте деятельности, общения и поведения. На еще бо-

лее низком уровне изучаются процессы и состояния (восприятие, мышление, память и т.д.). Самый низкий уровень связан с нейродинамикой, то есть с физиологическим обеспечением психических процессов [9].

Теории и типы теорий личности в различных направлениях психологии

Психология личности – одно из старейших научных направлений современной психологии. Пожалуй, в мире нет ни одного крупного психолога, который бы не ставил перед собой задачу изучения личности и механизмов ее развития. Именно поэтому в настоящее время история психологии насчитывает не менее десятка типов теорий личности, разрабатывавшихся в различных научных парадигмах. Здесь необходимо подчеркнуть, что речь идет не о теориях личности, а именно о типах теорий: диспозиционные теории (Г. Олпорт, Б. Кеттелл), психодинамические (3. Фрейд, К.Г. Юнг и др.), теории социального поведения (А. Бандура, Дж. Роттер). Когнитивные (Дж. Келли), гуманистические (К. Роджерс, А. Маслоу), биологические (У. МакДаугол), социокультурные (Л.С. Выготский), социальные В.Н. Мясищев, Б.Г. Ананьев), деятельностные (А.Н. Леонтьев) и т.д. [5].

Многие положения в теориях личности формируются авторами на основе философских идей, которых они придерживаются, выделяя наиболее актуальные проблемы. В частности, это проблема свободы и детерминизма. Рассматривается вопрос: способны ли люди контролировать свое поведение и понимать его мотивы, или оно изначально неподвластно их контролю. Следующая проблема - это уникальность или универсальность личности. Так, обсуждая степень индивидуальности (уникальности) каждого человека или сходства в природе (универсальности), Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс и другие концентрируются на вопросах уникальности любой личности. Многие бихевиористы и представители когнитивной психологии, напротив, подчеркивают важность универсальных принципов формирования личности, таких как подкрепление и самоэффективность.

Также широко обсуждается проблема активности и реактивности, то есть действуют ли

люди чаще по своей инициативе (активно) или их поведение — результат внешней, например, социальной стимуляции. Традиционные поведенческие теории утверждают, что люди пассивно формируются средой, в гуманистических и когнитивных теориях говорится, что люди активны в своем развитии.

Зарубежные исследователи часто выделяют необходимые компоненты теории личности. В частности: 1) структура личности; 2) стабильные характеристики индивида; 3) мотивация поведения личности (в этом случае теория должна объяснять: почему люди поступают так, а не иначе); 4) механизмы развитие личности (как развивается личность в целом и ее отдельные характеристики); 5) психопатология и психическое здоровье (то есть теория личности должна объяснить: почему некоторые люди плохо адаптируются к социальным и иным условиям; в этом случае она должна предложить критерии оценки здоровой и патологической личности); 6) методы изменения и «улучшения» личности с помощью терапевтического воздействия (теория должна предложить пути коррекции отклоняющегося от нормы поведения) [15].

Следует обратить внимание на то, что пункты 5 и 6 связаны с проблемой ценностей, которая, например, в условиях морального выбора (см. «парадокс Канта-Констана»), в принципе не поддается какому-либо научному обоснованию [7; 10].

Огромную роль в зарубежной психологии личности сегодня играет категория поведения, прежде всего социального. То есть личность в этом случае — это не только описание характеристик, черт и пр., но и поступки человека, его действия. Поведение является интегратором всех психических функций, а личность — это то, что осуществляет такое поведение. Нечто весьма похожее мы можем найти у С.Л. Рубинштейна. Для него поведение — категория более общая, чем деятельность. Единицей поведения в этом случае выступает — поступок, который прежде всего рассматривается под углом процессов моральнонравственной регуляции [11].

Л. Хьелл и Д. Зиглер выделяют девять «шкал», которые характеризуют различные теории лично-

сти. В частности, это свобода – детерминизм (ответственность); рациональность – иррациональность; холизм (целостность) – элементализм; конституционализм (биологическое) – инвайроментализм (социальное); изменяемость (эволюционизм) – неизменность; субъективность – объективность; проактивность (внутренние факторы развития) – реактивность (поведение как реакция на внешние стимулы); познаваемость – непознаваемость; гомеостаз (сохранение внутреннего мира) [15].

В настоящее время полное перечисление и анализ теорий личности оказывается совсем не простой задачей. Многие зарубежные психологи не придерживаются какой-либо одной теории личности, а предпочитают некий комплексный подход. Приверженцем такого подхода является, например, один из наиболее известных сегодня психологов, изучающих личность, это Клод Роберт Клонингер (С.К. Cloninger) — американский психиатр, психолог, генетик, известный своими исследованиями биологических, психологических, социальных, религиозных и иных основ как психического здоровья, так и психических заболеваний [19].

Современные теории личности

Несмотря на огромное количество известных теорий личности и многочисленные типы таких теорий, сегодня также появляются авторы, которые предлагают новые теории. Одной из них, получившей эмпирическое обоснование и практическое применение, является так называемая Significance Quest Theory (SQT), разработанная группой ученых под руководством А. Круглански (A.W. Kruglanski) [29; 40].

Стремление к ярким переживаниям и жажде приключений часто использовались для объяснения того, почему люди прибегают к политическому насилию. Это и нашло отражение в теории значимости — SQT [27; 29; 40]. Исследования насильственного экстремизма показывают, что поиск «сенсационности» поведения связан с поиском смысла жизни, готовностью к самопожертвованию и поддержкой политического насилия.

В исследованиях A.W. Kruglanski и др., было показано: поиск эмоциональных переживаний от самовыражения в тех областях, которые человек

считает для себя значимыми, является одним из психологических механизмов, связывающих смысл собственного существования с поддержкой экстремального поведения (например, поддержка политического насилия) [28].

В поисках личностного смысла, люди ищут новые интенсивные переживания, тем самым повышая вероятность того, что они будут придерживаться насильственных идеологий или групп. Авторы разработали и успешно протестировали две стратегии, направленные на то, чтобы помешать процессу радикализации, а именно: (а) снижение эмоциональности в поиске смысла людьми, побуждая их размышлять о социально важных и полезных вещах, и (б) создание захватывающей, но мирной альтернативной группы, которая удовлетворяет их потребность в ярких ощущениях. Оба подхода имеют отношение к усилиям по предотвращению и вмешательству, направленным на смягчение поддержки политического насилия.

В теории SQT берется за основу тот факт, что стремление к значимости является универсальной человеческой потребностью. Для человека важно чувствовать, что он значим, что его ценят и уважают те, кто также значим и для самого человека, кто принадлежит к значимой группе, сообществу или культуре [28; 30].

Те, кого признают «величайшими всех времен», часто получают этот титул благодаря чрезвычайной приверженности тому, что принесет им переживание собственной «значимости». Александр Македонский, например, был вдохновлен доминировать над людьми по всему миру, стремясь, чтобы его считали похожим на греческих богов [20]. Его ненасытное стремление к значимости очевидно.

Теория предполагает, что амбиции, как особый тип поиска значимости, могут привести к экстремизму. Утверждается, что связь между амбициями и экстремизмом опосредована некоей навязчивой страстью. Амбиции могут привести к тому, что люди будут добиваться своих целей гармоничными и ненавязчивыми способами, но только навязчивая страсть приводит к экстремизму.

Современные тенденции развития психологии личности

На наш взгляд, можно выделить некоторые перспективные направления в зарубежной психологии, которые представляют интерес и для отечественной науки. Очевидно, что такой выбор является во многом субъективным и объективно не может быть исчерпывающим [34].

Здесь можно обратить внимание на следующие направления исследований и темы:

- 1. Структура личности, характеристики (черты) личности и поведение;
 - 2. Личность и лидерство;
- 3. Морально-нравственная регуляция поведения личности;
 - 4. Личность и религия;
- 5. Личность в условиях толерантности и мультикультурализма.

Как показывает анализ научных публикаций, выполненных в данных направлениях, обнаруживаются общие и существенные различия в проблематике исследований, методах, теоретическом обосновании, интерпретации результатов, оценке значимости работ в российской и зарубежной психологии личности. Мы также сталкиваемся с целым рядом уникальных и необычных для российской науки исследований.

В качестве примера можно привести некоторые публикации, которые были взяты нами из открытых и доступных источников Американской психологической ассоциации (АПА).

Так, например, в исследовании J. Stellar и R. Willer было показано, что аморальные цели людей воспринимаются как свидетельство их низкой компетентности, которая, в свою очередь, определяется их низким социальным интеллектом. Результаты свидетельствуют о том, что информация о моральном облике человека влияет на восприятие его компетентности [42].

В другой работе было показано, что лидеры с низким уровнем харизмы менее эффективны, потому что им не хватает стратегического поведения; лидеры с высокой харизмой менее эффективны, потому что им не хватает оперативного поведения. В целом, эта работа дает представление о диспозиционной природе харизмы и раскрывает процессы, посредством которых и при каких условиях харизма лидера максимально в

эффективна. Была обнаружена U-образная взаимосвязь между харизматической личностью и эффективностью лидера, оцениваемой наблюдателями, что указывает на то, что умеренный уровень лучше, чем низкий или высокий уровни харизмы [45].

В исследовании Т.А. Кгерѕ изучалось, как аудитория реагирует на лидеров, которые меняют мнение после того, как открыто декларируют свои моральные позиции. Задавался вопрос, считает ли аудитория, что моральные обязательства могут быть нарушены, и когда именно. Было обнаружено, что участники исследования сочли изменение моральных принципов недопустимым и лицемерным, даже когда они сами соглашались с новой точкой зрения. Эффект сохранялся даже среди участников, которые полностью одобряли новую точку зрения. Выводы были сделаны на основе анализа и мета-анализа 15 исследований [26].

В работе I. Silver и А. Shaw исследователи пришли к выводу, что: людей волнует, как окружающие относятся к спорным моральным и политическим вопросам. Тем не менее, сталкиваясь с перспективой занять чью-либо сторону и возможностью оттолкнуть наблюдателей, с которыми они могут не согласиться, люди часто пытаются «держаться в стороне», сообщая, что они предпочли бы вообще не занимать чью-либо сторону. Показано, что, несмотря на интуитивный призыв к уменьшению конфликта, отказ от принятия какой-либо стороны по моральным вопросам может нанести ущерб доверию, даже по сравнению с прямой противоположностью точки зрения наблюдателя [41].

В одиннадцати экспериментах (N = 4383) с использованием контролируемых сценариев, видеоклипов из реальной прессы и мотивированных экономических игр было обнаружено, что попытки не вмешиваться в драку часто интерпретируются как вводящие в заблуждение и не заслуживающие доверия. Когда участники эксперимента предпочитают не принимать чью-либо сторону, наблюдатели часто приписывают им скрытую оппозицию, стратегический обман, который вызывает недоверие и подрывает сотрудничество с реальными ставками и негативно влияет на вы-

бор партнера. На практике людей часто просят занять чью-либо сторону в моральных и политических разногласиях. Полученные результаты указывают на репутационный риск, ожидающий тех, кто решит этого не делать.

Анализируя публикации американских коллег, мы часто наталкиваемся на результаты исследований, которые в нашей стране вовсе не имеют аналогов. Например, в исследовании А.Т. McLaughlin и др. изучалось, как религиозные люди обращаются за помощью к своим религиозным лидерам в связи с проблемами психического здоровья. Выяснилось, что многие верующие испытывают определённое недоверие установкам некоторых религиозных лидеров при решении вопросов охраны психического здоровья. В этом исследовании авторы использовали скрытый профильный анализ для изучения различий в мировоззрениях религиозных лидеров и того, как они связаны с отношением к психологической науке (N = 401) [33].

Исследователи целенаправленно отбирали образцы из католических, евангелических и основных деноминаций. Результаты показали три профиля лидеров: теологически консервативный, теологически прогрессивный и теологически умеренный. Резкие различия для этих трех групп касались мировоззрений, касающихся однополых браков, гендерных ролей в руководстве и происхождения человека.

Авторы обнаружили, что теологически консервативные лидеры в выборке были в основном открыты для использования психологии в консультировании, но испытывали озабоченность по поводу несоответствия веры и науки. Напротив, две другие группы (теологически прогрессивные и теологически умеренные лидеры) казались гораздо более склонными к использованию психологии и были менее обеспокоены несоответствием идеологии. Исходя из этих выводов, исследователи опирались на принципы практической науки, чтобы рекомендовать стратегии содействия более тесному сотрудничеству между религиозными лидерами и психологами.

В статье по аналогичной проблематике авторы рассматривают вопрос профессионального отбора священнослужителей. В частности, психоло-

гические оценки являются стандартным компонентом процесса приема абитуриентов на программы духовенства в Римско-католической церкви. Исследование позволило получить данные о психологическом здоровье кандидатов в священнослужители. Тем не менее, практикующим врачам по-прежнему не хватает четких указаний относительно основных этических норм, культурной компетентности и клинических соображений, необходимых для проведения основанных на фактических данных психологических оценок с этой группой населения [21].

Аналогичной проблематике посвящена статья Т.G. Plante Автор рассматривает «четыре урока», извлеченных из 1000 психологических оценок священнослужителей и кандидатов на священнослужение в Римско-католической и Епископальной церквях. Было обследовано 1000 кандидатов в священнослужители и рукоположенных священнослужителей в Римско-Католической и Епископальной церквях. Цель статьи состояла в том, чтобы обсудить четыре проблемы, решение которых может быть полезным как врачам, так и специалистам, работающим в области диагностики, лечения или консультирования с аналогичными церковными группами [37].

Было обнаружено, что кандидаты на священнослужение, как правило, (а) психологически здоровы, (б) старше по возрасту и большим жизненным опытом, чем предыдущие поколения священнослужителей, и (в) чаще травмированы историей сексуального насилия со стороны других священнослужителей. Был сделан вывод о необходимости использования передового опыта, основанного на фактических данных, при проведении скрининговых оценок священнослужителей. Следует отметить, что подобные исследования в России не проводятся.

Новые подходы и методы исследований в психологии личности

Арсенал методов изучения личности из года в год расширяется. Наряду с классическими методами (лабораторный и социальный эксперимент) и психодиагностическими тестами (16 PF Кеттелла, Big 5, MMPI, Майерс-Бриггс, ТАТ и др.) для исследований в настоящее время применя-

ются методы, которые для этих задач ранее не использовались, например, электроэнцефалография (ЭЭГ), позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ), а также функциональная магнитно-резонансная томография (ФМРТ), которая в настоящее время является наиболее широко используемым методом визуализации, помогающим, по мнению ученых, локализовать черты личности в мозге.

Анализ активности исследователей, работающих в различных областях науки, имеющих прямое или косвенное отношение к проблемам изучения личности, показывает рост публикаций, основанных на новых методах, прежде всего аппаратурных (ПЭТ, ФМРТ, ТКМС), новых математических моделях и методах обработки результатов. Наибольшую популярность приобретает работа с большими данными (Big Data) и такие методы, как метаанализ, машинное обучение, нейросети, агент-ориентированное моделирование и др. 1

Одним из проектов АПА, который основан на работе с Big Data, является программа по изуче-**SAPA** нию личности под названием (https://www.sapa-project.org/). Это приложение, которое позволяет тестировать неограниченное количество людей, желающих пройти такое тестирование и получить обратную связь о собственной личности на двух уровнях. Во-первых, человек получает баллы по 27 параметрам, которые были определены в результате статистического анализа 400 000 участников SAPA. Затем даются баллы по «Big 5» и общий балл когнитивных способностей. Тест бесплатный и полностью анонимный [46].

Модель SAPA основана на эмпирическом анализе элементов многих наиболее популярных личностных тестов. В течение четырех лет использовалось более 150 различных личностных шкал (несколько десятков личностных тестов).

¹ Под термином Big Data понимают структурированные или неструктурированные массивы данных большого объема, которые обрабатываются при помощи специальных автоматизированных инструментов для выявления закономерностей, прогнозов, принятия решений и пр. Термин «большие данные» появился относительно недавно. Его предложил в спецвыпуске журнала Nature 2008 года редактор журнала Клиффорд

Для обработки данных применялись мощные статистические процедуры для определения таксономии личностных черт и двухуровневая модель. Наиболее высокий уровень соответствует характеристикам Big 5. Нижний – описывает 27 различных признаков. После завершения опроса участники исследования помимо личных результатов также получают информацию о том, как все эти тесты выполнили другие люди. Одна из целей проекта SAPA — продвижение методов, которые применимы к широким группам респондентов.

Тенденция изучения личности в психологии на основе анализа больших данных и математических методов моделирования с каждым годом приобретает все большую популярность. В качестве примера можно привести проект, цель которого — разработка новых методов для обработки экспериментальных данных и проверки соответствующих гипотез с максимальной надежностью [47].

В данной работе рассматриваются «угрозы правильному выводу», включая проблемы масштабирования, надежности и непреднамеренные ошибки. Базовые экспериментальные конструкции обсуждаются как способы устранения «некоторых, но не всех угроз достоверности». По определению исследователей, личность — это «абстракция, используемая для объяснения последовательности и когерентности в индивидуальном паттерне аффектов, познаний, желаний и поведения».

Как отмечают авторы, то, что человек «чувствует, думает, хочет и делает, меняется от момента к моменту и от ситуации к ситуации, но показывает закономерности в разных ситуациях и с течением времени, которые могут быть использованы для распознавания, описания и даже понимания человека». Задача исследователя личности состоит в том, чтобы «выявить соответствия и различия внутри индивидов и между ними (что

Линч. К большим данным автор отнес любые массивы неоднородных данных более 150 Гб в сутки, хотя единого критерия Big Data до сих пор не существует. С помощью Big Data строят модели-симуляции (часто в режиме онлайн) с помощью суперкомпьютеров, мощность которых многократно превосходит обычные.

человек чувствует, думает, хочет и делает) и, в конечном счете, попытаться объяснить их в терминах набора проверяемых гипотез (почему человек чувствует, думает, хочет и делает)». Центральное место в этом анализе занимает различие между чертами личности и личностными состояниями.

В процессе анализа новых тенденций изучения личности часто встречаются примеры моделирования личности на основе диспозиционных теорий. В частности, такую модель обсуждают Э. Рассин и Д. Кондон (E. Rassin, D.M. Condon) [46]. Модель личности НЕХАСО отличается от модели Big 5 (B5/FFM) тем, что она основана на 6 измерениях личности, включая честность-смирение (Н), эмоциональность (Е), экстраверсию (Х), доброжелательность (А), добросовестность (С) и открытость опыту (О). Говорится, что люди с высокими баллами по шкале честности-смирения «избегают манипулирования другими ради личной выгоды, не испытывают искушения нарушать правила и не заинтересованы в щедром богатстве и роскоши». Однако те, кто набирает очень низкие баллы по этой шкале, склонны «льстить другим, чтобы получить то, что они хотят, склонны нарушать правила ради личной выгоды, мотивированы материальной выгодой и испытывают сильное чувство собственной важности».

Многие модели строятся на основе новых психодиагностических методик и измерении так называемых имплицитных (подсознательных) процессов [13]. Как пишут Г.В. Токарева и Л.Я. Дорфман, анализируя работы зарубежных авторов, идея определения (измерения) имплицитных процессов впервые была предложена McGinnies [32]. Она заключалась в том, что некоторые стимулы, например, вызывающее чувства тревоги или удовольствия, побуждают автоматические реакции до того, как субъектом осознается природа таких стимулов. Это подтверждают, например, исследования с применением аппаратуры для оценки КГР. Однако, поскольку использование КГР в психологии личности до сих пор не дало каких-либо существенных результатов, многие исследователи занялись разработкой так называемых имплицитных личностных тестов.

В частности, в рамках данного подхода были разработаны: Имплицитный ассоциативный тест (IAT) аттитюдов; Имплицитный ассоциативный

тест гендерных стереотипов (IAT); Имплицитный позитивный и негативный аффективный тест (IPANAT); Имплицитный самооценочный тест (ISAT).

В этом случае рассматриваются ситуации, в которых участникам исследования, выносящим некоторые суждения, приписываются эмоции, которые на самом деле являются индикаторами психических состояний или черт личности человека. В качестве стимулов, вызывающих «имплицитные аффекты», например, в тесте IPANAT используются искусственные слова с высокой степенью неопределенности. Имплицитный тест (ISAT) направлен на косвенные измерения «самодоверия» как проявлений имплицитных «самоотношений», а также имплицитных «саморепрезентаций». Для этого применяется процедура визуального шкалирования/ранжирования схематических изображений лица в сочетании с полупроективными заданиями и семантическим дифференциалом. Подобные тесты позволяют получить представления о потенциале личности в различных сферах (социально-психологической, эмоциональной и др.).

Исследования в области психологии личности проводятся в мировой науке во многих областях, напрямую не связанных с психологией. Так, например, популярность приобретает изучение взаимосвязи гормонов и психологических особенностей личности. В частности, изучается, как гормональные процессы влияют на личность. Так, ученые из Австралии и Великобритании проводят исследования, в ходе которых определяется уровень гормонов человека (тестостерон, окситоцин, дофамин и кортизол и др.), в зависимости от его личностных особенностей [48].

Как отмечают авторы проекта, на формирование личности влияет и ранний жизненный опыт, и наследственность, но до конца не понятна биология, которая лежит в основе личности. Личностные черты также различаются у мужчин и женщин, поэтому цель исследования — определить, есть ли в этом гормональная основа? Участников экспериментов просят предоставить образец слюны и заполнить несколько личностных тестов, охватывающих полный спектр личностных качеств (сговорчивость, добросовестность, социальное доминирование, импульсивность и пр.).

Для того, чтобы изучать процесс формирования личности в онтогенезе развитие новых научных подходов и теорий крайне необходимо. Огромного количества существующих сегодня оказывается недостаточно. Ведь несмотря на их разнообразие, мы до сих пор не можем, например, понять, как соотносятся биологические и социальные факторы такого развития. В биологии (генетике) появляются новые подходы и данные, которые также заставляют пересмотреть некоторые положения психологии личности, в частности, те, которые еще не так давно считались очевидными и нерушимыми. Например, это направление, которое получило название поведенческой эпигенетики.

Эпигенетика и личность

Поведенческая эпигенетика (или эпигеномика) – область исследований, изучающая роль генетической информации в формировании поведения животных и человека. Данная дисциплина стремится объяснить, как воспитание и условия развития формируют организм и участвуют в передаче признаков (например, некоторых личностных свойств) от родителей потомкам.

Если генетическая информация действительно участвует не только в формировании физических свойств организма, но и каких-либо индивидуальных характеристик животного или личности человека, то не могут ли каким-либо образом приобретённые свойства передаваться из поколения в поколение? В настоящее время доказано, что передаваемые на основе информации ДНК признаки не всегда проявляются у тех или иных людей. То есть экспрессия генов зависит от условий, в которых они могут проявляться или не проявляться в жизни отдельного индивида, хотя и существуют в клетках в неактивном виде. Например, это показано на заболеваниях, которые имеют изначально генетическую природу.

Поведенческая эпигенетика объясняет, как на экспрессию генов влияют опыт человека и окружающая среда, что вызывает индивидуальные различия в поведении, познании, психическом здоровье и пр. В частности, доказано, что эпигенетические изменения могут влиять на рост нейронов при развитии мозга у ребенка, а также

изменять активность нейронов у взрослого человека.

В качестве механизмов, которые вызывают такие изменения, сегодня называют метилирование ДНК и модификацию гистонов. В обоих случаях способ экспрессии генов меняется без изменения основной последовательности ДНК [38]. Показано также, что экспрессию генов можно контролировать с помощью так называемых белков-репрессоров. Метилирование ДНК способно деактивировать ген, что прерывает процесс считывания генетической информации из ДНК. Удаление так называемой «метильной метки» способно вновь сделать ген активным. По-видимому, изучение данного механизма позволит разработать новые эффективные лекарства от многих генетических заболеваний [44].

Таким образом, тот факт, что эпигенетика оказывает сильное влияние на развитие организма и может изменять выражение индивидуальных характеристик личности, у многих авторов уже не вызывает никакого сомнения [36]. Выявить эпигенетические различия, влияющие на личность, помогают исследования однояйцевых близнецов. Так в одном исследовании группы авторов была установлена связь эпигенетических факторов с различиями в принятии риска и реакциях на стресс у монозиготных близнецов. Были выявлены близнецы с существенными различиями жизненного пути. При этом, как отмечают авторы, один близнец демонстрировал «явное повышенное рискованное поведение, а другой - поведение, избегающее какого-либо риска» [24; 31].

В другом исследовании была выявлена значимая корреляция между плохим уходом за ребенком в детстве и эпигенетическими изменениями в его организме [43]. Была обнаружена взаимосвязь между пренатальным воздействием настроения матери и генетической экспрессией, приводящей к повышенной реактивности на стресс у потомства. Были исследованы три группы младенцев: те, кто родился от матерей, получавших лекарства от депрессии с ингибиторами обратного захвата серотонина (ИОЗС); те, кто родился от матерей, страдающих депрессией, которых не лечили от депрессии; и те, кто родился от матерей, не страдающих депрессией. Было установлено, что предающих депрессией. Было установлено, что пре-

натальное воздействие депрессивного / тревожного настроения было связано именно с повышенным метилированием ДНК и повышенной реактивностью на стресс.

Исследования в области эпигенетики позволяют вернуться к старым теориям, которые были когда-то предложены, но не имели четкого эмпирического и теоретического обоснования. Таким примером может выступать так называемый «эффект Болдуина» — теория эволюции американского психолога и философа Джеймса Болдуина, которая рассматривает соотношение между врожденным (инстинктивным) поведением и способностью обучаться. Она была предложена автором в 1896 году в работе «Новый фактор эволюции» [18].

Джеймс Марк Болдуин (James Mark Baldwin) — американский психолог, философ, социолог, один из основателей психологии личности и социальной психологии в США — основной задачей психологии считал исследование индивидуальных различий. Д.М. Болдуин внёс вклад в изучение детской психологии, рассматривая развитие психики с позиций биогенетического закона. Автор утверждал: если ненаследственное изменение (например, изменение поведения в результате обучения) оказывается полезным, то больше потомства будут оставлять особи с лучшей наследственной предрасположенностью к такому изменению (способные быстрее и лучше научиться такому поведению).

Он полагал, что приобретенный навык может каким-то образом быть «записан» в геном. Примером, по его мнению, может служить толерантность к лактозе. В этом случае именно традиция выращивания и отбора животных, дающих больше молока, привела к тому, что среди людей получили преимущество те, кто лучше переваривал лактозу. Пример иллюстрирует связь между поведением и генами. А именно: первоначальная способность усваивать лактозу ведёт к отбору человеком животных, способных давать больше молока. В результате происходит закрепление и распространение генов, позволяющих усваивать лактозу.

По современным представлениям Д. Болдуин предложил решение, согласно которому эпигене-

тические факторы влияют на формирование генома так же, как действует естественный отбор. Например, поведенческие стереотипы, принимаемые людьми и передающиеся от поколения к поколению в виде культурных практик и традиций, возможно, могут выступать факторами, передачи и закрепления наследственной информации.

Здесь мы сталкиваемся с неким парадоксом. Идеи отечественных психологов о ведущей роли социальных факторов и факторов среды в решении задачи формирования человека нового типа, то есть «человека будущего», возможно, не покажутся столь уж нереалистичными, если роль эпигенетики окажется значительной, и это будет доказано методами экспериментальной науки.

Аппаратурные методы исследования личности

Говоря о новых подходах и методах изучения личности, нельзя не коснуться новых аппаратурных методов и инструментов. В частности, таких, как функциональная магнитно-резонансная томография (fMRI) (англ. Functional magnetic resonance imaging) и позитронно-эмиссионная томография (Positron Emission Tomography — PET) — радионуклидный томографический метод исследования.

В медицинской и исследовательской практике функциональная магнитно-резонансная томография (fMRI) – проводится с целью измерения гемодинамических реакций (изменений в токе крови), вызванных нейронной активностью мозга. Метод основан на достаточно простой идее: так как мозговой кровоток и активность нейронов связаны между собой, то появляется возможность определить активацию определенной области головного мозга во время нормального его функционирования под влиянием различных физических факторов (например, движение тела, при решении когнитивных задач и пр.).

Позитронно-эмиссионная томография (Positron Emission Tomography – PET) — основана на регистрации частиц, возникающих при аннигиляции позитронов с электронами. Позитроны возникают при распаде радионуклида, входящего в состав препарата, который вводится в организм перед исследованием.

В настоящее время методы компьютерной томографии широко применяются для изучения личности по всему миру и прежде всего в США, в частности, в политической психологии. Например, исследователями публикуются материалы об особенностях у людей, имеющих разные политические взгляды. Утверждается, что люди с либеральными и консервативными взглядами различаются по личностным характеристикам. Установлено, что консерваторы статистически значимо демонстрируют более сильную реакцию на угрозу и конфликт. Либералы в большей степени склонны искать новизну и неопределенность [22]. Демократы – более политически либеральны, но в большей степени склонны к риску, например, чем республиканцы, которые чаще политически консервативны [23]. То есть получены многочисленные данные о том, что биология мозга связана с процессом политической дифференциации людей. Показано, что у консерваторов проявляются более интенсивные физические реакции на угрожающие стимулы, чем у либералов [35]. Либералы демонстрируют более мощные физиологические реакции на ситуации конфликта, чем консерваторы [17] и т.д.

При этом либералы и консерваторы демонстрируют различные когнитивные стили. Утверждается также, хотя это звучит невероятно, что либералы демонстрируют увеличенный объем серого вещества в передней поясной коре, а консерваторы — увеличенный объем серого вещества в миндалевидном теле [39].

Нейропсихолог R. Капаі и его коллеги установили, что четыре области мозга в более значительной степени реагируют на риск и неопределенность (правая миндалина, левый островок, правая энторинальная кора и передняя поясная кора) и существенно различаются у либералов и консерваторов. Это позволяет предположить, что политическая идеология, может быть связана с различиями в когнитивных процессах [25]. Возможно, что это как-то даже связано с теорией значимости SQT (Significance – Quest Theory), о которой было сказано выше.

Помимо методов нейровизуализации для изучения личности в настоящее время часто применяется так называемая TMS — транскраниальная магнитная стимуляция (Transcranial magnetic

stimulation). Суть метода – в использовании сильных магнитов для воздействия на те или иные участки мозга. Магнитное поле проникает в черепную коробку и производит «возбуждающий» или «тормозящий» эффект. Активация ассоциативных зон улучшает обучаемость, способность к концентрации внимания, эффективность усвоения, хранения и воспроизведения информации. В лечебных целях оно эффективно для коррекции двигательных, поведенческих и аффективных нарушений. Транскраниальная магнитная стимуляция применяется также для лечения заболеваний, связанных с изменениями личности:

- детского церебрального паралича (ДЦП);
- задержки речевого и психоречевого развития (ЗПРР);
 - афазии, алалии, дизартрии;
 - задержки психического развития (ЗПР);
- синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ);
- раннего детского аутизма (РДА), расстройств аутистического спектра (РАС);
 - последствий гипоксии;
 - эпилепсии определенной формы;
- последствий черепно-мозговых травм (ЧМТ) и инсультов

Заключение

Как показывает анализ некоторых новых подходов, методов и методик изучения личности, наиболее перспективными, на наш взгляд, для отечественной психологии личности могут в ближайшие годы оказать такие направления исследований, как изучение сознания и подсознания на новых принципах и в соответствии с новыми теориями [3; 12], феномен саморазвития личности с учетом синергетического подхода, ценности в многополярном мире и морально-нравственная регуляция поведения личности [4; 16], личность в поляризованном обществе и социальный страх [8], личность в условиях поссттравматического стресса [14], А также кросскультурные исследования личности и проблема трансформации личности в глобальном мире.

Литература:

- 1. Абульханова-Славская К.А., Славская А.Н., Леванова Е.А., Пушкарева Т.В. Теория личности В.Н. Мясищева // Мир образования образование в мире. 2018. №4(72). С. 58-66.
- 2. Абульханова-Славская К.А., Славская А.Н., Леванова Е.А., Пушкарева Т.В. Теория личности Б.Г. Ананьева // Мир образования образование в мире. 2018. №4(72). С. 7-20.
- 3. Аллахвердов В.М. Собрание сочинений в семи томах. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2021.
- 4. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические исследования нравственности. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2013.
- 5. Захаркин Д.Д. Классификация современных теорий личности // Психолог. 2015. № 5. С. 31-55. DOI: 10.7256/2409-8701.2015.5.16246
- 6. Ковалев А.Г., Мясищев В.Н. Психические особенности человека. Л.: Издательство Ленинградского университета. 1957.
- 7. Лебедев А.Н. Групповая поляризация мнений в условиях неопределенности морального выбора // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 2. С. 159-171. doi:10.17759/exppsy.2022150212
- 8. Лебедев А.Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т.2. №1. С. 2-19.
- 9. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- 10.Поддьяков А.Н. Допустимо ли солгать злоумышленнику, чтобы помешать преступлению: анализ исторической полемики // Культурно-историческая психология. 2011. Том 7. № 1. С. 28-41.
- 11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Изд. 2-е. М., 1946.
- 12. Соловьев Н.А. Структура сознания и квантовая парадигма // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т.2. №2. С.29-46.
- 13. Токарева Г.В., Дорфман Л.Я. Тесты на определение имплицитных процессов // Вестник

- Южно-Уральского государственного университета. Серия Психология. Психофизиология. 2014. Т.7. №3. С.22-31.
- 14. Харламенкова Н.Е., Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В., Ворона О.А., Казымова Н.Н., Дымова Е.Н., Шаталова Н.Е. Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- 15.Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2020.
- 16.Юревич А.В., Ушаков Д.В. Нравственность в современной России // Социологический журнал. 2009. № 1. С. 70-86.
- 17. Amodio D.M., Master S.L., Yee C.M., Taylor S.E. Neurocognitive components of the behavioral inhibition and activation systems: Implications for theories of self-regulation // Psychophysiology. 2008. Vol. 45. Issue 1. P.11-19. https://doi.org/10.1111/j.1469-8986.2007.00609.x
- 18.Baldwin M.J. A New Factor in Evolution // The American Naturalist. 1896. Vol. 30. № 354. P. 441-451.
- 19. Cloninger C.R. Feeling Good: The Science of Well-Being. New York: Oxford University Press, 2004.
- 20. Giles D. Illusions of Immortality: A Psychology of Fame and Celebrity. Macmillan Education UK. 2000.
 - https://link.springer.com/book/10.1007/978-1-137-09650-0?#bibliographic-information (дата обращения 29.08.2020)
- 21.Isacco A., Songy D.G., Plante T.G. Psychological evaluations of clergy applicants in the Catholic Church: Answering frequently asked questions // Spirituality in Clinical Practice. 2022. № 9(2). P. 127-139. https://doi.org/10.1037/scp0000294
- 22.Jost J.T., Kruglanski A.W., Glaser J., Sulloway F.J. Political Conservatism as Motivated Social Cognition // Psychological Bulletin. 2003. Vol. 129. № 3. P. 339-375.
- 23.Kam C.D., Simas E.N. Risk Orientations and Policy Frames // The Journal of Politics. 2010. Vol. 72. № 2. P. 381-396. DOI: 10.1017/S0022381609990806
- 24. Kaminsky Z., Petronis A., Wang S.C., Levine B., Ghaffar O., Floden D., Feinstein A. Epigenetics of personality traits: an illustrative study of identical

- twins discordant for risk-taking behavior // Twin Research and Human Genetics. 2008. №11 (1). P. 1-11. doi:10.1375/twin.11.1.1.
- 25. Kanai R., Feilden T., Firth C., Rees G. Political Orientations Are Correlated with Brain Structure in Young Adults // Current Biology. 2011. Vol. 21. № 8. P. 677-680. DOI:https://doi.org/10.1016/j.cub.2011.03.017
- 26.Kreps T.A., Laurin K., Merritt A.C. Hypocritical flip-flop, or courageous evolution? When leaders change their moral minds // Journal of Personality and Social Psychology. 2017. № 113(5). P. 730-752. https://doi.org/10.1037/pspi0000103
- 27. Kruglanski A.W., Chen X., Dechesne M., Fishman S., Orehek E. Yes, No, and Maybe in the World of Terrorism Research: Reflections on the Commentaries // Political Psychology. 2009. Vol. 30. Issue 3. P. 401-417. https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2009.00705.x
- 28.Kruglanski A.W., Gelfand M.J., Bélanger J.J., Sheveland A., Hetiarachchi M., Gunaratna R. The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism // Political Psychology. 2014. №35(S1). P. 69-93. http://dx.doi.org/10.1111/pops.12163
- 29. Kruglanski A.W., Molinario E., Jasko K., Webber D., Leander N.P., Pierro A. Significance-Quest Theory // Perspectives on Psychological Science.
 2018. Vol. 17. Issue 4. P.1050-1071.
 DOI: 10.1177/17456916211034825
- 30.Kruglanski A.W., Orehek E. The Need for Certainty as a Psychological Nexus for Individuals and Society // Extremism and the Psychology of Uncertainty. CHAPTER 1 / Editors: Michael A. Hogg, Danielle L. Blaylock. 2011. P.1-18. DOI:10.1002/9781444344073.CH1
- 31.Masterpasqua F. Psychology and epigenetics // Review of General Psychology. 2009. № 13(3). P. 194-201. doi:10.1037/a0016301.
- 32.McGinnies E. Emotionality and Perceptual Defense // Psychological Review. 1949. № 56. P. 244-251. http://dx.doi.org/10.1037/h0056508
- 33.McLaughlin A.T., Davis D.E., Hook J.N., Hodge A.S., Choe E., McMinn M.C., Worthington E.L., Van Tongeren, D.R. Approaches to understanding and aligning with religious leaders: A latent profile analysis of religious leaders' worldviews

- // Spirituality in Clinical Practice. 2022. № 9(2). P. 73-86. https://doi.org/10.1037/scp0000258
- 34.Nakama R. Current Trends, Future Perspectives and Challenges in Personality Research in Japan // The Annual Report of Educational Psychology in Japan. 2017. Vol. 56. Pp.79-97. DOI:10.5926/arepj.56.79
- 35.Oxley D.R., Smith K.B., Alford J.R., Hibbing M.V., MillerJ.L., Scalora M., Hatemi P.K., Hibbing J.R. Political Attitudes Vary with Physiological Traits // Science. 2008. № 321. P. 1667-1670. DOI: 10.1126/science.1157627
- 36.Pennisi E. Behind the Scenes of Gene Expression // Science. 2001. Vol.293. Issue 5532. P.1064-1067. DOI: 10.1126/science.293.5532.1064.
- 37.Plante T.G. Four lessons learned from 1,000 psychological evaluations of clerics and clerical applicants in the Roman Catholic and Episcopalian Churches // Spirituality in Clinical Practice. 2022. №9(2). P. 140-143. https://doi.org/10.1037/scp0000257
- 38.Powledge T.M. Behavioral Epigenetics: How Nurture Shapes Nature // Bio Science. № 61(8). 2011. P. 588-592. https://doi.org/10.1525/bio.2011.61.8.4
- 39. Schreiber D., Fonzo G., Simmons A.N., Dawes C.T., Flagan T., Fowler J.H. Red Brain, Blue Brain: Evaluative Processes Differ in Democrats and Republicans // PLoS ONE. 2013. № 8(2). e52970. https://doi.org/10.1371/journal.pone. 0052970
- 40. Schumpe B.M., Bélanger J.J., Moyano M., Nisa C.F. The Role of Sensation Seeking in Political Violence: An Extension of the Significance Quest Theory // Journal of Personality and Social Psychology: Personality Processes and Individual Differences. 2020. Vol. 118. №. 4. P. 743-761. http://dx.doi.org/10.1037/pspp0000223
- 41.Silver I., Shaw A. When and why "staying out of it" backfires in moral and political disagreements // Journal of Experimental Psychology: General. 2022. № 151(10). P. 2542-2561. https://doi.org/10.1037/xge0001201
- 42.Stellar J. E., Willer R. Unethical and inept? The influence of moral information on perceptions of competence // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. № 114(2). P. 195- 210. https://doi.org/10.1037/pspa0000097

- 43.Szyf M., McGowan P., Meaney M.J. The social environment and the epigenome // Environmental and Molecular Mutagenesis. 2008. № 49(1). P. 46-60. doi:10.1002/em.20357
- 44. Tremblay R.E., Szyf M. Developmental origins of chronic physical aggression and epigenetics // Epigenomics. 2010. V. 2. P. 495-499.
- 45. Vergauwe J., Wille B., Hofmans J., Kaiser R.B., De Fruyt F. The double-edged sword of leader charisma: Understanding the curvilinear relationship between charismatic personality and leader effectiveness // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. № 114(1). P. 110-130. https://doi.org/10.1037/pspp0000147

Интернет ресурсы:

- 46.Проект SAPA // https://www.sapa-project.org/ (дата обращения 29.08.2020)
- 47.Симуляция как инструмент исследования личности. Приложения к экспериментальным подходам к изучению личности Уильяма Ревеля // http://personality-project.org/r/simulating-personality.html (дата обращения 29.08.2020)
- 48.South A. How do our hormones contribute to our personality? 2020 // https://www.uow.edu.au/media/2020/how-do-our-hormones-contribute-to-our-personality.php (дата обращения 29.08.2020)

Статья поступила в редакцию 27.09.2022

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF PERSONALITY PSYCHOLOGY IN MODERN RUSSIA

©Aleksandr N. Lebedev

Sc.D. (psychology), leading research officer, laboratory of psychology of personality, Institute of psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia lebedev-lubimov@yandex.ru

The article was prepared according to the state task at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (topic № 0138-2022-0005)

The article was prepared based on the presentation at the methodological seminar of the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences: «Achievements of world psychological science 2020-2022» (September 2022). The article is devoted to the analysis of some approaches and trends of modern personality psychology. The essential differences of personality psychology in domestic and foreign science are considered, the influence of communist ideology on the development of this direction in the USSR is noted. A variety of theories and approaches to the definition of the concept of personality and the subject of personality psychology are presented in scientific literature at the present time. Some publications of the American Psychological Association are analyzed as well, the topics of which have no analogues in domestic science. The article discusses new methods of studying personality, methods of data processing and mathematical modeling, discusses the possibilities of using new methods in the development of new scientific disciplines in Russia and abroad, in particular, political neuropsychology, etc.

Key words: Personality, personality psychology, personality theories, moral regulation of behavior, epigenetics, psychodiagnostics, Big Data, Big 5, functional magnetic resonance imaging

REFERENCES

- 1. Abul'hanova-Slavskaya K.A., Slavskaya A.N., Levanova E.A., Pushkareva T.V. (2018). Teoriya lichnosti V.N. Myasishcheva [*Theory of personality V.N. Myasishchev*] // Mir obrazovaniya obrazovanie v mire [*The world of education education in the world*]. №4(72). P. 58-66.
- Abul'hanova-Slavskaya K.A., Slavskaya A.N., Levanova E.A., Pushkareva T.V. (2018). Teoriya lichnosti B.G. Anan'eva [Theory of personality B.G. Ananyev] // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire [The world of education – education in the world]. №4(72). P. 7-20.
- 3. Allahverdov V.M. (2021). Sobranie sochinenij v semi tomah [*Collected works in seven volumes*]. SPb.: Izdatel'stvo «Vladimir Dal'» [*St. Petersburg: Vladimir Dal Publishing House*].
- 4. ZHuravlev A.L., YUrevich A.V. (2013). Psihologicheskie issledovaniya nravstvennosti [Psychological studies of morality]. M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN» [Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"].
- Zaharkin D.D. (2015). Klassifikaciya sovremennyh teorij lichnosti [Classification of modern theories of personality] // Psiholog [Psychologist]. №
 P. 31-55. DOI: 10.7256/2409-8701.2015 .5.16246
- 6. Kovalev A.G., Myasishchev V.N. (1957). Psihicheskie osobennosti cheloveka [*Mental features of a person*]. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta [*Leningrad University Publishing House*].
- 7. Lebedev A.N. (2022). Gruppovaya polyarizaciya mnenij v usloviyah neopredelennosti moral'nogo vybora [*Group polarization of opinions in conditions of uncertainty of moral choice*] // Eksperimental'naya psihologiya [*Experimental psychology*]. 2022. Vol 15. № 2. P. 159-171. doi:10.17759/exppsy.2022150212
- 8. Lebedev A.N. (2022). K teorii cennostno-affektivnoj polyarizacii social'nyh grupp [*On the theory of value-affective polarization of social groups*] // Uchenye zapiski Instituta psihologii Rossijskoj akademii nauk [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V.2. №1. P. 2-19.
- 9. Lomov B.F. (1984). Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii [*Methodological and*

- theoretical problems of psychology]. M.: Nauka [Moscow: Nauka].
- 10. Podd'yakov A.N. (2011). Dopustimo li solgat' zloumyshlenniku, chtoby pomeshat' prestupleniyu: analiz istoricheskoj polemiki [*Is it permissible to lie to an evil-minded person in order to prevent a crime: analysis of historical polemics*] // Kul'turnoistoricheskaya psihologiya [*Cultural-historical psychology*]. V. 7. № 1. P. 28-41.
- 11. Rubinshtejn S.L. (1946). Osnovy obshchej psihologii. Izd. 2-e. [Fundamentals of General Psychology. Ed. 2]. Moscow, 1946.
- 12. Solov'ev N.A. (2022). Struktura soznaniya i kvantovaya paradigma [*The structure of consciousness and the quantum paradigm*] // Uchenye zapiski Instituta psihologii Rossijskoj akademii nauk [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V.2. №2. P.29-46.
- 13. Tokareva G.V., Dorfman L.YA. (2014). Testy na opredelenie implicitnyh processov [*Tests for the definition of implicit processes*] // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psihologiya. Psihofiziologiya [*Bulletin of the South Ural State university. Psychology series. Psychophysiology*]. V.7. №3. P.22-31.
- 14. Harlamenkova N.E., Tarabrina N.V., Byhovec YU.V., Vorona O.A., Kazymova N.N., Dymova E.N., SHatalova N.E. (2017). Psihologicheskaya bezopasnost' lichnosti: implicitnaya i eksplicitnaya koncepcii [Psychological danger of personality: implicit and explicit concepts]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"].
- 15. H'ell L., Zigler D. (2020). Teorii lichnosti [*Theories of personality*]. SPb.: Piter [*St. Petersburg: Peter*].
- 16. YUrevich A.V., Ushakov D.V. (2009). Nravstvennost' v sovremennoj Rossii [*Morality in modern Russia*] // Sociologicheskij zhurnal [*Sociological Journal*]. № 1. P. 70-86.
- 17. Amodio D.M., Master S.L., Yee C.M., Taylor S.E. (2008). Neurocognitive components of the behavioral inhibition and activation systems: Implications for theories of self-regulation // Psychophysiology. Vol. 45. Issue 1. P.11-19. https://doi.org/10.1111/j.1469-8986.2007.00609.x
- 18. Baldwin M.J. (1896). A New Factor in Evolution // The American Naturalist. Vol. 30. № 354. P. 441-451.

- 19. Cloninger C.R. (2004). Feeling Good: The Science of Well-Being. New York: Oxford University Press.
- 20. Giles D. (2000). Illusions of Immortality: A Psychology of Fame and Celebrity. Macmillan Education UK. https://link.springer.com/book/10.1007/978-1-137-09650-0?#bibliographic-information (дата обращения 29.08.2020)
- 21. Isacco A., Songy D.G., Plante T.G. (2022). Psychological evaluations of clergy applicants in the Catholic Church: Answering frequently asked questions // Spirituality in Clinical Practice. № 9(2). P. 127-139. https://doi.org/10.1037/scp0000294
- 22. Jost J.T., Kruglanski A.W., Glaser J., Sulloway F.J. (2003). Political Conservatism as Motivated Social Cognition // Psychological Bulletin. Vol. 129. № 3. P. 339-375.
- 23. Kam C.D., Simas E.N. (2010). Risk Orientations and Policy Frames // The Journal of Politics. Vol. 72. № 2. P. 381-396. DOI: 10.1017/S0022381609990806
- 24. Kaminsky Z., Petronis A., Wang S.C., Levine B., Ghaffar O., Floden D., Feinstein A. (2008). Epigenetics of personality traits: an illustrative study of identical twins discordant for risk-taking behavior // Twin Research and Human Genetics. №11 (1). P. 1-11. doi:10.1375/twin.11.1.1.
- 25. Kanai R., Feilden T., Firth C., Rees G. (2011). Political Orientations Are Correlated with Brain Structure in Young Adults // Current Biology. Vol. 21. № 8. P. 677-680. DOI: https://doi.org/10.1016/j.cub.2011.03.017
- 26. Kreps T.A., Laurin K., Merritt A.C. (2017). Hypocritical flip-flop, or courageous evolution? When leaders change their moral minds // Journal of Personality and Social Psychology. № 113(5). P. 730-752. https://doi.org/10.1037/pspi0000103
- 27. Kruglanski A.W., Chen X., Dechesne M., Fishman S., Orehek E. (2009). Yes, No, and Maybe in the World of Terrorism Research: Reflections on the Commentaries // Political Psychology. Vol. 30. Issue 3. P. 401-417. https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2009.00705.x
- 28. Kruglanski A.W., Gelfand M.J., Bélanger J.J., Sheveland A., Hetiarachchi M., Gunaratna R. (2014). The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism // Political Psychology. №35(S1). P. 69-93. http://dx.doi.org/10.1111/pops.12163

- 29. Kruglanski A.W., Molinario E., Jasko K., Webber D., Leander N.P., Pierro A. (2018). Significance-Quest Theory // Perspectives on Psychological Science. Vol. 17. Issue 4. P.1050-1071. DOI: 10.1177/17456916211034825
- Kruglanski A.W., Orehek E. (2011). The Need for Certainty as a Psychological Nexus for Individuals and Society // Extremism and the Psychology of Uncertainty. CHAPTER 1 / Editors: Michael A. Hogg, Danielle L. Blaylock. P.1-18. DOI:10.1002/9781444344073.CH1
- 31. Masterpasqua F. (2009). Psychology and epigenetics // Review of General Psychology. № 13(3). P. 194-201. doi:10.1037/a0016301.
- 32. McGinnies E. (1949). Emotionality and Perceptual Defense // Psychological Review. № 56. P. 244-251. http://dx.doi.org/10.1037/h0056508
- 33. McLaughlin A.T., Davis D.E., Hook J.N., Hodge A.S., Choe E., McMinn M.C., Worthington E.L., Van Tongeren, D.R. (2022). Approaches to understanding and aligning with religious leaders: A latent profile analysis of religious leaders' worldviews // Spirituality in Clinical Practice. № 9(2). P. 73-86. https://doi.org/10.1037/scp0000258
- 34. Nakama R. (2017). Current Trends, Future Perspectives and Challenges in Personality Research in Japan // The Annual Report of Educational Psychology in Japan. Vol. 56. Pp.79-97. DOI:10.5926/arepj.56.79
- 35. Oxley D.R., Smith K.B., Alford J.R., Hibbing M.V., MillerJ.L., Scalora M., Hatemi P.K., Hibbing J.R. (2008). Political Attitudes Vary with Physiological Traits // Science. № 321. P. 1667-1670. DOI: 10.1126/science.1157627
- 36. Pennisi E. (2001). Behind the Scenes of Gene Expression // Science. Vol.293. Issue 5532. P.1064-1067. DOI: 10.1126/science.293.5532.1064.
- 37. Plante T.G. (2022). Four lessons learned from 1,000 psychological evaluations of clerics and clerical applicants in the Roman Catholic and Episcopalian Churches // Spirituality in Clinical Practice. №9(2). P. 140-143. https://doi.org/10.1037/scp0000257
- 38. Powledge T.M. (2011). Behavioral Epigenetics: How Nurture Shapes Nature // Bio Science. № 61(8). P. 588-592. https://doi.org/10.1525/bio.2011.61.8.4
- 39. Schreiber D., Fonzo G., Simmons A.N., Dawes C.T., Flagan T., Fowler J.H. (2013). Red Brain, Blue Brain: Evaluative Processes Differ in Democrats and Republicans // PLoS ONE. № 8(2).

- e52970. https://doi.org/10.1371/journal.pone. 0052970
- 40. Schumpe B.M., Bélanger J.J., Moyano M., Nisa C.F. (2020). The Role of Sensation Seeking in Political Violence: An Extension of the Significance Quest Theory // Journal of Personality and Social Psychology: Personality Processes and Individual Differences. Vol. 118. №. 4. P. 743-761. http://dx.doi.org/10.1037/pspp0000223
- 41. Silver I., Shaw A. (2022). When and why "staying out of it" backfires in moral and political disagreements // Journal of Experimental Psychology: General. № 151(10). P. 2542-2561. https://doi.org/10.1037/xge0001201
- 42. Stellar J. E., Willer R. (2018). Unethical and inept? The influence of moral information on perceptions of competence // Journal of Personality and Social Psychology. № 114(2). P. 195- 210. https://doi.org/10.1037/pspa0000097
- 43. Szyf M., McGowan P., Meaney M.J. (2008). The social environment and the epigenome // Environmental and Molecular Mutagenesis. № 49(1). P. 46-60. doi:10.1002/em.20357
- 44. Tremblay R.E., Szyf M. (2010). Developmental origins of chronic physical aggression and epigenetics // Epigenomics. V. 2. P. 495-499.
- 45. Vergauwe J., Wille B., Hofmans J., Kaiser R.B., De Fruyt F. (2018). The double-edged sword of leader charisma: Understanding the curvilinear relationship between charismatic personality and leader effectiveness // Journal of Personality and Social Psychology. № 114(1). P. 110-130. https://doi.org/10.1037/pspp0000147

Internet resources:

- 46. Proekt SAPA [SAPA Project] // https://www.sapa-project.org/ (accessed 29.08.2020)
- 47. Simulyaciya kak instrument issledovaniya lichnosti. Prilozheniya k eksperimental'nym podhodam k izucheniyu lichnosti Uil'yama Revelya [Simulation as a tool for personality research. Applications to the experimental approach to the study of personality William Reve] // http://personality-project.org/r/simulating-personality.html (accessed 29.08.2020)
- 48. South A. How do our hormones contribute to our personality? 2020 // https://www.uow.edu.au/media/2020/how-do-our-hormones-contribute-to-our-personality.php (accessed 29.08.2020)

The article was received 27.09.2022

On defining personality trait taxonomies in terms of three basic resource traits. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 2. No. 3. Pp. 22-38. DOI: 10.38098/proceedigs_2022_02_03_03

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ТАКСОНОМИЙ ЛИЧНОСТИ В ТЕРМИНАХ ТРЕХ БАЗОВЫХ ЧЕРТ-РЕСУРСОВ

© Щебетенко С.А.

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия; профессор кафедры психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия, sshchebetenko@hse.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (грант № 21-18-00127, «Русская таксономия черт личности»).

Современные таксономические модели личности (например, Большая Пятерка и НЕХАСО) достигли многого в определении ключевых, независимых друг от друга элементов – черт. Однако вопрос, почему состав этих моделей именно таков, ставится редко. Предлагаемая в данной работе гипотетическая модель TRASY-3 стремится восполнить этот пробел. TRASY-3 утверждает, что разнообразие черт в существующих таксономиях является продуктом сочетания трех «черт-ресурсов». Структура TRASY-3 определяет трехмерность каждого полюса любой черты традиционных таксономий личности. Предполагается, что полюс каждой черты личности (например, экстраверсия и интроверсия) образован конфигурацией трех ресурсов TRASY-3. Первый ресурс («возбуждение/торможение») характеризует варьирование поведения в диапазоне от возбуждения/импульсивности до торможения/саморегуляции. Второй ресурс («социальная приближенность/уединенность») характеризует варьирование от поведения, направленного в окружающую среду, и потому доступного для внешнего наблюдателя, до внутренних ментальных состояний, удаляющих индивида от окружающей среды, скорее переживаемых их носителем, и потому преимущественно скрытых от внешнего наблюдателя. Наконец, третий ресурс («социальная награда/наказание») характеризует социальное подкрепление или оценку, получаемую данным поведением или состоянием. В этом отношении полюса черт варьируют от награждаемых («положительных») до наказываемых («отрицательных») форм. В таком виде TRASY-3, в отличие от традиционных подходов, дает формальные, нерекурсивные определения любым чертам личности. Так, например, экстраверсия может определяться как «позитивная черта наблюдаемого возбуждения», а недобросовестность – как «негативная черта ментального возбуждения». TRASY-3 объясняет происхождение ряда классических проблем теории черт: сложную роль доброжелательности в Большой Пятерке и НЕХАСО, феномен метачерт Стабильности и Пластичности, природу взаимосвязей черт Большой Пятерки с психологическими конструктами вроде креативности и Темной Триады. Указанные проблемы обсуждаются в статье, приводятся эмпирические свидетельства в поддержку TRASY-3.

Ключевые слова: таксономии черт личности, Большая Пятерка, многомерные модели

Введение

Структура личности является той областью, в которой персонология, несомненно, заметно продвинулась за последние десятилетия. Пятифак-

торное решение [11], широко известное под именем «Большой Пятерки» (Б5) доминирует здесь уже ни один десяток лет [25]. Многие сторонники Большой Пятерки видят в ней панацею от известного «заклятия старых зубных щеток» Вальтера

Мишеля, считавшего, что именно так теоретики личности относятся к концепциям своих предшественников, предлагая всякий раз «взять» свою новую теоретическую «щетку» и «выбросить» старые [35]. Другие, более сдержанные адепты воспринимают Б5 как «по крайней мере, полезную рабочую аппроксимацию психометрической структуры» личности [32].

В Б5, равно как и в большинстве аналогичных структурных моделей, отправной точкой оказывается то, как мы получаем данные. Реакции респондентов на слова-описатели личности, извлеченные из орфографических словарей [15], их дальнейшая обработка посредством статистики факторного анализа возвращает исследователю сравнительно независимые единицы — факторы. На психологическом языке эти факторы эквивалентны чертам личности. В этом конечная суть психолексической гипотезы и теории черт в целом [3; 24], а Б5 является конкретным продуктом такого подхода.

В терминах Р. Кеттелла структуры типа Б5 в качестве своих базовых элементов имеют «поверхностные черты» ("surfacetraits"), за которыми могут быть скрыты «черты-ресурсы» ("sourceraits") [8]. Последние представляют собой сквозные параметры, которые организуют и, в конечном счете, объясняют то, почему именно такая структура поверхностных элементов извлекается эмпирически [13].

Сторонники пятифакторного решения склонны оставаться в своем анализе на уровне поверхностных черт. Они воспринимают Б5 как «эмпирический факт, такой же факт, как то, что континентов – семь, а президентов из штата Вирджиния – восемь» [33, с. 194]. Развивая эти аналогии, если вопрос о числе «континентов-президентов» личности регулярно поднимается [4; 19], то проблема происхождения именно этих черт в базовых моделях остается практически нераскрытой, и воспринимается вовсе не как проблема, а скорее как положение вещей, не требующее никакого дополнительного обсуждения.

Тем временем, удачный ответ на вопрос о «чертах-ресурсах» увеличил бы и обоснованность численного состава базовых таксономий («Почему их пять?») и легитимировал бы критику

мэйнстримовых решений («А почему бы и не шесть/три/семь?»). Без ответа на этот вопрос правомерной остается и атака на конструкт черт в целом как сугубо описательный, не имеющий ни доказанного существования, ни объяснения своего возникновения [13; 27].

В этой статье предпринята попытка определить то, какие «черты-ресурсы» (в терминах Кеттелла) могут лежать в основе эмпирически определяемых таксономий типа Б5, представляющих собой в кэттэлианских терминах черты «поверхностные». Представленные здесь идеи по большей мере остаются гипотетическими, хотя и подкрепляемыми рядом ранее опубликованных результатов. Автор, однако, надеется, что предлагаемая модель внесет определенный вклад в разработку ряда базовых проблем теории черт.

Основная идея настоящей работы заключена в том, что ограниченное число черт-ресурсов и их сочетание между собой создает разнообразие «поверхностных черт» в том виде, в котором они нам даны эмпирически средствами факторного анализа. Поверхностные черты отражают частные, контекстуальные тренды в поведении, такие как коммуникации, соблюдение социальных договоренностей, негативные и позитивные эмоции, обработка информации и т.п. Поверхностные черты, таким образом, отражают фиксацию личности в языке, индивидуальном и массовом сознании. Однако за поверхностными чертами могут стоять более общие, сквозные характеристики поведения (то есть ресурсы). Ресурсы порождают разнообразие поверхностных черт. Иначе говоря, некая поверхностная (точнее говоря – натуральная) черта (например, добросовестность в Б5) является продуктом сочетания черт-ресурсов; при этом добросовестность отличается от любой другой черты Б5 уникальностью сочетания черт-ресурсов. Иными словами, каждая натуральная черта может кодироваться в уникальном сочетании черт-ресурсов.

Многомерность моделей личности

Теоретики практически никогда не сводят все разнообразие личности к заявляемому ими шортлисту, например, к только пяти чертам. И это обеспечено многомерностью черт. Во-первых,

многомерность возникает, так сказать, в духе иерархической инклюзивности черт: базовые черты включают в себя сильно коррелирующие «мини-черты»/аспекты/фасеты (корреляция «мини-черт», по сути, и есть базовая черта), а те, в свою очередь, типичные и специфические реакции на конкретные ситуации [18; 26]. Базовые черты, в свою очередь, коррелируют между собой, образуя «мета-черты», «факторы второго порядка». Такова иерархическая логика классических моделей, изначально основанных на простой факторной структуре: примерами тут могут быть модели Айзенка, Б5 и НЕХАСО.

Во-вторых, многомерность возникает среди моделей, отвергающих простую структуру факторов личности и заменяющих ее «круговыми моделями» [15; 54]. Здесь черты напоминают рыцарей Круглого Стола: кто-то сильно коррелирует, и потому сидит «плечо к плечу», а кто-то коррелирует сильно, но отрицательно, и потому сидит «лицом к лицу», как полюса одной и той же черты. Или «чуть наискосок» - как самоуверенность и бесхитростность, а кто-то – и под прямым углом, «видя друг друга краем глаза», не коррелируя. Многомерность круговых моделей задается двумя ортогональными осями-факторами. Обычно эти свойства в номенклатуре Б5 близки экстраверсии и доброжелательности: власть и любовь [31], доминирование и аффилиация [54], «движение вперед» и «движение вместе» [27]. Прочие черты не сводятся к этим двум, а скорее расположены между ними, образуя, в конечном счете, круговую модель. Таким образом, оси-факторы круговых моделей ответственны за фактическую иерархичность моделей этого класса.

Одномерность классических таксономий черт

В иерархических моделях первого типа (например, Б5) черты «просто» различаются между собой, образуя, так сказать, «горизонтальное измерение». Оно выражено в номинативной шкале, тем самым констатируя факт различимости черт между собой. По сути, это измерение «касается сегментации категорий на одном уровне инклюзивности» [15, с. 71]: все черты Б5 или НЕХАСО «равны между собой». Поскольку последовательного порядка в значениях такого

горизонтального измерения нет, элементы (черты) расположены на нем «абсолютно произвольно» [26, с. 171]. На основе такой системы невозможно представить естественную классификацию и систематизацию черт, поскольку единственной формой соотношения элементов оказывается их различие.

Однако без такой естественной классификации черты, например – в номенклатуре Б5, определены дескриптивно и, как следствие, тавтологично. Так, система Б5 в качестве своих структурных элементов содержит: позитивный аффект и склонность к наградам (экстраверсия), негативный аффект и склонность к наказанию (нейротизм), когнитивное обследование и интерпретацию, самостоятельность мышления и любопытство в противовес традиционно получаемому знанию и прагматизму (открытость/интеллект), систематические усилия, следование правилам и приоритет отсроченных во времени целей (добросовестность), координацию целей, интерпретаций и стратегий с другими людьми, следование кооперативной в противовес конкурентной социальной стратегии (доброжелательность) [16; 32]. Такие определения являются, по сути, рекурсивными и сами нуждаются в определениях. Они не приводят в порядок разнообразие черт, а просто их констатируют и описывают как отличные одно от другого [27].

Проблема

Опора на простую факторную структуру в конфигурации черт, на самом деле, противоречит идее «иерархической инклюзивности». Мегачерты типа Стабильности, Пластичности [16] и Общего фактора личности [36] невозможны, если мы имеем дело с простой структурой, то есть состоящей из некоррелирующих компонентов. Однако де-факто связи между чертами Б5 постоянно наблюдаются эмпирически, равно как и вышеупомянутые мега-черты и общий фактор.

Предлагаемая в представленной статье схема принимает в сущностный расчет эти ассоциации между чертами, не рассматривая их в качестве артефактов измерения [10]. Она ставит под сомнение произвольность порядка элементов в «горизонтальном измерении» различий натуральных черт. В этом плане предложенная схема близка

иерархическим моделям второго, «кругового» типа. Однако в отличие от последних она предполагает трехмерность «черт-ресурсов», а не двухмерность. Кроме того, черты-ресурсы являются сквозными, а не произвольно выбранными из общего ряда, как это происходит с круговыми моделями.

Итак, трехмерная система черт (TRASY-3)¹ постулирует то, что черты личности в моделях вроде Б5 являются результатом взаимодействий трехсквозных черт-ресурсов (рис. 1).

Как известно, черта является биполярным конструктом [41]. В TRASY-3 полюса любой черты являются продуктом варьирования трех базовых измерений одновременно. Люди описывают разнообразие поведения координатами в трехмерном пространстве TRASY-3, а черты, фиксируемые Б5 и прочими таксономиями, являются случаями поведения с высокой частотой проявления, «поведенческими узлами», описываемыми в натуральном языке большим количеством слов [23]. Эти узлы удалены друг от друга в пространстве TRASY-3. Любая черта, таким образом, получает формальное, нерекурсивное определение — в терминах локации в трех базовых измерениях, и дискриптивное — в лексических описаниях.

Три черты-ресурса

В полюсах любой черты, скажем, экстраверсии-интроверсии, или доброжелательностивраждебности, можно найти нечто общее. Первое, что приходит на ум, это валентность оценки, противопоставляющая социально положительный полюс черты полюсу социально негативному. Этот фактор связывают с варьирующей социальной желательностью полюсов черты [6], что в итоге порождает в качестве иерархической вершины «общий фактор личности» [36]. Однако TRASY-3 предполагает, что этим дело не ограничивается: единый фактор распадается на сравнительно независимые факторы и образует модели вроде Б5. ПоэтомуTRASY-3 предполагает еще две черты-ресурса, в которых варьируют черты Б5 между своими полюсами.

Черта-ресурс 1: Возбуждение / Торможение.

В каждой паре черт один из полюсов (например, экстраверсия и враждебность) характеризуется сравнительно высоким возбуждением и активностью [1; 2]. По мере продвижения к противоположному полюсу мы приходим к черте, характеризуемой, напротив, торможением и контролем (например, интроверсия и доброжелательность). Схожие межполюсные различия можно наблюдать и у других черт Б5.

Исторически обсуждаемая характеристика связывается с функционированием нервной системы. Традиционная форма, в которой этот ресурс появляется в различных подходах и моделях в самых разных областях психологии - «двоичные процессы» обработки информации мозгом [38; 52]. Ассоциативные/рефлексивные, автоматические/сознательные, имплицитные/эксплицитные, быстрые/медленные, субкортикальные/ кортикальные, периферийные/центральные, импульсивные/регуляционные, восходящие/нисходящие, активные/пассивные, наконец – возбуждающие/тормозящие: таков обширный список парных конструктов, имеющих свою специфику, но обладающих и интуитивно ощущаемым сходством. В натуральном языке при описании личности различия между ними сглаживаются, а полюса противопоставляются. В итоге с известной долей абстракции можно говорить об общем качестве индивидуальных различий – возбуждении и торможении.

Таким образом, один из полюсов любой черты личности может быть формально определен как «возбуждающий», а противоположный ему полюс – как «тормозящий». Хотя двоичные модели находят широкое применение в решении разнообразных проблем социального познания и саморегуляции [37; 52], теоретизирование черт личности в этих терминах, насколько нам известно, составляет редкое исключение (см., например, [5] в отношении имплицитной / эксплицитной личности). Видимо по той интуитивной причине, что одного двупорядного конструкта явно недостаточно для определения индивидуальных различий.

 $^{^{1}}$ Акроним от английского TRAit SYstem (система признаков).

В контексте исследований личности черты импульсивности и поиска впечатлений [20; 55] могут рассматриваться как наиболее репрезентативные в отношении возбуждающего измерения TRASY-3. Как известно, импульсивность и поиск впечатлений представляются гибридными, сквозными конструктами [19]². В терминах TRASY-3 полюса Б5 экстраверсии, нейротизма (как тревожности), открытости/интеллекта, доброжелательности (как сочувствия, любви и вовлеченности)³, недобросовестности и враждебности являются кандидатами на ресурс возбуждения.

Ресурсы торможения оказываются субъективно преднамеренными, медленными, последовательными, требующими больших объемов рабочей памяти [37]. Саморегуляция [30] может быть валидным психологизмом ресурсов торможения, хотя в исследованиях она трактуется скорее как следствие черт [34]. В терминах TRASY-3 полюса Б5 интроверсии, эмоциональной стабильности, закрытости от нового/конвенциональности, добросовестности и доброжелательности (как вежливости) образуют ресурс торможения.

Особую формальную роль здесь выполняют аспекты/фасеты, образующие данную черту Б5. Они могут демонстрировать как единообразие в обусловленности ресурсом возбуждения (или торможения), так и «действовать вразнобой». Это, в конечном счете, определит координаты данной черты в TRASY-3. Например, все три фасета экстраверсии (общительность, ассертивность и энергия [51]) предположительно характеризуются ресурсом возбуждения. Поэтому экстраверсия в целом также однозначно им определена (а интроверсия, следовательно, ресурсом торможения). Аналогично, три фасета добросовестности (продуктивность, ответственность, организация) характеризуются ресурсом торможения. Поэтому

и добросовестность в целом характеризуется выраженным ресурсом торможения.

Однако такое единообразие не является универсальным. В случае как минимум двух черт Б5 фасеты могут характеризоваться обоими ресурсами, что делает природу общей для них черты противоречивой. В частности, фасеты нейротизма тревожность и депрессия [51] гипотетически могут характеризоваться ресурсами возбуждения и торможения, соответственно. В результате нейротизм в целом будет демонстрировать усредненную позицию по ресурсу возбуждения/торможения и скорее определяться по этому ресурсу на уровне фасетов, а не черт Б5. Аналогично, фасеты доброжелательности - сочувствие и вежливость гипотетически характеризуются ресурсами возбуждения и торможения [17; 51]. В этом смысле, метафорически можно говорить о «горячем» и «холодном» нейротизме, «горячей» и «холодной» доброжелательности.

Черта-ресурс 2: Приближение / **Уединение.** Дифференцированная доступность информации о личности для ее носителя и сторонних наблюдателей является предметом описания и изучения целого ряда моделей [7]. Так, модель SOKA (Self-Other Knowledge Asymmetry Model) [53] утверждает, что существуют черты, доступные в большей степени самому их обладателю (например, нейротизм) и, напротив, черты, доступные другим людям (например, экстраверсия).

TRASY-3 предполагает, что два полюса любой черты различаются по степени доступности для стороннего наблюдателя. Доступным становится ресурс приближения к внешней среде, который обычно отличается высокой степенью физической (и социальной) активности. Таковыми могут быть экстраверсия, враждебность, добросовестность, эмоциональная стабильность и конвенцио-

² Г.Айзенк различал два вида импульсивности, которые в терминах факторного анализа эмпирически должны были нагружать две из трех базовых черт его модели личности [20]. Рискованность (venture-someness) была связана с экстраверсией, а узкая импульсивность (пагтоw impulsivity) – с психотизмом. Однако по факту в цитируемой работе узкая импульсивность коррелировала со всеми тремя чертами, а рискованность положительно коррелировала и с экстраверсией, и психотизмом, и даже приближалась к

значимости в отрицательной корреляции с нейротизмом. Таким образом, импульсивность скорее выглядит как общая составляющая всех трех базовых черт Γ . Айзенка.

³ Мы предполагаем, что нейротизм и доброжелательность в Б5 являются комплексными чертами, обусловленными отчасти ресурсом возбуждения или ресурсом торможения (детали см. ниже).

нальность. Напротив, недоступным для стороннего наблюдателя становится ресурс уединения, который отличается не только низкой физической активностью, но и высокой активностью психической. Последняя может быть неотличима для стороннего наблюдателя от пассивности и покоя. Таковыми могут быть интроверсия, доброжелательность, недобросовестность, нейротизм и открытость опыту.

Таким образом, формальное отличие черт Б5 между собой может заключаться в различных сочетаниях ресурсов возбуждения/торможения и приближения/уединения. Так, экстраверсию можно определить как «черту наблюдаемого возбуждения», поскольку ее импульсивные проявления направлены на среду и легкодоступны для наблюдателя [53]. Ее антипод интроверсия может определяться как «черта ментального (ненаблюдаемого) торможения», поскольку ее само-регулятивные проявления недоступны стороннему наблюдателю, а, скорее, «незаметно переживаются» носителем.

Сходство номинальных полюсов добросовестности и экстраверсии заключено в общем для них ресурсе социального приближения. Однако если экстраверсия характеризуется ресурсом возбуждения, то добросовестность, предполагающая высокую саморегуляцию, характеризуется ресурсом торможения. В этом заключено формальное различие экстраверсии и добросовестности. Очевидно, что обратные полюса этих черт — интроверсия и недобросовестность — обладают общим ресурсом уединения при различиях в ресурсе возбуждения/торможения. При этом теперь недобросовестность является продуктом ресурса возбуждения, а интроверсия — торможения.

Схожую картину можно обнаружить при сравнении открытости опыту и, по крайней мере, одного ключевого фасета нейротизма — депрессии. Они также имеют сходство в общем ресурсе уединения — при радикальном различии в ресурсе возбуждения (открытость опыту) и торможения (депрессия). При этом другой ключевой фасет нейротизма, тревожность — может так же как и открытость определяться как «черта ненаблюдаемого возбуждения». В чем же видит TRASY-3 различия между открытостью и тревожностью?

Черта-ресурс 3: Социальные награда / Наказание. Полюса черт одновременно различаются и в третьем ресурсе, в их привлекательности для индивида и общества. Именно в этом измерении расходятся полюса при образовании «общего фактора личности»: «социально положительные», привлекательные экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость новому противостоят «социально отрицательным» интроверсии, враждебности, недобросовестности, нейротизму и закрытости от нового [36].

Этот ресурс «социальной награды/наказания» не только отражает известную методическую проблему искажения в само-восприятии, вызванного самопрезентацией, но и, так сказать, базовое качество дифференцированного социального подкрепления [39]. Полюса черт отражают дифференцированное подкрепление данного поведения наградами и наказаниями. Так, условно «положительные» полюса черт являются социально награждаемыми формами поведения, к которым стремятся и которые обнаруживают у себя индивиды с положительной самооценкой [48]. Их антиподы образованы социально наказываемыми, уничижительными ("pejorative") формами поведения, которые, в том числе, связаны с низкой самооценкой [4, с. 152].

Признавая ключевую роль социальной оценки в вариативности черт, TRASY-3, в отличие от модели «общего фактора личности», подчеркивает их разнообразие. Оно обусловлено действием трех черт-ресурсов одновременно. Так, например, черты Б5 могут иметь отличные друг от друга формальные определения в терминах TRASY-3. И, если экстраверсия и враждебность могут определяться как «черты наблюдаемого возбуждения», разница между ними будет формальной и определенной измерением 3: экстраверсия является положительной («социально награждаемой») чертой, а враждебность – отрицательной («социально наказываемой»). В этом смысле, одно и то же поведение - в зависимости от социального контекста - может определяться как «экстраверсия, общительность», или как «враждебность, агрессивность».

Как это ни странно, но ресурс награды/наказания не создает константного полюса поведения среди людей. Люди могут тяготеть и к полюсу наказания, даже к таким экстремальным с точки зрения установок на черты формам как нейротизм или недобросовестность [50]. Иными словами, люди различаются в сопротивляемости социальному подкреплению черты. Чем это может быть вызвано?

TRASY-3 предполагает, что этому способствуют ресурсы возбуждения/торможения и приближения/уединения в поведении индивида. Они, так сказать, определяют кардинальный тренд, и человек будет склонен признавать в себе соответствующую этому тренду конфигурацию черт Б5, даже если эта конфигурация социально наказываемая. Например, ресурс наблюдаемого возбуждения может быть кардинальным для данного человека. Очевидно, что при этом человек будет считать себя, в первую очередь, «экстравертом». Однако этот же тренд заставит его давать отрицательные ответы в шкале доброжелательности. Ресурс наблюдаемого возбуждения будет доминировать в поведении этого человека, несмотря на социальные наказания, причитающиеся за определенные формы такого поведения (например, враждебность). Поэтому экстраверсия и доброжелательность редко демонстрируют сильную положительную связь. Однако этот же человек менее вероятно будет считать себя добросовестным или открытым опыту, поскольку эти социально награждаемые черты не соответствуют его кардинальному ресурсу наблюдаемого возбуждения⁴.

Ресурс награды/наказания является отчасти варьируемым в зависимости от конкретной социальной и исторической среды. В определенных условиях и эпохах некая черта может дрейфовать от «предельно желательной» до «умеренной», или даже от «положительной» к «отрицательной». Например, открытость/интеллект может трактоваться как сугубо поощряемое качество в ориентированном на западные либеральные ценности обществе, но может оказаться отрицательным в

традиционалистской культуре. Более того, даже такая «совершенно отрицательная», «медицинская» черта как нейротизм может обнаруживать определенные «положительные заряды» в современном толерантном обществе и его поведенческой науке [14].

Полезный контекст для ресурса награды/наказания и TRASY-3 в целом предоставляет ставшее классическим исследование Д. Пибоди и Л. Голдберга [42]. Авторы подчеркивали, что все черты Б5 смешаны с фактором оценки (evaluation). Они предполагали, что инструменты факторного анализа должны распутать этот клубок и отделить «чисто оценочное измерение» от двух дескриптивных измерений – импульсивности и ассертивности. Эксплицитное отделение оценки от двух дескриптивных измерений должно обеспечить «концептуальную ясность», отсутствующую в традиционных факторах вращения варимакс, смешивающих оценку с описанием [42, с. 564]. В качестве примера авторы приводят измерение «любовь-ненависть», которое очевидно переплетает оценку с межличностным поведением, а потому делит эти формы состояний и поведения на четко благоприятную и неблагоприятную половины [42].

Но что мы получим, если «вычтем» некий оценочный компонент из любви и ненависти, из доброжелательности и враждебности? Имеет ли это какой-то содержательный смысл за пределами статистики? Любовь и ненависть представляют собой показательные формы поведения и установок, и эти формы поведения и установок, и эти формы поведения и установок очевидно награждаются или наказываются в обществе сами по себе. Таким образом, TRASY-3 постулирует ресурс социального поощрения/наказания как базовую характеристику личности, не подлежащую какому-то либо «извлечению».

Следствия и применение TRASY-3

Потенциально TRASY-3 позволяет определять внутренние противоречия в существующих чер-

В таких случаях сверхбдительные или агрессивные индивиды, имеющие, в общем, социально наказываемые черты: переигрывают «хороших парней и девчонок», что дает им преимущества в разных формах отбора.

⁴ Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и альтернативное, эволюционное объяснение нечувствительности к социальному подкреплению [22]. В конкурентных и жестких средах нечувствительность к социальному подкреплению делает отдельные особи адаптивными.

тах – в терминах своих измерений. Например, известно, что черта доброжелательности состоит из двух фасетов: вежливости (politeness) и сочувствия (compassion) [16]. Можно заметить, что эти две части доброжелательности теоретически различимы в терминах ресурсов возбуждения / торможения и приближения/уединения, при соответствии в ресурсе социальной награды. Так, вежливость скорее является чертой ненаблюдаемого торможения, и в этом плане ее можно определять как «интроверсию со знаком плюс». Именно доброжелательность как вежливость занимает уникальную, не соответствующую другим чертам позицию в TRASY-3. Напротив, сочувствие, любовь и вовлеченность может определяться как черта наблюдаемого возбуждения, которая в пространстве TRASY-3 сближается с экстраверсией. При этом различия между экстраверсией и сочувствием интуитивно ощутимы. Потенциально их можно формализовать в конкретных координатах в пространстве TRASY-3.

Соответственно, отрицательные полюса доброжелательности – враждебность (hostility) и холодность (callousness) могут быть определены как черта наблюдаемого возбуждения (социально наказываемый родственник экстраверсии и сочувствия) и черта ненаблюдаемого торможения (близкий родственник интроверсии и вежливости). Такая внутренняя противоречивость доброжелательности как черты Б5 эмпирически отразилась в появлении альтернативной модели в виде шестифакторной НЕХАСО [4]. Джерард Сосье на материале семи языков также обнаруживал неоднократное расщепление доброжелательности на два компонента, названных им «сдержанностью» (even temper) и «приспособляемостью / кооперацией» (accomodatingness/cooperation) [49]. Первый представляет собой «враждебность и ее отсутствие», а второй – «миролюбие, беззаботность, покладистость и толерантность» [49, с. 1593]. Напомним также, что ключевое расхождение Б5 и НЕХАСО проходит, в первую очередь, по линии трактовок доброжелательности, а новый, шестой фактор HEXACO, честность/скромность (honesty/humility) во многом является аналогом фасета «вежливости» [16]. Таким образом, TRASY-3 может формализовать расхождения Б5, HEXACO и тому подобных моделей.

Допущения TRASY-3 поддерживает ряд фактов, полученных из независимых источников. К. Де Янг с коллегами обнаружили с использованием двух разных тестов характерный паттерн корреляций [17]. Во-первых, фасет сочувствия коррелировал с экстраверсией/открытостью в среднем на уровне r=0,30. Во-вторых, фасет вежливости коррелировал с экстраверсией/открытостью в среднем на уровне r=0,02. Нужно учитывать, что вежливость — черта социального поощрения, как и экстраверсия/открытость, что препятствует образованию откровенно отрицательной связи между ними, останавливаясь где-то в районе нулевой отметки.

Схожим образом, К.Сото и О.Джон, используя две разных выборки при изучении их опросника BFI-2, обнаружили разные паттерны корреляций для разных фасетов доброжелательности [51]. Так, сочувствие коррелировало с разными фасетами экстраверсии/открытости на среднем уровне r = 0.12; напротив, фасет доброжелательности – уважительность (respectfulness), аналог вежливости, коррелировал с фасетами экстраверсии/открытости на r = 0.03. Кроме того, уважительность была единственным фасетом доброжелательности, который коррелировал отрицательно с рядом фасетов экстраверсии. Таким образом, по крайней мере в двух независимых проектах с разными деталями на уровне фасетов были получены результаты, согласующиеся с предсказаниями TRASY-3.

ТRASY-3 дает объяснения различным важным феноменам, регулярно наблюдаемым эмпирически, но остающимся загадочными с теоретической точки зрения. Например, TRASY-3 дает простое обоснование появлению двух мета-черт: альфы («стабильность») и беты («пластичность») [16], или, в схеме Большой Шестерки [49], «социальной саморегуляции» и «динамизма», соответственно. Стабильность возникает из умеренных положительных корреляций доброжелательности, добросовестности и эмоциональной стабильности (низкого нейротизма). Пластичность, в то же время, отражает умеренную положительную связь экстраверсии и открытости/интеллекта.

Кибернетическая теория Б5 утверждает, что есть две разные кибернетические функции, лежащие в основе этих мета-черт [16]. Первая дает защиту целям, интерпретациям и стратегиям индивида от импульсивного разрушения, а вторая обеспечивает исследование, порождение новых целей, интерпретаций и стратегий индивида. Первая буквально обеспечивает стабильность и позволяет системе избавиться от энтропии, а вторая познает неизвестное и таким образом преодолевает энтропию, «превращая неизвестное в познанное».

ТRASY-3 предоставляет более простую и прямую интерпретацию этим фактам. В частности, различные ресурсы возбуждения и торможения могут либо награждаться, либо наказываться. И это главная причина тому, что эмпирически мы наблюдаем две мета-черты в описанном выше виде. Говоря конкретнее, «стабильность» состоит из социального поощряемых черт торможения; напротив, пластичность состоит из пары социально поощряемых черт возбуждения. Поскольку эти две группы черт радикально отличны в направлении своих ресурсов возбуждения/торможения, эмпирически мы получаем две соответствующие мета-черты.

TRASY-3 позволяет выдвигать формальные гипотезы о связях Б5 с другими конструктами и феноменами. Например, известно, что среди компонентов Темной Триады макиавеллизм и психопатия по-разному коррелируют с чертами Б5 [40]. В терминах TRASY-3 оба эти компонента являются социально наказуемыми наблюдаемыми чертами, поскольку и макиавеллизм, и психопатия предполагают социальное приближение. Однако они гипотетически различаются в ресурсе возбуждения. Макиавеллизм, вероятно, связан с ресурсом контроля, поскольку предполагает стратегическое планирование поведения [43]. Психопатия, напротив, скорее связана с ресурсом возбуждения, поскольку предполагает импульсивность и «действие по ситуации» [29].

Таким образом, можно ожидать положительных связей макиавеллизма с социально наказуемыми чертами Б5, которые также связаны или с ресурсом контроля, или с ресурсом социального приближения (в первую очередь, разумеется, с конвенциональностью/закрытостью от нового

опыта). Психопатия должна положительно коррелировать с чертами Б5, связанными или с ресурсом возбуждения, или с ресурсом социального приближения (в первую очередь, разумеется, с враждебностью). В самом деле, враждебность неоднократно коррелировала с психопатией, а закрытость от нового опыта — с макиавеллизмом [28, 40].

В рамках географической психологии личности были установлены корреляции между чертами личности, с одной стороны, и двумя полюсами англосаксонского политического спектра консерватизмом и либеральной демократичностью, соответственно [45]. В частности, голосование в штатах США и графствах Великобритании коррелировали с выраженностью в двух ключевых чертах: открытости опыту и добросовестности [46; 47]. Первая была более выражена в штатах и графствах, преимущественно голосовавших за демократов и либеральных демократов, в то время как вторая была более выражена среди тех, кто преимущественно голосовал за республиканцев и консерваторов. Напомним, что TRASY-3 предполагает противоположность добросовестности и открытости опыту – в терминах двух ключевых ресурсов: возбуждения/торможения и приближения/уединения. Соответственно, склонность голосовать за демократов может наблюдаться на фоне ментального, ненаблюдаемого возбуждения («богатый внутренний мир»), в то время как склонность голосовать за республиканцев и консерваторов более вероятна при обратном личностном ресурсе – наблюдаемого социального контроля.

Еще одним примером является креативность и ее связи с Б5. Современная литература показывает, что креативность может быть положительно связана с мета-чертой Пластичности (т.е., с экстраверсией и открытостью опыту) и – в значительно меньшей степени и отрицательно – с метачертой Стабильности (т.е., с доброжелательностью, добросовестностью и эмоциональной стабильностью) [21]. С позиций TRASY-3 это неудивительно, поскольку такой паттерн отражает предполагаемый ресурс возбуждения, связанный с креативностью. Принимая во внимание то, что креативность является в основном социально по-

ощряемым качеством, обычно не требующим стимуляции из внешнего социального мира [21], неудивительно и то, что открытость опыту (которую можно определить как поощряемую черту ненаблюдаемого возбуждения) коррелирует с креативностью сильнее остальных черт Б5. Можно было бы также предсказать и положительную связь креативности с недобросовестностью, поскольку последняя является «наказуемым братомблизнецом» открытости опыту. Однако похоже, что социальная наказуемость недобросовестности блокирует возможную связь с креативностью. В результате (не) добросовестность коррелирует с креативностью статистически незначимо [9; 44].

Рассмотрим гипотетический случай применения TRASY-3 в индивидном контексте. Например, общая сила ресурса торможения и контроля способствует тому, что индивид будет скорее считать себя интровертом, чем экстравертом, добросовестным, чем недобросовестным, консервативным традиционалистом, чем открытым новому опыту. Однако далее гипотетический сильный ресурс социального приближения приведет к тому, что этот индивид скорее будет считать себя добросовестным традиционалистом, чем интровертом и доброжелательным. Однако, если этот индивид обладает высокой самооценкой и/или регулярно получает социальные сигналы поощрения,

то он скорее признает себя добросовестным, и лишь умеренно традиционалистом (последний пункт будет зависеть от доминирования в данной среде ценностей консерватизма). Очевидно, что при таком паттерне индивид маловероятно будет сообщать нам о том, что он враждебен (ресурс социально наказуемого наблюдаемого возбуждения) или тревожен (ресурс социально наказуемого ненаблюдаемого возбуждения).

Заключение

ТRASY-3 постулирует, что черты личности являются не независимыми, стоящими в отдалении друг от друга сущностями, а скорее продуктом смешения нескольких базовых черт-ресурсов [24]. Варьирование сочетаний этих черт-ресурсов и создает самоотчетные, «натуральные» черты. ТRASY-3 предполагает, что таких черт-ресурсов три: (1) процессы возбуждения и торможения, разворачивающиеся (2) во внешней, социальной или во внутренней, ментальной средах, получающие (3) различное социальное подкрепление в виде поощрения или наказания. На рис. 1 представлена схема элементов Б5, размещенных в TRASY-3.

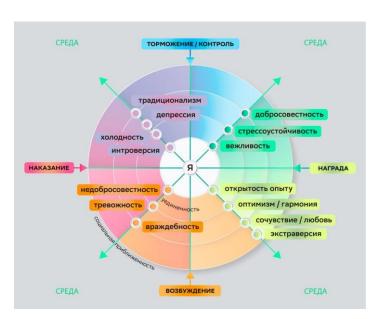

Рис. 1. TRASY-3: Репрезентация трех черт-ресурсов, в разных точках которых могут быть локализованы черты Большой Пятерки

Примечание. Ось X – ресурс социальной награды/наказания; ось Y – ресурс возбуждения/торможения и контроля; окружности – ресурс социальной приближенности/уединенности

В течение многих десятилетий исследователи, вдохновленные психолексическим подходом, пытаются получить необходимый и достаточный каталог базовых черт личности [3]. Поиск независимых, эмпирически ортогональных черт фокусируется на их уникальности, несводимости друг к другу. Однако черты мало напоминают абсолютно независимые сущности. Скорее они образуют сеть взаимосвязанных тенденций в поведении, с разной плотностью этой сети в разных ее фрагментах [12]. Даже на уровне глобальных черт

можно видеть сходство между ними, что выражается в моделях типа «общего фактора личности» [36]. TRASY-3 представляется нам не еще одной, очередной «зубной щеткой», «в стаканчике» моделей личности, а надстройку к уже существующим, доказавшим свою действенность, моделям; надстройку, нацеленную на разрешение ряда важных и постановку новых вопросов индивидуальных различий [35].

Благодарности

Автор признателен Юлиане Патокиной (Москва, Россия) за ценные предложения и постоянную поддержку. Автор также благодарен Джорджио Де Маркису (Мадридский университет Компюлтенсе) и Крису Хопвуду (Цюрихский университет) за рекомендации при обсуждении деталей проекта.

Литература:

- 1. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
- 2. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
- Allport G.W., Odbert H.S. Trait-names: A psycholexical study // Psychological Monographs. 1936.
 V. 47(1). P. i-171. https://doi.org/10.1037/h0093360
- Ashton M.C., Lee K. Empirical, theoretical, and practical advantages of the HEXACO model of personality structure // Personality and Social Psychology Review. 2007. V. 11(2). P. 150-166. https://doi.org/10.1177/1088868306294907
- Back M.D., Schmukle S.C., Egloff B. Predicting actual behavior from the explicit and implicit selfconcept of personality // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. V. 97(3). P. 533-548. https://doi.org/10.1037/a0016229
- Bäckström M., Björklund F. Social desirability in personality inventories: The nature of the evaluative factor // Journal of Individual Differences. 2014. V. 35(3). P. 144-157. https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000138

- Biesanz J.C. The social accuracy model of interpersonal perception: Assessing individual differences in perceptive and expressive accuracy // Multivariate Behavioral Research. 2010. V. 45(5). P. 853-885.
 - https://doi.org/10.1080/00273171.2010.519262
- 8. Cattell R.B. The principal trait clusters for describing personality. // Psychological Bulletin. 1945. V. 42(3). P. 129-161.
 - https://doi.org/10.1037/h0060679
- Chamorro-Premuzic T. Creativity versus conscientiousness: which is a better predictor of student performance? // Applied Cognitive Psychology. 2006. V. 20(4). P. 521-531.
 - https://doi.org/10.1002/acp.1196
- Chang L., Connelly B.S., Geeza A.A. Separating method factors and higher order traits of the Big Five: A meta-analytic multitrait—multimethod approach // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. V. 102(2). P. 408-426. https://doi.org/10.1037/a0025559
- Costa P.T., McCrae R.R. Four ways five factors are basic // Personality and Individual Differences.
 V. 13(6). P. 653-665.
 https://doi.org/10.1016/0191-8869(92)90236-I

- 12. Cramer A.O.J., et al. Dimensions of normal personality as networks in search of equilibrium: You can't like parties if you don't like people // European Journal of Personality. 2012. T. 26. № 4. C. 414-431. https://doi.org/10.1002/per.1866
- Deary I.J. The trait approach to personality // The Cambridge handbook of personality psychology. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 89-109.
 - https://doi.org/10.1017/CBO9780511596544.009
- 14. Denissen J.J.A., Penke L. Neuroticism predicts reactions to cues of social inclusion // European Journal of Personality. 2008. V. 22(6). P. 497-517. https://doi.org/10.1002/per.682
- 15. De Raad B. The Big Five personality factors: The psychological approach to personality. Ashland, OH: Hogrefe& Huber Publishers, 2000.
- DeYoung C.G. Cybernetic Big Five Theory // Journal of Research in Personality. 2015. V. 56. P. 33-58.
 - https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.07.004
- DeYoung C.G., Quilty L.C., Peterson J.B. Between facets and domains: 10 aspects of the Big Five // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. V. 93(5). P. 880-896. https://doi.org/10.1037/0022-3514.93.5.880
- 18. Eysenck H.J. Explanation and the concept of personality // Explanation in the Behavioural Sciences / R. Borger: Cambridge University Press, 1970. P. 387-410.
- Eysenck H.J. Dimensions of personality: 16, 5 or
 Criteria for a taxonomic paradigm // Personality and Individual Differences. 1991. V. 12(8). P. 773-790. https://doi.org/10.1016/0191-8869(91) 90144-Z
- 20. Eysenck S. B. G., Eysenck H. J. Impulsiveness and venturesomeness: Their position in a dimensional system of personality description // Psychological Reports. 1978. V. 43(3). P. 1247-1255. https://doi.org/10.2466/pr0.1978.43.3f.1247
- Feist G.J. Creativity and the Big Two model of personality: plasticity and stability // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2019. V. 27. P. 31-35. https://doi.org/10.1016/j.cobeha. 2018.07.005

- 22. Figueredo A.J., et al. Evolutionary theories of personality // The Cambridge handbook of personality psychology. New York, NY: Cambridge University Press, 2009. P. 265-274. https://doi.org/10.1017/CBO9780511596544.019
- Fleeson W., Jayawickreme E. Whole Trait Theory // Journal of Research in Personality. 2015. V. 56. P. 82-92.
 - https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.10.009
- 24. Galton F. Measurement of character. Fortnightly Review. 1884. V. 36(212), P. 179-185.
- 25. Goldberg L.R. Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons. Review of Personality and Social Psychology. 1981. V. 2(1). P. 141-165.
- Goldberg L.R. The structure of phenotypic personality traits // American Psychologist. 1993. V. 48(1). P. 26-34. https://doi.org/10.1037/0003-066X.48.1.26
- Hogan R., Foster J. Rethinking personality // International Journal of Personality Psychology.
 V. 2(1). P. 37-43.
- 28. Jonason P.K., et al. What lies beneath the Dark Triad Dirty Dozen: Varied relations with the Big Five // Individual Differences Research. 2013. V. 11(2). P. 81-90.
- 29. Jones D.N., Paulhus D.L. The role of impulsivity in the Dark Triad of personality // Personality and Individual Differences. 2011. V. 51(5). P. 679-682. https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.04.011
- 30. Karoly P. Goal systems and self-regulation: An individual differences perspective // Handbook of personality and self-regulation: Wiley-Blackwell, 2010. P. 218-242.
 - https://doi.org/10.1002/9781444318111.ch10
- 31. Leary T. Interpersonal diagnosis of personality; a functional theory and methodology for personality evaluation. Oxford, England: Ronald Press, 1957.
- 32. Matthews G. Cognitive-adaptive trait theory: A shift in perspective on personality // Journal of Personality. 2018. V. 86(1). P. 69-82. https://doi.org/10.1111/jopy.12319
- 33. McCrae R.R., John O.P. An introduction to the Five-Factor Model and its applications // Journal of Personality. 1992. V. 60(2). P. 175-215. https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1992. tb00970.x

- 34. McCrae R.R., Löckenhoff C.E. Self-regulation and the five-factor model of personality traits // Handbook of personality and self-regulation. Wiley-Blackwell, 2010. P. 145-168. https://doi.org/10.1002/9781444318111.ch7
- 35. Mischel W. The toothbrush problem: Presidential column // APS Observer. 2008. https://www.psychologicalscience.org/observer/the-toothbrush-problem
- 36. Musek J. The general factor of personality. Academic Press, 2017.
- 37. Nigg J.T. Annual Research Review: On the relations among self-regulation, self-control, executive functioning, effortful control, cognitive control, impulsivity, risk-taking, and inhibition for developmental psychopathology // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2017. V. 58(4). P. 361-383. https://doi.org/10.1111/jcpp.12675
- 38. Norman D.A., Shallice T. Attention to action // Consciousness and Self-Regulation: Advances in Research and Theory Volume 4 / R. J. Davidson, G. E. Schwartz, D. Shapiro. Boston, MA: Springer US, 1986. P. 1-18. https://doi.org/10.1007/978-1-4757-0629-1_1
- 39. Paulhus D.L., John O.P. Egoistic and moralistic biases in self-perception: The interplay of self-deceptive styles with basic traits and motives // Journal of Personality. 1998. V. 66(6). P. 1025-1060. https://doi.org/10.1111/1467-6494.00041
- Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. 2002. V. 36(6). P. 556-563.
 - https://doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505-6
- 41. Paunonen S.V., Hong R.Y. On the properties of personality traits // APA handbook of personality and social psychology, Volume 4: Personality processes and individual differences. APA handbooks in psychology. Washington, DC: American Psychological Association, 2015. P. 233-259. https://doi.org/10.1037/14343-011
- Peabody D., Goldberg L.R. Some determinants of factor structures from personality-trait descriptors // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. V. 57(3). P. 552-567. https://doi.org/ 10.1037/0022-3514.57.3.552

- 43. Rauthmann J.F., Will T. Proposing a multidimensional machiavellianism conceptualization // Social Behavior and Personality: An International Journal. 2011. V. 39(3). P. 391-403. https://doi.org/10.2224/sbp.2011.39.3.391
- 44. Reiter-Palmon R., Illies J.J., Kobe-Cross L.M. Conscientiousness is not always a good predictor of performance: The case of creativity // The International Journal of Creativity & Problem Solving. 2009. V. 19(2). P. 27-45.
- 45. Rentfrow P.J., Gosling S.D. Putting personality in its place: A geographical perspective on personality traits // Handbook of personality: Theory and research, 4th ed. New York, NY: The Guilford Press, 2021. P. 824-836.
- 46. Rentfrow P.J., Jokela M., Lamb M.E. Regional personality differences in Great Britain // PLoS ONE. 2015. V. 10(3). P. e0122245. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0122245
- 47. Rentfrow P.J., Jost J.T., Gosling S.D., Potter J. Statewide differences in personality predict voting patterns in 1996–2004 U.S. Presidential Elections. // Social and psychological bases of ideology and system justification / J.T. Jost, A.C. Kay, H. Thorisdottir. Oxford University Press, 2009. P. 314-347.
- Robins R.W., et al. Personality correlates of self-esteem // Journal of Research in Personality. 2001.
 V. 35(4). P. 463-482. https://doi.org/10.1006/jrpe.2001.2324
- Saucier G. Recurrent personality dimensions in inclusive lexical studies: Indications for a Big Six structure // Journal of Personality. 2009. V. 77(5).
 P. 1577-1614. https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2009.00593.x
- 50. Shchebetenko S.A. The best man in the world: Attitudes toward personality traits // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 3. С. 129-148.
- 51. Soto C.J., John O.P. The next Big Five Inventory (BFI-2): Developing and assessing a hierarchical model with 15 facets to enhance bandwidth, fidelity, and predictive power // Journal of Personality and Social Psychology. 2017. V. 113(1). P. 117-143. https://doi.org/10.1037/pspp0000096
- 52. Strack F., Deutsch R. Reflective and impulsive determinants of social behavior // Personality and Social Psychology Review. 2004. V. 8(3). P. 220-

247.

https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0803_1

- 53. Vazire S. Who knows what about a person? The self-other knowledge asymmetry (SOKA) model. // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. V. 98(2). P. 281-300. https://doi.org/10.1037/a0017908
- 54. Wiggins J.S. An informal history of the interpersonal circumplex tradition // Journal of Personality Assessment. 1996. V. 66(2). P. 217-233.

- https://doi.org/10.1207/s15327752jpa6602_2
- 55. Zuckerman M., et al. Five (or three) robust questionnaire scale factors of personality without culture // Personality and Individual Differences. 1991. V. 12(9). P. 929-941. https://doi.org/10.1016/0191-8869(91)90182-B

Статья поступила в редакцию 28.06.2022

ON DEFINING PERSONALITY TRAIT TAXONOMIES IN TERMS OF THREE BASIC RESOURCE TRAITS

© Sergey A. Shchebetenko

PhD (Psychology), professor and leading scientist at the Higher School of Economics (HSE University), Russia, Moscow; professor at the developmental psychology department at Perm State University, Russia, Perm, sshchebetenko@hse.ru

The study has been prepared with a financial support of the RSF (project № 21-18-00127, "Russian taxonomy of personality traits").

Contemporary personality taxonomies such as the Big Five and HEXACO have succeeded in identifying basic, independent elements called traits or domains. However, the reason why the composition of these taxonomies is exactly as it is, has not been widely discussed. A hypothetical model TRASY-3 is aimed at filling this gap. TRASY-3 postulates that a variety in personality traits being included in the taxonomies stems from a combination of three "resource traits" [8]. The structure of TRASY-3 determines a threedimensionality of each pole of any personality trait. TRASY-3 posits that each pole of a trait (e.g., extraversion vs. introversion) is formed via a configuration of three resource traits. The first resource, Arousal/Inhibition and Control characterises one's behavior ranging from arousal/impulsivity to inhibition/self-regulation. The second source, Approach/Seclusion characterises one's behavior ranging from directionality to the social milieu (which makes it accessible to an outside observer) to mental conditions (predominantly hidden from the observer). The third source, Social Reward/Punishment, characterises social reinforcement and evaluation of the given conduct or condition. In this respect, poles of the traits vary from reward able ("positive") to punishable ("negative") traits. As such, TRASY-3, unlike conventional models and approaches, provides formal, non-recursive definitions to any personality trait. Thus, extraversion can be defined as a "reward able trait of observable arousal", whereas unconscientiousness can be treated as a "punishable trait of mental arousal". TRASY-3 is deemed to explain occurrence of numerous classical issues within the trait theory. Among the mare a complicated nature of agreeableness in the Big Five and HEXACO models, the Stability and Plasticity meta-traits, relationships between the Big Five traits

and constructs such as the Dark Triad and creativity. These issues are discussed in the paper, along with empirical evidence supporting TRASY-3.

Key words: personality trait taxonomies, Big Five, multidimensional models

Acknowledgments

I am grateful to Yuliana Patokina (Moscow, Russia) for helpful suggestions and continuing support. I am also thankful to Giorgio De Marchis (Complutense University of Madrid, Spain) and Christopher Hopwood (University of Zurich, Switzerland) for valuable recommendations while discussing the project.

REFERENCES

- 1. Anohin P.K. (1975). Ocherki po fiziologii funkcional'nyh system [Essays on the physiology of functional systems]. Moscow: Medicina.
- 2. Merlin V.S. (1986). Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti [*An essay on the integral study of individuality*]. Moscow: Pedagogika.
- Allport G.W., Odbert H.S. (1936). Trait-names: A psycho-lexical study // Psychological Monographs. V. 47(1). P. i-171. https://doi.org/10.1037/h0093360
- Ashton M.C., Lee K. (2007). Empirical, theoretical, and practical advantages of the HEXACO model of personality structure // Personality and Social Psychology Review. V. 11(2). P. 150-166. https://doi.org/10.1177/1088868306294907
- Back M.D., Schmukle S.C., Egloff B. (2009). Predicting actual behavior from the explicit and implicit self-concept of personality // Journal of Personality and Social Psychology. V. 97(3). P. 533-548. https://doi.org/10.1037/a0016229
- 6. Bäckström M., Björklund F. (2014). Social desirability in personality inventories: The nature of the evaluative factor // Journal of Individual Differences. V. 35(3). P. 144-157.
 - https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000138
- Biesanz J.C. (2010). The social accuracy model of interpersonal perception: Assessing individual differences in perceptive and expressive accuracy // Multivariate Behavioral Research. V. 45(5). P. 853-885.
 - https://doi.org/10.1080/00273171.2010.519262
- Cattell R.B. (1945). The principal trait clusters for describing personality. // Psychological Bulletin. V. 42(3). P. 129-161.
 - https://doi.org/10.1037/h0060679

- Chamorro-Premuzic T. (2006). Creativity versus conscientiousness: which is a better predictor of student performance? // Applied Cognitive Psychology. V. 20(4). P. 521-531. https://doi.org/ 10.1002/acp.1196
- 10. Chang L., Connelly B.S., Geeza A.A. (2012). Separating method factors and higher order traits of the Big Five: A meta-analytic multitrait—multimethod approach // Journal of Personality and Social Psychology. V. 102(2). P. 408-426. https://doi.org/10.1037/a0025559
- 11. Costa P.T., McCrae R.R. (1992). Four ways five factors are basic // Personality and Individual Differences. V. 13(6). P. 653-665. https://doi.org/10.1016/0191-8869(92)90236-I
- 12. Cramer A.O.J., et al. (2012). Dimensions of normal personality as networks in search of equilibrium: You can't like parties if you don't like people // European Journal of Personality. V. 26. № 4. P. 414-431. https://doi.org/10.1002/per.1866
- 13. Deary I.J. (2009). The trait approach to personality // The Cambridge handbook of personality psychology. New York: Cambridge University Press, P. 89-109.
 - https://doi.org/10.1017/CBO9780511596544.009
- Denissen J.J.A., Penke L. (2008). Neuroticism predicts reactions to cues of social inclusion // European Journal of Personality. V. 22(6). P. 497-517. https://doi.org/10.1002/per.682
- 15. De Raad B. (2000). The Big Five personality factors: The psycholexical approach to personality. Ashland, OH: Hogrefe& Huber Publishers.
- 16. DeYoung C.G. (2015). Cybernetic Big Five Theory // Journal of Research in Personality. V. 56. P. 33-58.

- https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.07.004
- 17. DeYoung C.G., Quilty L.C., Peterson J.B. (2007). Between facets and domains: 10 aspects of the Big Five // Journal of Personality and Social Psychology. V. 93(5). P. 880-896. https://doi.org/10.1037/ 0022-3514.93.5.880
- 18. Eysenck H.J. (1970). Explanation and the concept of personality // Explanation in the Behavioural Sciences / R. Borger: Cambridge University Press. P. 387-410.
- 19. Eysenck H.J. (1991). Dimensions of personality:
 16, 5 or 3? Criteria for a taxonomic paradigm // Personality and Individual Differences. V. 12(8).
 P. 773-790. https://doi.org/10.1016/0191-8869 (91)90144-Z
- 20. Eysenck S.B.G., Eysenck H.J. (1978). Impulsiveness and venturesomeness: Their position in a dimensional system of personality description // Psychological Reports. V. 43(3). P. 1247-1255. https://doi.org/10.2466/pr0.1978.43.3f.1247
- 21. Feist G.J. (2019). Creativity and the Big Two model of personality: plasticity and stability // Current Opinion in Behavioral Sciences. V. 27. P. 31-35.
 - https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2018.07.005
- Figueredo A.J., et al. (2009). Evolutionary theories of personality // The Cambridge handbook of personality psychology. New York, NY: Cambridge University Press. P. 265-274. https://doi.org/10.1017/CBO9780511596544.019
- Fleeson W., Jayawickreme E. (2015). Whole Trait Theory // Journal of Research in Personality. V. 56. P. 82-92.
 - https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.10.009
- 24. Galton F. (1884). Measurement of character. Fortnightly Review. V. 36(212). P. 179-185.
- 25. Goldberg L.R. (1981). Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons. Review of Personality and Social Psychology. V. 2(1). P. 141-165.
- Goldberg L.R. (1993). The structure of phenotypic personality traits // American Psychologist.
 V. 48(1). P. 26-34. https://doi.org/10.1037/0003-066X.48.1.26
- 27. Hogan R., Foster J. (2016). Rethinking personality // International Journal of Personality Psychology. V. 2(1). P. 37-43.

- 28. Jonason P.K., et al. (2013). What lies beneath the Dark Triad Dirty Dozen: Varied relations with the Big Five // Individual Differences Research. V. 11(2). P. 81-90.
- 29. Jones D.N., Paulhus D.L. (2011). The role of impulsivity in the Dark Triad of personality // Personality and Individual Differences. V. 51(5). P. 679-682. https://doi.org/10.1016/j.paid.2011. 04.011
- 30. Karoly P. (2010). Goal systems and self-regulation: An individual differences perspective // Handbook of personality and self-regulation: Wiley-Blackwell. P. 218-242. https://doi.org/10.1002/9781444318111.ch10
- 31. Leary T. (1957). Interpersonal diagnosis of personality; a functional theory and methodology for personality evaluation. Oxford, England: Ronald Press.
- 32. Matthews G. (2018). Cognitive-adaptive trait theory: A shift in perspective on personality // Journal of Personality. V. 86(1). P. 69-82. https://doi.org/10.1111/jopy.12319
- 33. McCrae R.R., John O.P. (1992). An introduction to the Five-Factor Model and its applications // Journal of Personality. V. 60(2). P. 175-215. https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1992. tb00970.x
- 34. McCrae R.R., Löckenhoff C.E. (2010). Self-regulation and the five-factor model of personality traits // Handbook of personality and self-regulation. Wiley-Blackwell. P. 145-168. https://doi.org/10.1002/9781444318111.ch7
- 35. Mischel W. (2008). The toothbrush problem: Presidential column // APS Observer. https://www.psychologicalscience.org/observer/the-toothbrush-problem
- 36. Musek J. (2017). The general factor of personality. Academic Press.
- 37. Nigg J.T. (2017). Annual Research Review: On the relations among self-regulation, self-control, executive functioning, effortful control, cognitive control, impulsivity, risk-taking, and inhibition for developmental psychopathology // Journal of Child Psychology and Psychiatry. V. 58(4). P. 361-383. https://doi.org/10.1111/jcpp.12675

- 38. Norman D.A., Shallice T. (1986). Attention to action // Consciousness and Self-Regulation: Advances in Research and Theory Volume 4 / R. J. Davidson, G. E. Schwartz, D. Shapiro. Boston, MA: Springer US. P. 1-18. https://doi.org/10.1007/978-1-4757-0629-1_1
- 39. Paulhus D.L., John O.P. (1998). Egoistic and moralistic biases in self-perception: The interplay of self-deceptive styles with basic traits and motives // Journal of Personality. V. 66(6). P. 1025-1060. https://doi.org/10.1111/1467-6494.00041
- 40. Paulhus D.L., Williams K.M. (2002). The Dark Triad of personality: Narcissism, machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. V. 36(6). P. 556-563. https://doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505-6
- 41. Paunonen S.V., Hong R.Y. (2015). On the properties of personality traits // APA handbook of personality and social psychology, Volume 4: Personality processes and individual differences. APA handbooks in psychology. Washington, DC: American Psychological Association. P. 233-259. https://doi.org/10.1037/14343-011
- 42. Peabody D., Goldberg L.R. (1989). Some determinants of factor structures from personality-trait descriptors // Journal of Personality and Social Psychology. V. 57(3). P. 552-567.
 - https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.3.552
- 43. Rauthmann J.F., Will T. (2011). Proposing a multidimensional machiavellianism conceptualization // Social Behavior and Personality: An International Journal. V. 39(3). P. 391-403. https://doi.org/10.2224/sbp.2011.39.3.391
- 44. Reiter-Palmon R., Illies J.J., Kobe-Cross L.M. (2009). Conscientiousness is not always a good predictor of performance: The case of creativity // The International Journal of Creativity & Problem Solving. V. 19(2). P. 27-45.
- 45. Rentfrow P.J., Gosling S.D. (2021). Putting personality in its place: A geographical perspective on personality traits // Handbook of personality: Theory and research, 4th ed. New York, NY: The Guilford Press. P. 824-836.
- 46. Rentfrow P.J., Jokela M., Lamb M.E. (2015). Regional personality differences in Great Britain // PLoS ONE. V. 10(3). P. e0122245. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0122245

- 47. Rentfrow P.J., Jost J.T., Gosling S.D., Potter J. (2009). Statewide differences in personality predict voting patterns in 1996-2004 U.S. Presidential Elections. // Social and psychological bases of ideology and system justification / J.T. Jost, A.C. Kay, H. Thorisdottir. Oxford University Press. P. 314-347.
- 48. Robins R.W., et al. (2001). Personality correlates of self-esteem // Journal of Research in Personality. V. 35(4). P. 463-482.
 - https://doi.org/10.1006/jrpe.2001.2324
- 49. Saucier G. (2009). Recurrent personality dimensions in inclusive lexical studies: Indications for a Big Six structure // Journal of Personality. V. 77(5). P. 1577-1614. https://doi.org/10.1111/ j.1467-6494.2009.00593.x
- 50. Shchebetenko S.A. (2014). The best man in the world: Attitudes toward personality traits // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 11. № 3. С. 129-148.
- 51. Soto C.J., John O.P. (2017). The next Big Five Inventory (BFI-2): Developing and assessing a hierarchical model with 15 facets to enhance bandwidth, fidelity, and predictive power // Journal of Personality and Social Psychology. V. 113(1). P. 117-143. https://doi.org/10.1037/pspp0000096
- 52. Strack F., Deutsch R. (2004). Reflective and impulsive determinants of social behavior // Personality and Social Psychology Review. V. 8(3). P.
 - https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0803_1
- 53. Vazire S. (2010). Who knows what about a person? The self-other knowledge asymmetry (SOKA) model. // Journal of Personality and Social Psychology. V. 98(2). P. 281-300. https://doi.org/10.1037/a0017908
- 54. Wiggins J.S. (1996). An informal history of the interpersonal circumplex tradition // Journal of Personality Assessment. V. 66(2). P. 217-233. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa6602_2
- 55. Zuckerman M., et al. (1991). Five (or three) robust questionnaire scale factors of personality without culture // Personality and Individual Differences. V. 12(9). P. 929-941. https://doi.org/ 10.1016/0191-8869(91)90182-B

The article was received 28.06.2022.

Morality in the USSR. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 2. No. 3. Pp. 39-49. DOI: 10.38098/proceedigs_2022_02_03_04

История психологии и историческая психология

НРАВСТВЕННОСТЬ В СССР

© Юревич А.В.

член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института психологии РАН, Москва, Россия av.yurevich@ipran.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-013-00680 «История российской академической психологии нового времени: научные школы, персоналии, детерминанты развития»).

В статье рассмотрено состояние нравственности в исчезнувшем государстве – в Советском Союзе, которое часто характеризуется как «оазис нравственности». Приводятся факты, опровергающие этот образ – огромное количество доносов в советское время, аборты, «двойная мораль», численность советских граждан, сотрудничавших с немцами в годы Великой Отечественной войны, и т.д. Обсуждается статус Морального кодекса строителя коммунизма. Автор делит нарушения нравственности в советские годы на две категории – на явно безнравственное поведение, признаваемое таковым всеми или почти всеми, и поведение «пограничное», одними социальными слоями трактуемое как безнравственное, другими – как вполне приемлемое в нравственном отношении. Ко второй категории причисляются: хамство, тенденция вмешиваться в чужую частную жизнь, насилие в школах, являющееся результатом смешения там представителей разных социальных слоев и т.д. Анализируются основные свойства советской системы нравственной регуляции поведения, отличающие ее от нынешней: отсутствие явной социальной дифференциации, неотвратимость наказания за нарушение нравственных норм, слитность морали и закона, строгость санкций, их неизбирательность. Автор делает вывод о том, что в истории не бывает «оазисов нравственности», в любом обществе хватает людей, готовых на безнравственные поступки, а конкретный характер ее нарушений определяется типом социальной системы.

Ключевые слова: нравственность, мораль, доносы, хамство, наставничество, советская эпоха, школьное насилие, идеология.

«Оазис нравственности»?

Нравственность определяется как «моральное качество человека, некие правила, которыми руководствуется человек в своём выборе. Термин, чаще всего употребляющийся в речи и литературе как синоним морали, иногда — этики» [26]. Здесь, конечно, имеются основания для смешения морали и нравственности, являющихся близкими, но

все же несколько разными категориями [об их соотношении см.: 5; 6]. Кроме того, понятие нравственности — крайне размытое для того, чтобы сравнивать на его основе различные эпохи и культуры, одни представители которых следуют одним правилам, другие — иным, третьи — не следуют правилам вообще¹. И к тому же, как показы-

обще отсутствует [7, с. 145]. То, что «говорить о едином и одинаковом для всех народов уровне развития

¹ Отмечается, что «У разных людей разная мораль», а примерно у 1% людей, включая психопатов, она во-

вают исследования, нравственные нормы исторически изменчивы [1; 8; 11], а создатель советского государства — В.И. Ленин — считал, что «нравственно все, что служит победе коммунизма» [15, с. 181], и полагал, что вполне нравственно, то объединиться с одними, а с другими — размежеваться, то поступать наоборот.

Был ли безнравственным человеком Павлик Морозов? Очевидно, отношение к его поступку определяется тем, что в моральной системе общества «выше» — интересы семьи или государства. Если первые, то его поступок выглядит диким, если государственные интересы, отлитые в соответствующую идеологию, то нормальным, более того, способным служить образцом для каждого человека. Налицо расхождение морали того времени и современной морали. Здесь следует учитывать возрастную изменчивость моральных правил, рассмотренную, например, в теории Л. Колберга, — может быть, спустя несколько лет из Павлика получился бы вполне современный в моральном отношении человек.

На деле оказывается гораздо проще сказать, какой человек является высоконравственным, чем судить о его поведении как о безнравственном. Видимо, высоконравственным можно считать поведение, полностью подчиненное существующим в обществе нормам морали. А безнравственное поведение - это поведение человека, грубо нарушающего эти нормы, при этом хорошо знающего их и не испытывающего внешнего принуждения к их нарушению. Отсюда вытекает необходимость различения двух типов людей людей с высоким и с низким интеллектом; и двух типов поступков – свободных и совершенных под внешним принуждением. Строго говоря, только грубое нарушение нравственных норм человеком с высоким интеллектом и совершенное им свободно при отсутствии внешнего принуждения, может быть признано безнравственным. Поступки человека, не понимающего, как надо поступать, или совершенные им по принуждению к этой категории не относятся.

морали в российском менталитете без учета этнического своеобразия не очень правильно», показывает М.И. Воловикова [4, с. 96]. Строго говоря, определение нравственного уровня той или иной эпохи — это разговор о «средней температуре по больнице»: уровень

Тем не менее о нравственном облике представителя какой-либо эпохи всегда можно составить некоторое представление, тем более, что ушедшая советская эпоха оставила о себе память высоко нравственной. «Практически во всех спорах про времена СССР рано или поздно возникает аргумент в виде "советской духовности"», – родственного нравственности понятия – пишет автор одной из интернет-публикаций [25]. Отмечается также, что «Принято смотреть на СССР как на государство, бывшее обителью необычайно нравственности и влагалищем самой превосходной морали» [22] и т.д.

Советское общество довольно часто ностальгически вспоминается как оазис нравственности, как общество, говоря словами М. Вебера [3], «моральный темперамент» которого был чрезвычайно высок, что резонирует и с характеризуемыми в качестве безнравственных западными странами, и с современной Россией.

«Зоны» безнравственности в советском обществе

Многие авторы опровергают это представление, высвечивая, наоборот, «зоны» безнравственного в советском обществе. Одной из таких «зон» являются аборты. Отмечается, что советские женщины делали колоссальное количество абортов в среднем 4,5 миллиона в год, а в 1968 г. поставили своеобразный антирекорд, сделав их 5,6 миллиона и выйдя по этому показателю на первое место в Европе. В этом же году советские женщины сделали 293 аборта на 100 живорождений, т.е. из четырех беременностей лишь одна заканчивалась рождением ребенка, а три – абортами. Нынешние женщины делают 48 абортов на 100 живорождений, т.е. почти в 5 раз меньше. Меньше всего абортов делают представители молодой группы населения, а больше всего – те, кто «родом из СССР», оставаясь в фертильном возрасте. «Дети не хотят вести себя, как их матери», – заключает автор публикации [25]. Хотя, конечно, вывод о том, что «девственность до брака

нравственности представителей разных народов, различных социальных групп, разных районов одного города, и даже рядом расположенных домов различается. Впрочем, вычисление этой «средней температуры» иногда полезно.

– это не некое "уникальное и не имеющее аналогов" явление советской духовности, а просто остатки патриархальных укладов» [25], кому-то покажется недостаточно обоснованным, а в современной России аборт считают морально неприемлемым лишь 36% населения [14].

Сторонники не слишком высокой нравственности СССР прибегают и к аргументу о том, что высоконравственное общество не может породить значительную прослойку людей, причем, во властных и околовластных структурах, готовых к критике его же основ, а именно таковым было советское общество. «В любом случае то, что очень многие бывшие коммунисты, как только подул новый ветер, быстро перешли в новый статус — борцов с коммунизмом, на мой взгляд, является свидетельством того, что мораль в Союзе была не слишком-то крепка» [20]. И действительно, морально консолидированное общество не порождает слишком значительной оппозиции в вопросах морали.

Довольно часто констатируется «двойной» характер советской морали – одна для официальных ситуаций, другая – для неофициальных. «Мораль в Советском Союзе была ... как бы поинтеллигентнее выразиться ... странной. Хотя некоторые предпочитают называть ее двойной», - пишет И.Дорошенко [20]. Но далее автор этих строк отмечает: «Трудно сказать, что лучше: двойная мораль или почти полное ее отсутствие» [20], очевидно, намекая на современную Россию. Двойная мораль порождает «ложь во спасение», которая вроде бы не имеет прямого отношения к нравственности. А говорить неправду в официальных ситуациях – на митингах, партсобраниях и т.д. – не считалось зазорным. Но не формирует ли это привычку, выходящую далеко за их пределы? Двойная мораль достаточно распространена и в современной России [11], где существует значительная категория лиц, систематически говорящих неправду и не видящих в этом греха. Не связано ли это с длительным господством двойной морали в советском обществе?

Возникает соблазн обозначить наиболее яркие проявления безнравственности современного общества, показать, что в СССР их не было и таким образом продемонстрировать его высокую нравственность. Но этот, вроде бы очевидный, прием неприемлем уже потому, что «во времена СССР не существовало интернета и, следовательно, не было возможности оповещать во всеуслышание о своих мерзких делах тех, кто хотел бы ими похвалиться» [30]. Трудно не согласиться с тем, что «в том же советском обществе были и другие люди – циничные, жестокие, растленные, настоящие бесы во плоти. Как злой джин из бутылки, мигом вырвались они на свободу после того, как таковая свобода была им дана. Именно они, а не "настоящие люди", стали повсеместно властью и хозяевами жизни в безвременье 1990-х, что во многом определило неприятный облик этих страшных лет. И этот факт определяет действительную цену "советской нравственности"» [30]. Впрочем, «бесы во плоти» имеются, наверное, в любом обществе, и от социальной системы зависит, давать им свободу или нет. Поэтому вывод о том, что «в 1960-е, 70-е и 80-е годы мы наблюдаем деградацию советского общества, что хорошо видно в среде молодежи» [30], представляющий собой очень типичное видение советской нравственности² как очень высокой в раннесоветские годы и «деградировавшей» в позднесоветские, видимо, представляет собой ностальгическую идеализацию раннесоветского времени.

Эта точка зрения плохо совместима с «темной стороной Великой Отечественной Войны», включающей четыре основных аспекта: 1) безжалостное отношение советских военачальников к солдатам³, 2) количество советских граждан, добровольно сотрудничавших с немцами, 3) их суровое отношение друг к другу, 4) последствия ВОВ. Ее «темная сторона», естественно, нисколько не уменьшает героизм Советских солдат, но, хотя она изъята из официальной версии Войны, ее надо учитывать. 800000 наших соотечественников ушли в добровольные союзники немцев (в «хиви»), 230000 – в полицаи, 300000 –

Берлина штурмовать Зееловские Высоты, стоившие Красной Армии более 300 тыс. жизней. А из известных советских военачальников, пожалуй, только генерал А.В. Горбатов не укладывался в это правило.

 $^{^{2}}$ Этот вывод в том или ином виде воспроизводится в [19].

³ Ярким примером может служить решение одного из главных героев этой Войны Г.К. Жукова при взятии

в коллаборационисты в вермахте [29]. Конечно, не всех, шедших на «добровольное» сотрудничество с оккупантами, следует характеризовать как людей безнравственных. За ним могут стоять различные жизненные ситуации (вспомним фильм «Проверка на дорогах»). Однако образ советского народа как всецело лояльного советской власти в период Войны эти цифры все же размывают.

Другим фактом, противоречащим идее высокой нравственности советского общества, была достаточно большая доля уголовников, соблюдавших специфические законы криминального мира (эти законы воплощали очень специфическую нравственность, что, видимо, не нуждается в доказательствах). Л.Г. Фишман и В.С. Мартьянов подчеркивают, что «криминальная культура 1990-х появилась не на пустом месте, продолжая богатые традиции советской уголовной субкультуры, реальные размеры которой в идеологических целях преуменьшались, как и растущая позднесоветская статистика преступности и самоубийств» [32]. «Специфическая уголовная субкультура получила в СССР распространение, немыслимое в какой-нибудь иной европейской стране», – пишет один из авторов [10]. – «Примерно 15% населения страны к моменту распада СССР успела отбыть срок в лагерях и тюрьмах. И только официальная идеология утверждала, будто "тюрьма перевоспитывает человека"» [10].

Относительную независимость идеологии, официальной и неофициальных моралей (вырабатываемых различными социальными группами) и нравственности [об этом см.: 13; 16], вероятность ситуаций, когда на фоне развитой и консолидированной официальной морали возможно безнравственное общество и наоборот, не следует переоценивать. Существует мнение о том, что «Советская нравственность не могла не рухнуть вместе с верой в коммунизм ... Как только человек понимал, что светлое будущее есть не более, чем байки дедушки Ленина, никаких оснований придерживаться нравственных норм у него просто не оставалось, кроме, может быть привычки или страха перед уголовным кодексом ... Отсутствие коммунизма и его существенных признаков автоматически, на бессознательном уровне отключало у человека всякую внутреннюю потребность следовать нормам и правилам даже того самого "Морального кодекса строителя коммунизма"» [22].

Современные социологи акцентируют проблему школьного насилия как одну из наиболее острых в современной России [12]. Однако и в советском обществе со школьным насилием не все было благополучно. И дело даже не в шумных, иногда доходивших до прессы, скандалах, основанных на том, что всеми нелюбимый мальчик/девочка повергался издевательству. В советском обществе существовала более принципиальная вещь - система силового воздействия в школах. Сейчас часто критикуется чрезмерная дифференциация российского общества, и действительно по уровню неравенства доходов мы опережаем большинство европейских стран [17]. Но в советские годы существовала противоположная крайность, образцом которой была коммунальная квартира, в которой интеллигент мог соседствовать с уголовником [23].

Примерно то же явление наблюдалось в советских школах, особенно в новых районах, где новостройки воздвигались рядом с бараками, возникшими на месте бывших деревень. Дети из соответствующих слоев населения оказывались перемешанными в одной школе, а спецшколы, не доступные детям из социальных низов, подвергались за это критике. Некоторые из «барачных» детей и иже с ними практиковали в отношении своих сверстников тот стиль поведения, к которому привыкли, с регулярным мордобоем, матом и т.д., и пока эти «жертвы всеобуча» (термин одного советского учителя) не уйдут в ПТУ после окончания 8-го класса, жизнь для более цивилизованных детей превращалась в сущий ад.

Может быть, кто-то это свойство советской системы не сочтет аморальным, но, скорее всего, лишь тот, кто не считает аморальной всеобщую дедовщину, которой, кстати говоря, в современной России нет или почти нет. Иногда отмечается и преемственность: тюрьма — армия — школа, которая не лишена оснований. Так или иначе, атмосфера в советских школах не была их случайным качеством, а в советских фильмах, считавшихся наиболее «острыми» («Доживем до понедельника» и т.д.), не показаны их наиболее острые проблемы.

В духе традиции – придавать всему характер документов – советские идеологи решили зафиксировать в документе и свои представления о типовом нравственном облике строителя коммунизма. Так в 1961 году родился Моральный кодекс строителя коммунизма, после чего этика, само собой разумеется, марксистко-ленинская, была внедрена в учебный процесс, - стали появляться курсы лекций, учебники, создаваться соответствующие кафедры в вузах и т.д. Не вполне понятно, какое отношение этот Моральный кодекс имел к реальности? Скорее всего, никакого. Во всяком случае, от «строителей коммунизма», вступавших в Партию и Комсомол, какого-либо соответствия его заповедям не требовалось. Он скорее имел смысл приблизительного морального ориентира для тех, кто считался разделяющим советские идеалы.

Вот как характеризует создание Кодекса Ф.М. Бурлацкий, по его словам, стоявший у истоков этого документа: «Я сказал, что нужно исходить не только из коммунистических постулатов, но и также из заповедей Моисея, Христа, тогда все действительно "ляжет" на общественное сознание. Это был сознательный акт включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов. Буквально часа за полтора мы сочинили такой текст, который в Президиуме ЦК прошел на "ура"» [24]. А вот, что по поводу Нравственного кодекса строителя коммунизма говорил В.В. Путин: «выдержки из Библии» [27], «примитивная выдержка из Библии» [28]. То, что Моральный кодекс «списан с Нагорной проповеди», признал и Г.А. Зюганов [21]. Нетрудно понять, какое отношение к реальности имел документ, «списанный с Нагорной проповеди», и какая часть людей, в том числе правоверных строителей коммунизма, ему следовала.

В то же время «Нравственность в отечественной моральной философии рассматривалась как часть социальной реальности» [2, с. 3], а «отечественная философия советского периода, и этика как ее часть, претендовали именно на научно-рациональный способ исследования бытия, а соответственно, и нравственности» [2, с. 6]. Такое сочетание элементов было вообще очень характерным для советской идеологии, включавшей откровенно мифические детали (миф о коммунизме,

соответствующий образ человека и др.) в строго рационалистическую канву. Конечно, возникает соблазн и здесь предположить ее «двойной» характер: например, с позиций людей, стоявших у власти — мифы для других, а не для себя. Но такое предположение сильно бы упростило и огрубило действительность.

Пограничные «территории»

Но речь не только о наиболее грубых нарушениях нравственности, признаваемых таковыми почти всеми современными народами. Существовали и такие формы безнравственного поведения, которые находятся где-то «на грани», одними слоями общества воспринимаясь как нарушение морали, другими - как вполне нормальные и не выходящие за ее пределы. Одним из таких неявных нарушений морали в советском обществе является хамство, ставшее его столь же неявным символом. Мы имеем в виду не срывы в психологическом состоянии человека, когда он, доведенный до отчаяния или чего-то другого, может нахамить окружающим, но, придя в свое нормальное состояние, испытывает стыд за свое поведение. Имеется в виду то, что хамство считалось нормальной манерой общения среди широких слоев населения, и в быту был широко распространен стереотип, согласно которому хороший человек может хамить, причем регулярно, окружающим. Последствия этой тенденции можно обнаружить и сейчас в современном российском обществе, демонстрирующим высокую толерантность к хамству [11; 14].

Вполне легитимной территорией хамства стала советская торговля, один из основных принципов которой — «вас много, а я одна», во многом соответствовавший действительности, иногда проявляется в нашей провинции и поныне, где действительности уже не соответствует. Данный принцип расходился с советской моралью, согласно которой «советский продавец должен показать советскому покупателю товар лицом, быть с ним вежлив и обходителен». Это расхождение зафиксировано в советском анекдоте, сочиненном во время Московской олимпиады, когда все названия дублировались на английском языке. В винном магазине закончился портвейн. К длиннющей очереди за ним выходит продавщица —

баба с подбитым глазом и в грязном переднике и говорит: «Ну что алкаши, кончился ваш портвейн». В это время по радио раздается елейный женский голосок: «Ледис энд джентелмен, зе потрвайн из овер». Причина, конечно, коренится не только в том, что работать в торговлю шли, мягко говоря, не самые достойные люди. Приятного, интеллигентного продавца, наверное, где-то и можно было встреть (автор этих строк его не встречал), но как очень редкое исключение. На продавцов напирала толпа покупателей, среди которых тоже было немало не слишком приятных людей. Таким образом, всеобщий дефицит как одна из основных, базовых характеристик советского общества, создавал объективную основу для хамства, что в «стране победившего ee социализма» (термин Ф.М. Бурлацкого) имело очень большое значение.

Наряду с хамством имелся и ряд явлений, которые, не получая однозначной моральной оценки, тем не менее в большинстве обществ рассматриваются как аморальные. Такова, например, практика доносов, тоже очень характерная для СССР. По свидетельству писателя С.Д. Довлатова, в сталинские годы граждане нашей страны написали друг на друга более 4 млн. доносов, внеся таким образом посильный вклад в массовые репрессии. Наверное, истинно нравственный человек донос на соседа не напишет, особенно зная, чем это для того может закончиться. Но ситуация доноса как средства расправы с неугодными гражданами создает большой соблазн и тоже образует объективную основу этого явления. Конечно, было бы опрометчиво утверждать, что доносы органически присущи социализму, как это иногда делается, хотя бы потому, что в позднесоветское время их практически не было. Однако при определенных обстоятельствах (тоталитаризм, массовые репрессии и т.д.) социализм может принять характер, располагающий людей писать доносы, что и было в нашей истории.

Есть в советском прошлом и явления, которые воспринимаются по-разному различными социальными группами, одни из которых причисляют их к числу безнравственных, другие — нет, и даже видят в них проявление совершенства советской морали. Молодой человек в любом месте рисковал стать объектом интенсивного воспитания в

виде многочисленных сделанных ему замечаний, причем, далеко не в самой доброжелательной форме, со стороны представителей старшего поколения. Одни относились к этому позитивно как к наставничеству, другие видели в этом грубое и бесцеремонное вмешательство в чужую частную жизнь, что дает о себе знать и поныне, особенно в отношении к окружающим современной российской молодежи [9; 14]. Возникала объективная основа для конфликтных ситуаций. Потом она исчезла - то ли вследствие каких-то изменений нашего общества, то ли в результате распространения «нравов 90-х»: через чур рьяный воспитатель рисковал получить от воспитуемого по физиономии. В любом случае практика всеобщего воспитания отошла в прошлое, но память о тех временах осталась.

В советском обществе можно обнаружить и другие подобные явления, делающие вопрос о его нравственном состоянии, как минимум, неоднозначным. Формула: «плохая социальная система – плохая власть — хороший, высоконравственный народ» — не соответствует действительности уже потому, что эта система склоняла людей к совершению безнравственных поступков. Впрочем, и высоконравственных тоже.

Отличия от современности

Чем нравственное воспитание советского времени отличалось от современного, не сложно понять. Во-первых, советские люди были «равнее» современных россиян. То есть были примерно равны в имущественном отношении, жили примерно в равных условиях, питались примерно одинаково и т.д. Если кто-то, партийные начальники например, «выходил за габарит», то как именно и насколько советские люди в большинстве своем не знали. Поэтому к нарушителям моральных норм применялись одни и те же санкции. Во-вторых, они применялись ко всем или почти ко всем. Арест А. Адылова или дело против директора Елисеевского гастронома — тому примеры. В-третьих, мораль не была жестко отделена

от закона, как сейчас⁴. Против нарушителя моральных норм могли быть применены жесткие санкции вроде исключения из партии, увольнения с работы, а то и вообще тюремного заключения. В-четвертых, санкции были достаточно строгими — что означало быть исключенным из Партии, хорошо помнят заставшие то время⁵. Все это советский человек знал с раннего детства и, как правило, не отваживался нарушать. А «железный занавес», окружавший СССР и другие страны «народной демократии», создавал вокруг него идейный вакуум, приучавший советских людей к тому, что это — единственно правильный вариант функционирования моральной системы.

Все сказанное может создать впечатление, что нравственность советских людей основана только на внешнем контроле за их поведением. Внешний контроль действительно играл первостепенную роль в поддержании советской нравственности. Но не только он, а и внутренние, интериоризованные механизмы нравственного поведения тоже. Многое содействовало их формированию, в том числе и советские кинофильмы, где, в их наиболее примитивных вариантах, все герои были положительными за исключением одного, который подвергался коллективному перевоспитанию. Такая нехитрая фабула приучала советских людей к тому, что нравственные пороки, во-первых, очень немногочисленны, во-вторых, неизбежно будут наказаны, что создавало фон советского воспитания, на котором у нравственных недостатков не было перспектив.

Что изменилось в нашем обществе? Мораль оказалась строго отделенной от закона. Как живой архаизм смотрятся люди, как правило, представители старшего поколения, которые ожидают, что кого-то посадят «за то, что он очень плохой человек». Общество сейчас разбито на категории, в основном по денежному принципу. И

ожидать применения законов, а тем более моральных санкций против состоятельных людей довольно бессмысленно. Иногда в сети закона попадаются люди, находящиеся в верхней части нашей новой социальной пирамиды, но лишь в том случае, если их преступления против общества очень значительны или, что гораздо хуже, ими «утрачено политическое доверие». Система не обезличена, а представлена своими конкретными членами, которым ничто человеческое, в том числе и материальные потребности, не чуждо. Нетрудно видеть, что нынешняя система моральных санкций принципиально отличается от советской в своих основных чертах.

Почему нравственное состояние нашего общества постепенно улучшается в последние годы, как следует из многочисленных данных? [18]. Вопервых, потому, что, будучи в советские годы основано преимущественно на внешних запретах, оно, после существенного ослабления в результате снятия этих запретов в начале 1990-х годов, постепенно стало опираться преимущественно на внутренние ограничения. Постсоветский человек, видя к каким жутким криминальным последствиям приводит бесконтрольная свобода, сам научился налагать на нее ограничения, включая и моральные.

Этот процесс у нас еще только начался, но все же дело сейчас обстоит значительно лучше, чем в начале 1990-х. Во-вторых, всякая социальная система, приведенная крутыми социальными пертурбациями в возмущение, в дальнейшем неизбежно переходит в состояние равновесия, в том числе и нравственного. В-третьих, впечатляющее количество россиян, ежегодно ездящих, точнее, ездивших до пандемии и санкций за рубеж [31], говорит о том, что нравственные нормы зарубежного общества, как бы мы к нему не относились, оказывали на нас какое-то влияние. Наконец, вчетвертых, институты, имеющие определенную

века той возрастной группы с семилетним сыном, свидетелем которого случайно стал автор этих строк. Ребенок смотрел фильм «Голубое небо», где главный герой очень мучается, будучи несправедливо исключенным из Партии. «Из-за чего он так переживает», — спросил сынишка. «Из-за того, что его исключили из Партии», — ответил отец. Сын ненадолго задумался, а потом спросил: «Пап, а из какой партии?».

⁴ Тем не менее, большинство россиян убеждены, что государство должно вмешиваться в поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе путем, главным образом, принятия законов, делающих его нормы обязательными для исполнения, и установления уголовной или административной ответственности за их нарушение [11].

⁵ Расхождение представителей разного времени в этом вопросе хорошо иллюстрирует разговор одного чело-

близость к демократическим, дают о себе знать. Российская власть, при всех ее известных недостатках, становится лучше, больше думает об основных, в том числе нравственных, проблемах нашего общества и успешнее решает их.

Вместе с тем, экскурс в «оазис нравственности» – в советскую эпоху – по всей видимости, говорит о том, что такого «оазиса» не существует, каждое время создает свою нишу для безнравственных людей, и советский период нашей истории не является исключением. Кроме того, необходимо учитывать историческую изменчивость критериев нравственного и безнравственного.

Нравственное в одно время может оказаться безнравственным в другое, а формы типового проявления безнравственности определяются социальной системой. На ранних этапах истории советского государства такими формами были, например, массовые доносы и т.д., на поздних — «двойная мораль» и т.п., но всегда безнравственные личности находили область применения своей безнравственности. И, неверное, так будет и впредь.

Литература:

- 1. Арутюнова К.Р., Александров Ю.И. Мораль и субъективный опыт. М.: «Институт психологии РАН», 2019.
- 2. Бондарев Л.И., Перов В.Ю. Марксистская этика в СССР (историко-теоретический обзор) // Русская и европейская философия: пути схождения. СПб.: Кафедра, 1997. С. 2-17.
- 3. Вебер М. Самоубийство. М.: Изд-во «Аст», 2021
- 4. Воловикова М.И. Нравственность в современной России // Психологический журнал. 2009. Том 30. № 4. С. 95-97.
- 5. Гусейнов А.А. Идея абсолютного в морали. М.: Изд-во РАГС, 2004.
- 6. Гусейнов А.А. Негативная этика. СПб.: Издво СПбГУП, 2007.
- 7. Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки. М.: Ин-т Гайдара, 2012.
- 8. Психологические исследования нравственности / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: «Институт психологии РАН», 2013.

- 9. Психология нравственности / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: «Институт психологии РАН», 2010.
- 10. Ракитин А. Социализм не порождает преступности. Серийная преступность в СССР: историко-криминалистический анализ. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016.
- 11. Российское общество и вызовы времени в 2 кн. Книга 2 / Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2015.
- 12. Сизова И.Л., Егорова Н.Ю. Насилие в школе и проблемы семьи // Социс. 2016. № 3. С. 128-131
- 13. Столяр М. Религия советской цивилизации. Киев: Стилос, 2010.
- Сулакшин С.С. Нравственность российского общества и факторы влияния (Интернет, телевидение) // Политика и общество. 2014. № 9. С. 1063-1061.
- Ципко А. От «праздника революции» к «празднику священной войны с Западом» // Мир перемен. 2016. № 2. С. 174-189.
- 16. Фишман Л.Г. Кризис морали как кризис идеологий? // Пространство и время. 2014. С. 19-38.
- 17. Шевяков А.Ю. Мифы и реалии социальной политики. М.: ИСЭПН РАН, 2011.
- 18. Юревич А.В. Нравственность в современной России. В печати.

Интернет источники:

- 19. Были ли в СССР мораль и нравственность?
 13.10.2019 // https://nosikot.livejournal.com/6042196.html.
- 20. Дорошенко И. Мораль в СССР. 2011. // https://proza.ru/2011/05/21/479
- 21. Зюганов Г. Кодекс строителей коммунизма мы плохо списали с Библии. 01.02.2012 // https://www.rbc.ru/politics/01/02/2012/5703f29 c9a7947ac81a64746
- 22. Люлька А. Про СССР III. О нравственности большевиков. 09.11.2020 // http://worldcrisis.ru/crisis/3716731
- 23. Мирович М. Не нахамишь не выживешь. Как общались люди в СССР / Новые известия. 20.07.2017 // URL: https://newizv.ru/article/general/20-07-2017/ne-nahamish-ne-vyzhivesh-kak-obschalis-lyudi-v-sssr.

- 24. Моральный кодекс строителя коммунизма // https://ru.wikipe-dia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8F_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0
- 25. Некоторые мысли о советской нравственности. 08.11.2016 // https://alexeich1976.livejournal.com/7306.html
- 26. Нравственность. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D1%8 0%D0%B0%D0%B2%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C
- 27. Программа «Разговор с Владимиром Путиным»: полный текст / ИА REGNUM. 15.12.2011 // https://regnum.ru/news/autonews/1479908.html

- 28. Путин сравнил коммунистическую идеологию с христианством / TACC. 14.01.2018 // https://tass.ru/obschestvo/4872596
- 29. Советская нравственность и национальные интересы. 19.09.2012 // https://butina.livejournal.com/448297.html
- 30. Советская нравственность. 12.04.2019 // https://inok-mihail.livejournal.com/126050.html
- 31. Статистика выезда россиян за рубеж в 2019 году. Официальные данные. 17.02.2020 // https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/50475.html
- 32. Фишман Л.Г., Мартьянов В.С. От высоких ценностей к «криминальной революции»? // https://sg-sofia.com.ua/sovetskaya-moral-ot-vi-sokih-zennostej-k-kriminal-revoluzii

Статья поступила в редакцию 06.07.2022

MORALITY IN THE USSR

© Andrey V. Yurevich

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Psychological Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Work of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
av.yurevich@ipran.ru

The article has been prepared with the financial support of the RFBR (project № 20-013-00680 "History of Russian academic psychology of modern times: scientific schools, personalities, determinants of development").

The article is devoted to the analysis of the state of morality in the disappeared state - in the Soviet Union, which is often characterized as an "oasis of morality". Facts are presented that refute this image - a huge number of denunciations in Soviet times, abortions, "double standards", the number of Soviet citizens who collaborated with the Germans during the Great Patriotic war, and so on. The status of the Moral Code of the Builder of Communism is discussed. The author divides violations of morality in the Soviet years into two categories – into clearly immoral behavior, recognized as such by all or almost all, and "borderline" behavior, which is interpreted as immoral by some social strata, being considered as quity moral by others. The second category includes rudeness, the tendency to interfere in someone else's private life, violence in schools, which is the result of mixing representatives of different social strata there, etc. The main properties of the Soviet system of moral regulation of behavior that distinguish it from the current one are analyzed: weak social; differentiation within our society, inevitability of punishment for violation of moral norms, merging of morality and the law, severity of sanctions, and their indiscriminateness. The author concludes

that there is no "oases of morality" in the history, in any society there are enough people ready for immoral acts, and the specific nature of its violations is determined by the type of social system.

Key words: morality, denunciations, rudeness, mentoring, Soviet era, school violence, ideology

REFERENCES

- 1. Arutjunova K.R., Aleksandrov Ju.I. (2019). Moral' i sub#ektivnyjopyt [Morality and subjective experience]. M.: «Institut psihologii RAN» [Moscow: "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"].
- Bondarev L.I., Perov V.Ju. (1997).
 Marksistskaja jetika v SSSR (istoriko-teoreticheskij obzor) [Marxist ethics in the USSR (historical and theoretical review)] // Russkaja i evropejskaja filosofija: puti shozhdenija [Russian and European Philosophy: ways of convergence]. SPb.: Kafedra [St. Petersburg: Department]. P. 2-17.
- 3. Veber M. (2021). Samoubijstvo [Suicide]. M.: Izd-vo «Ast» [Moscow: Ast Publishing House].
- Volovikova M.I. (2009). Nravstvennost' v sovremennoj Rossii [Morality in modern Russia] // Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. V. 30. № 4. P. 95-97.
- 5. Gusejnov A.A. (2004). Ideja absoljutnogo v morali [*The idea of the absolute in morality*]. M.: Izd-vo RAGS [*Moscow: Publishing House of RAGS*].
- 6. Gusejnov A.A. (2007). Negativnaja jetika [Negative ethics]. SPb.: Izd-vo SPb GUP [St. Petersburg: Publishing House of SPbGUP].
- 7. Ljejard R. (2012). Schast'e: uroki novoj nauki [Happiness: lessons of a new science]. M.: In-t Gajdara [Moscow: Gaidar Institute].
- 8. Psihologicheskie issledovanija nravstvennosti (2013) / Pod red. A.L. Zhuravleva, A.V. Jurevicha [Psychological studies of morality / Edited by A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich]. M.: «Institut psihologii RAN» [Moscow: "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"].
- 9. Psihologija nravstvennosti (2010) / Pod red. A.L. Zhuravleva, A.V. Jurevicha [*Psychology of Morality / Edited by A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich*]. M.: «Institut psihologii RAN» [*Moscow:*

- "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"].
- 10. Rakitin A. (2016). Socializm ne porozhdaet prestupnosti. Serijnaja prestupnost' v SSSR: istoriko-kriminalisticheskij analiz [Socialism does not generate crime. Serial crime in the USSR: historical and criminalistic analysis]. Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj [Yekaterinburg: Cabinet Scientist].
- 11. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni v 2 kn. Kniga 2 (2015) / Pod red. M.K. Gorshkova i V.V. Petuhova [Russian Society and the challenges of Time in 2 books. Book 2 / Edited by M.K. Gorshkov and V.V. Petukhov]. M.: Ves' mir [Moscow: The Whole World].
- 12. Sizova I.L., Egorova N.Ju. (2016). Nasilie v shkole i problemy sem'i [*Violence at school and family problems*] // Socis [*Socis*]. № 3. P. 128-131.
- 13. Stoljar M. (2010). Religija sovetskoj civilizacii [Religion of Soviet civilization]. Kiev: Stilos [Kiev: Stylos].
- 14. Sulakshin S.S. (2014). Nravstvennost' rossijskogo obshhestva i factory vlijanija (Internet, televidenie) [*The morality of Russian society and factors of influence (Internet, television)*] // Politika i obshhestvo [*Politics and Society*]. № 9. P. 1063-1061.
- 15. Cipko A. (2016). Ot «prazdnika revoljucii» k «prazdniku svjashhennoj vojny s Zapadom» [From the "holiday of the revolution" to the "holiday of the holy war with the West"] // Mir peremen [World of Changes]. № 2. P. 174-189.
- 16. Fishman L.G. (2014). Krizis morali kak krizis ideologij? [*The crisis of morality as a crisis of ideologies?*] // Prostranstvo i vremja [*Space and time*]. P. 19-38.
- 17. Shevjakov A.Ju. (2011). Mify i realii social'noj politiki [Myths and realities of social policy]. M.: ISJePN RAN [*Moscow: ISEPN RAS*].

18. Yurevich A.V. Nravstvennost' v sovremennoj Rossii [Morality in modern Russia]. V pechati [In print].

Internet sources:

- 19. Byli li v SSSR moral' i nravstvennost'? [Were there morals and morality in the USSR?] 13.10.2019
 - // https://nosikot.livejournal.com/6042196.html.
- 20. Doroshenko I. (2011). Moral' v SSSR [*Morality in the USSR*] // https://proza.ru/2011/05/21/479
- 21. Zyuganov G. Kodeks stroitelej kommunizma my ploho spisali s Biblii [*We have badly copied the Code of the Builders of Communism from the Bible*]. 01.02.2012 // https://www.rbc.ru/politics/01/02/2012/5703f29c9a7947ac81a64746
- 22. Lyul'ka A. Pro SSSR III. O nravstvennosti bol'shevikov [*About the USSR III. About the morality of the Bolsheviks*]. 09.11.2020 // http://worldcrisis.ru/crisis/3716731
- 23. Mirovich M. Ne nahamish' ne vyzhivesh'. Kak obshchalis' lyudi v SSSR / Novye izvestiya [*If you don't get rude, you won't survive. How people communicated in the USSR / New news*]. 20.07.2017 // URL: https://newizv.ru/article/general/20-07-2017/ne-nahamish-ne-vyzhivesh-kak-obschalis-lyudi-v-sssr.

- 25. Nekotorye mysli o sovetskoj nravstvennosti [Some thoughts about Soviet morality]. 08.11.2016 // https://alexeich1976.livejournal.com/7306.html
- 26. Nravstvennost' [*Morality*]. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D1%80%D0%B0%D0 %B2%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C
- 27. Programma «Razgovor s Vladimirom Putinym»: polnyj tekst / IA REGNUM [*The program "Conversation with Vladimir Putin": full text. IA REGNUM*]. 15.12.2011 // https://regnum.ru/news/autonews/1479908.html
- 28. Putin sravnil kommunisticheskuyu ideologiyu s hristianstvom / TASS [*Putin compared the communist ideology with Christianity / TASS*]. 14.01.2018 // https://tass.ru/obschestvo/4872596
- 29. Sovetskaya nravstvennost' i nacional'nye interesy [Soviet morality and national interests]. 19.09.2012 // https://butina.livejournal.com/448297.html
- 30. Sovetskaya nravstvennost' [Soviet morality]. 12.04.2019 // https://inok-mihail.livejour-nal.com/126050.html
- 31. Statistika vyezda rossiyan za rubezh v 2019 godu. Oficial'nye dannye. [*Statistics of Russians traveling abroad in 2019. Official data.*] 17.02.2020 // https://www.atorus.ru/news/presscentre/new/50475.html
- 32. Fishman L.G., Mart'yanov V.S. Ot vysokih cennostej k «kriminal'noj revolyucii»? [From high values to a "criminal revolution"?] // https://sgsofia.com.ua/sovetskaya-moral-ot-visokih-zennostej-k-kriminal-revoluzii

The article was received 06.07.2022

Зарубежная историография истории советский психологии: случай Т.Р. Пейна // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т.2. №3. C. 50-64. DOI: 10.38098/proceedigs_2022_02_03_05

Foreign historiography of the history of soviet psychology: the case of T.R. Payne. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 2. No. 3. Pp. 50-64. DOI: 10.38098/proceedigs_2022_02_03_05

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: СЛУЧАЙ Т.Р. ПЕЙНА

© Богданчиков С.А.

к. пс. н., Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия bogdanchsa@gmail.com

В статье проводится историографический анализ книги Т.Р. Пейна «С.Л. Рубинштейн и философские основания советской психологии» («S.L. Rubinštejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology», 1968). Анализируется содержание книги, а также рецензии Й. Брожека (1971), Е.А. Будиловой и К.А. Славской (К.А. Абульхановой) (1973) и Д. Джоравски (1974) на книгу Т.Р. Пейна. Делается вывод, что данная работа до сих пор остается малоизвестной, слабо изученной и плохо понятой, так как с самого начала Т.Р. Пейн вследствие уязвимости своих исходных методологических позиций оказался под огнем критики сразу с двух сторон: не только со стороны советских психологов, но и со стороны своих коллег — зарубежных исследователей истории советской психологии.

Ключевые слова: история советской психологии, зарубежная историография истории советской психологии, философские основы психологии, научные монографии и рецензии, Т.Р. Пейн, С.Л. Рубинштейн, Е.А. Будилова, К.А. Славская (К.А. Абульханова), Й. Брожек, Д. Джоравски

Введение

Одна из ключевых задач российского исследователя истории советской психологии в настоящий момент состоит, с нашей точки зрения, в том, чтобы, осознав и окончательно преодолев (прежде всего – в себе) разнообразные идеологические препоны, максимально воспользоваться открывающимися возможностями, и в ходе всесторонней историко-научной реконструкции дать с высоты своего времени как можно более адекватную («с высоты» – еще не значит «свысока») историческую оценку советского периода развития отечественной психологии. Прощание с советской психологией может быть долгим, но оно не может быть бесконечным, постсоветский период в развитии нашей психологии рано или поздно должен закончиться, и в этом отношении современный исследователь истории советской психологии просто обязан (можно даже сказать – обречен) расставлять все точки над «i» и подводить окончательные итоги. Круг должен быть замкнут, исторический гештальт должен быть завершен.

Помимо окончательной и бесповоротной деидеологизации, фундаментального осмысления собственных концептуальных рамок и кропотливой конкретной работы с первоисточниками и архивами для выполнения этой непростой задачи требуется устранить один весьма существенный пробел – проанализировать до сих пор в силу разных причин слабо изученную зарубежную (времен существования СССР, постсоветского периода и самую современную) историографию истории советской психологии, прежде всего основополагающие работы Р. Бауэра [15], Т.Р. Пейна Л. Грэхэма [32], [21],Л. Рамани Дж. МакЛэйша [25], А. Козулина [24], Д. Джоравски [23]. Из недавних работ отметим вышедший в 2020 г. сборник под редакцией А. Ясницкого «История марксистской психологии: золотой век советской науки» [38]. Симптоматично, что на данный момент из всех этих книг переведена на русский язык только книга Л. Грэхэма [8].

К этому списку монографий (конечно, далеко не исчерпывающему, но лишь обозначающему основные вехи и ориентиры) следует добавить не менее значимые по своей глубине и значимости

статьи, рецензии и другие публикации Й. Брожека (J. Brožek), Н. О'Коннора (N. O'Connor), И.Д. Лондона (I.D. London), А. Мин-тца (А. Mintz), Г. Разрана (G. Razran), Б. Саймо-на (В. Simon) и других зарубежных исследователей советской психологии и ее истории.

Цели и задачи исследования

Конкретным поводом для нашего целенаправленного историографического исследования стала вышедшая в начале 2021 г. статья О.А. Артемьевой об американской историографии «Павловской сессии» [4]; точки пересечения обнаруживаются и с вышедшей несколько позже статьей А.В. Юревича о советском человеке как социокультурном типе [13]. Опираясь на достигнутые результаты [6], предметом исследования в данном случае мы выбрали вышедшую в далеком 1968 г. книгу Т.Р. Пейна «С.Л. Рубинштейн и философские основания советской психологии» [12; 32].

Что заставило нас обратиться к книге Т.Р. Пейна именно сейчас, пятьдесят четыре года спустя после ее публикации?

Во-первых, книга Т.Р. Пейна вышла (под номером тридцать, то есть в качестве тридцатого тома) в уже успевшей к тому времени зарекомендовать себя, солидной во всех смыслах серии «Sovietica»: в общем и целом, в этой «советологической» серии, основанной и издаваемой Ю.М. Бохеньским, с 1959 по 1997 г. было опубликовано, судя по имеющимся у нас сведениям, пятьдесят семь томов.

Во-вторых, в книге Т.Р. Пейна рассматриваются философские основания советской психологии (вообще, и в работах С.Л. Рубинштейна в особенности) — тема интересная и актуальная и в наши дни, а в то время практически неизученная и незнакомая для зарубежного читателя. В этом смысле книга Т.Р. Пейна и сейчас представляет не только историко-психологический, но и теоретико-методологический интерес.

В-третьих, наш выбор был обусловлен тем, что, несмотря на два первых обстоятельства, книга Т.Р. Пейна как историографический факт с самого начала и до сих пор остается малоизвестной, слабо изученной и плохо понятой. Даже выполненный С.С. Кургиняном в 2011 г. перевод на русский язык двух глав (четвертой и пятой) из книги Т.Р. Пейна [32, С. 84-152] и небольшая

предваряющая статья переводчика [11] практически мало что изменили, так как вопрос о причинах невнимания к книге Т.Р. Пейна хотя и обозначился в этих двух публикациях еще более остро, но так и остался, в сущности, повисшим в воздухе, не получившим ответа.

Со своей стороны, мы должны сказать, что в ходе длительных поисков нам удалось обнаружить только одну (!) рецензию на книгу Т.Р. Пейна, опубликованную в 1970 г., написанную, как и полагается, «по горячим следам» (сразу или почти сразу после ее выхода). Это краткая рецензия Й. Брожека [18], причем в ней не содержится каких-либо серьезных критических замечаний (впрочем, и в позитивном плане Й. Брожек оказался столь же скуп на оценочные суждения). Вряд ли подобный стиль — минимум критики, минимум субъективизма в оценках, краткость — можно целиком объяснить жесткими формальными требованиями редакции журнала к рецензиям.

При выяснении этого вопроса нужно учесть, что многие идеи, высказанные Т.Р. Пейном в своей книге, вовсе не должны были явиться для зарубежного научного сообщества полностью неожиданными (свалившимися как снег на голову) и оттого непонятными сразу и не понятыми впоследствии. В журнале «Studies in Soviet Thought» («Исследования советской мысли»), основателем и издателем которого с 1961 г. был все тот же Юзеф Мария Бохеньский, мы обнаружили восемь публикаций Т.Р. Пейна, хронологически относящихся к периоду 1963-1968 гг. и содержательно связанных с темой рассматриваемой книги:

- обзорно-аналитические статьи «Сергей Леонидович Рубинштейн» [26],
- «Книги и статьи С.Л. Рубинштейна» [27],
- «О теоретических основах советской психологии» [29],
- «Проблема "мозг и психика" в советской психологии: обзор ее развития и перспектив» [30],
- «Развитие советской психологической теории: случай С.Л. Рубинштейна» [34],

а также три рецензии:

- рецензия на книгу П. Вигора (P.H.Vigor) о марксизме и его влиянии на советское развитие [28],
- рецензия на две книги советских авторов («Мозг человека и психические процессы» А.Р. Лурия и «Проблемы психологии памяти» А.А. Смирнова) [31],
- рецензия на книгу А.В. Петровского «История советской психологии» [33].

Обратим внимание, что к статье о «случае С.Л. Рубинштейна» Т.Р. Пейн сделал характерное примечание: «Некоторые материалы этой статьи в расширенном виде появятся в книге "С.Л. Рубинштейн и философские основы советской психологии", которая будет опубликована в серии "Sovietica"» [34, с. 156].

Кроме того, в 1970 и 1974 гг. в том же журнале «Studies in Soviet Thought» были опубликованы еще две работы Т.Р. Пейна, которые непосредственно пересекаются с его исследованием философских оснований советской психологии: это статья, посвященная восьмидесятилетию со дня рождения С.Л. Рубинштейна [35] и рецензия на книгу по истории советской психологии Й. Брожека и Д. Слобина [36]. Эти две публикации Т.Р. Пейна представляют значительный самостоятельный исследовательский интерес как отражающие определенную эволюцию взглядов Т.Р. Пейна на С.Л. Рубинштейна, советскую психологию, ее историю, историографию и актуальное (в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг.) состояние.

Однако все эти странности и нестыковки — только завязка интригующего сюжета, который можно обозначить как *«случай Т.Р. Пейна»* (*«the case of T.R. Payne»*), если воспользоваться выражением из уже упомянутой выше статьи Т.Р. Пейна, в которой рассматривается *«случай С.Л. Рубинитейна»* (*«the case of S.L. Rubinštejn»*) [34].

Дальнейшее развитие сюжета выразилось в том, что через три года после рецензии Й. Брожека в журнале «Вопросы психологии» была опубликована обширная и детальная (но, по сути, разгромная) статья-рецензия Е.А. Будиловой и К.А. Славской [7] (Ксения Александровна Славская вскоре стала публиковать свои работы под фамилией Абульханова-Славская, в настоящее

время ее работы выходят под фамилией Абульханова). Для нас важно, что статья Е.А. Будиловой и К.А. Славской почти целиком посвящена критическому разбору книги Т.Р. Пейна.

К этому удивительному факту «запоздалой» рецензии можно ставить второй восклицательный знак (а заодно и знак вопроса), так как совершенно непонятно, что же помешало статье (или все-таки рецензии?!) Е.А. Будиловой и К.А. Славской появиться намного раньше — скажем, в 1969 или в 1970 году. Не менее интересным является и вопрос о том, что именно заставило Е.А. Будилову и К.А. Славскую выступить с этой рецензией именно в 1973 г., т.е. спустя пять лет после выхода книги Т.Р. Пейна.

Но и это еще не все: в конце 1974 г. (т.е. еще через год!) на книгу Т.Р. Пейна выходит предельно критическая (беспощадная, но уже по другим причинам) рецензия Д. Джоравски [22]. Чем объяснить факт столь резкого и вместе с тем еще более позднего рецензирования — с более чем пятилетней задержкой?

Для того, чтобы разобраться с этими вопросами, напрямую обратимся к первоисточникам: сначала к книге Т.Р. Пейна, а затем к трем рецензиям на нее.

О книге Т.Р. Пейна

Книга Т.Р. Пейна «С.Л. Рубинштейн и философские основы советской психологии» [32] состоит из «Введения», шести глав (каждая глава, состоящая из нескольких параграфов, предваряется небольшим вступлением и завершается обязательными заключительными замечаниями и обобщениями; ссылки приводятся в конце каждой главы), далее следует «Заключение», после которого приводятся четыре указателя: «Книги и статьи С.Л. Рубинштейна», «Избранная библиография» (список наиболее значимых публикаций советских авторов по психологии), «Предметный указатель» и «Именной указатель».

Первая глава «Истоки советской психологической теории» включает в себя четыре параграфа. В самом начале главы Т.Р. Пейн предельно отчетливо формулирует свое исследовательское кредо. Он пишет: «Советская психология является наследницей двух независимых традиций: фило-

софских принципов марксизма-ленинизма и научных традиций дореволюционной, русской физиологической психологии, в частности, развитых и проиллюстрированных в трудах Ивана Петровича Павлова. Официальная советская литература признает долг психологии перед этими двумя традициями, приписывая первой общую философскую основу психологии, а второй — научную методологию. Принятие марксизма-ленинизма в качестве философской основы советской психологии было одним из результатов философских дискуссий 1920-х годов, в то время как приверженность учению и методам Павлова стала необходимой характеристикой советской психологии только после Павловской сессии 1950 года» [32, с. 3].

Таким образом, суть позиции Т.Р. Пейна состоит в выделении двух «традиций» — «русской физиологической психологии» и «марксистсколенинской философии» («философских принципов марксизма-ленинизма»), которые, как вскоре выясняется, и есть заявленные в названии книги «философские основы советской психологии».

В первом параграфе дается краткое описание исторического фона, на котором происходило развитие указанных традиций. При этом Т.Р. Пейн подчеркивает, что «несмотря на различие, эти традиции имеют общие корни в истории философии, восходящие к философии XVII века» [32, с. 3]. Во втором параграфе «Русская физиологическая психология» речь идет о первой традиции, в связи с чем дается краткая характеристика трех ключевых фигур в этой области – И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева и И.П. Павлова. Завершается параграф заключением о русской физиологической психологии. В третьем параграфе, озаглавленном «Марксистско-ленинская философия» и непосредственно апеллирующем, очевидно, ко второй традиции, раскрываются три вопроса: «Материализм» (с подпунктами: Маркс, Энгельс, Ленин), «Диалектика» и «Марксистско-ленинская теория познания». Четвертый параграф «Павловизм и марксистско-ленинская философия» выполняет функцию заключения и обобщения всего содержания первой главы.

Во второй главе «Развитие психологической теории в Советском Союзе» описываются три периода развития советской психологии: механистический (1917-1930), диалектический (1930-

1950) и павловский (с 1950 года). В схематичном виде данная периодизация представлена в начале главы [32, с. 38]. В соответствии с этой схемой механистический период включает в себя два подпериода: ликвидация «идеализма» (1917-1924) и господство механицизма (1924-1930). Здесь следует обратить внимание на вывод Т.Р. Пейна о том, что проходившая в это время в философии дискуссия между механицистами и диалектиками закончилась «осуждением механицизма в философии», что в итоге «положило конец господству механицизма в психологии» [32, с. 46]. Диалектический период, по Т.Р. Пейну, также состоит из двух подпериодов - переходного (1930-1936) и «триумфа диалектики» (1936-1950). Далее (начиная с 1950 г.) идет, как считает Т.Р. Пейн, третий период – павловский.

В третьей главе «Жизнь и творчество С.Л. Рубинштейна» излагается биография С.Л. Рубинштейна, описывается его творческая («литературная») деятельность («Literary Activity») до и после Павловской сессии («Pavlov Conference»).

Четвертая глава, посвященная перестройке (реконструкции) психологии («There construction of psychology»), содержит два параграфа — «Психология и марксистско-ленинская философия» и «Павловизация психологии — новый синтез». В первом параграфе раскрываются четыре вопроса: «Кризис в психологии», «Основа для перестройки», «Новая концепция психического» и «Единство сознания и поведения» («The Unity of Consciousness and Behaviour»). Во втором параграфе рассматриваются два вопроса: «Аспекты психического» и «Идеальное отражение и материалистический монизм». В конце параграфа делается обобщающее заключение о «природе психического».

Две последние главы (пятая и шестая) посвящены непосредственно концепции С.Л. Ру-бинштейна, его позиции по вопросу о философских основаниях советской психологии. Соответственно, пятая глава «Психика и внешний мир» («Тhe psychic and the external world») состоит из пяти параграфов — «Введение», «Отражение и идеальный образ», «Объект познания», «Субъект познания» (с параграфами «Основной способ существования психического», «Уровни познавательной деятельности», «Основные когнитивные

операции» и «Проблема личности»), «Психическое как оппозиция внешнему миру» и «Заключение и критика: психические явления как идеальное отражение».

Шестая глава «Психическая деятельность и мозг» («Psychic activity and the brain») состоит из «Введения» и четырех параграфов: «Психика как функция мозга», «Принцип психофизического единства», «Психика как высшая нервная деятельность» и «Заключение и критика: теория конститутивного реляционизма» («Conclusion and Critique: The Theory of Constitutive Relationism»).

Обратим внимание, что в процентном отношении три примерно равные между собой по объему главы в книге Т.Р. Пейна – первая, четвертая и пятая – в совокупности составляют две трети от общего объема всех шести глав. Очевидно, это свидетельствует об особой значимости рассматриваемых в них вопросов.

В целом книга Т.Р. Пейна производит впечатление тщательно продуманного и хорошо сбалансированного в оценках, основывающегося на конкретных исторических фактах (архивных данных, библиографии, первоисточниках и т.д.) текста. Другое дело, насколько готовы читатели книги согласиться с исходными установками автора, с логикой его рассуждений, оценками и конечными выводами.

Наши замечания в этом отношении носят общий характер и могут быть сведены к следующим трем пунктам:

1. В своей книге Т.Р. Пейн предлагает описывать и оценивать русскую психологию путем выделения в ней определенных «традиций». Но при этом он специально не оговаривает, что именно следует понимать под традициями. Проблема здесь заключается в том, что за этим понятием могут скрываться самые различные компоненты и характеристики науки, начиная от более-менее ясно очерченных научных направлений, теорий, концепций и школ и заканчивая трудно уловимыми — вследствие своей абстрактности и глобальности — «подходами», «источниками», «детерминантами», «тенденциями развития», «исследовательскими программами» и даже «парадигмами».

- 2. Т.Р. Пейн сводит всю русскую психологию девятнадцатого столетия к одной традиции, которую он обозначает как «русскую физиологическую психологию», имея в виду, как становится ясно из дальнейшего, ту психологию, которая была представлена в работах И.М. Сеченова, И.П. Павлова и В.М. Бехтерева. А где же, спросим, Н.Я. Грот, Н.Н. Ланге, Г.И. Челпанов, А.И. Введенский и другие русские психологи второй половины девятнадцатого начала двадцатого века? Уже здесь можно сказать, что нам предлагается усеченная, половинчатая история русской психологии.
- 3. Вся исходная конструкция Т.Р. Пейна, построенная на выделении двух традиций, выглядит достаточно спорно. Более того, выделяя «философскую традицию» и «русскую физиологическую психологию», Т.Р. Пейн, как нетрудно убедиться, вовсе не высказывает нечто новое и оригинальное: источниками его подхода выступили уже сложившиеся к тому времени взгляды на детерминанты развития и функционирования советской психологии. Взгляды сложившиеся, во-первых, в самой советской психологии и, во-вторых, в зарубежной историографии истории советской психологии.

Впрочем, Т.Р. Пейн прямо указывает, что его подход состоит не столько в критике, сколько в описании, интерпретации и синтезе того, что есть. Неслучайно в самом начале книги он счел нужным особо подчеркнуть: «Целью данной работы является обсуждение философских основ советской психологической теории. Рассмотрение этой темы носит скорее разъяснительный (expository), чем критический характер, хотя задача дать общее представление о советской психологической теории неизбежно включает в себя определенный элемент оценки» [32, с. 2].

Другими словами, Т.Р. Пейн, беря истинное (причем не только в области эмпирии, но и на концептуальном уровне) и из советской, и из зарубежной историографии, предлагает нам некий синтез. Но, как сказал поэт: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань» (А.С. Пушкин, «Полтава», 1829). В итоге Т.Р. Пейн неизбежно оказывается под перекрестным огнем критики сразу с обеих сторон, которые он пытается объединить в нечто целое.

Рецензия Й. Брожека (1970)

Йозеф Брожек (1913-2004) - один из выдающихся зарубежных знатоков и исследователей советской психологии и ее истории. Его наиболее значимые публикации, посвященные истории и историографии советской психологии, относятся ко второй половине прошлого столетия [16; 17; 19; 20]. Подробные сведения о Й. Брожеке как ученом и человеке содержатся в подборке материалов и воспоминаний о нем (в связи с его кончиной) в третьем номере журнала «History of Psy-2004 chology» за ГОД (V. 7, https://psycnet.apa.org/PsycARTICLES/journal/hop/7/3)

Рецензия Й. Брожека начинается словами: «Историография русской и советской психологии нуждается в монографиях, посвященных отдельным периодам и областям, проблемам и методам, школам и личностям. Книга Т.Р. Пейна — первый вклад в этом направлении» [18, с. 350]. Что и говорить, проблема ясна, исходный замысел Т.Р. Пейна понятен и не вызывает сомнений, но как оценивать то, что получилось в итоге? В чем конкретно выразился его вклад в изучение советской психологии? Несмотря на то, что рецензия Й. Брожека небольшая по объему (менее четырех тысяч знаков), в ней четко обозначены наиболее принципиальные моменты исследования, представленного в монографии Т.Р. Пейна.

Первый вопрос, на который обращает внимание Й. Брожек, — это вопрос относительно названия книги, то есть, другими словами, о предмете исследования. Действительно, что именно является предметом исследования Т.Р. Пейна? Если «философские основания советской психологии», то при чем здесь «русская» («российская») «физиологическая психология» — выражение, как указывает Й. Брожек, принятое «в западной терминологии», но «что сами русские называли физиологией (Сеченов), рефлексологией (Бехтерев) и физиологией высшей нервной деятельности (Павлов)» [18, с. 350]?

Может быть (спросим мы, подхватывая и развивая замечание Й. Брожека), точнее было бы говорить (вслед за советскими авторами) о двух основаниях советской психологии — философском и естественнонаучном? Или же надо говорить не о философских, а о методологических, теоретиче-

ских или даже идеологических основаниях советской психологии, подразумевая тем самым, что и философские, и естественнонаучные основания советской психологии на самом деле не являются ни философскими, ни естественнонаучными, а лишь разновидностями идеологических оснований?! Но в этом случае, как мы понимаем, Т.Р. Пейну надо было бы очень хорошо представлять, что такое идеология, какие вообще бывают идеологические основания, как идеология связана с философией, естествознанием, той или иной конкретной наукой и т.д., то есть выстраивать собственную исследовательскую концепцию, причем не столько философско-психологическую или историко-психологическую, сколько историконаучную или даже культурологическую.

Т.Р. Пейн в этом отношении руководствуется тем, что есть, смещая центр тяжести своего исследовательского интереса и соответствующие инновации на более частный вопрос — о философских взглядах С.Л. Рубинштейна в области психологии.

Помимо отношения Т.Р. Пейна к философским основаниям советской психологии, для Й. Брожека не менее важно было зафиксировать отношение Т.Р. Пейна к ключевым моментам и событиям в советской психологии 1930-1950-х гг. В этой связи Й. Брожек отмечает, что «суждение Пейна о последствиях настойчивого требования партии в 1930-е гг. перестроить психологию на основе марксизма-ленинизма является негативным» [18, с. 350]. Столь же важно было для Й. Брожека обратить внимание на тезис Т.Р. Пейна о том, что «дополнительное догматическое настаивание в начале 1950-х гг., что психология должна быть верна не только Марксу и Ленину, но и мумифицированному Павлову (прим. Павлов умер в 1936 году), и делать это надо неукоснительно и тотально, усугубило путаницу» [18, с. 350].

Заметим, что в рецензии Й. Брожека приводятся оценки Т. Пейном С.Л. Рубинштейна как ученого и философа, причем весьма высокие: «Рубинштейн точно отражал меняющиеся нравы времени» ... «По оценке Пейна, "сила синтеза Рубинштейна в сочетании с его широкими познаниями в области философии и психологии выдвинула его в первые ряды современных психологов и придала его трудам ценность, выходящую за

рамки марксистско-ленинской ортодоксии" (с. 170)» [18, с. 350].

Й. Брожек также обращает внимание на неудачный перевод Т.Р. Пейном на английский язык прилагательного «психический»: «Что касается терминологии, то вызывает сожаление, что автор предпочел перевести психический (psikhicheskii) как psychic (вместо mental), — термин, чуждый современной психологической лексике» [18, с. 350].

В этом пункте мы скорее на стороне Т.Р. Пейна: прилагательное «ментальный», будучи в русскоязычном дискурсе синонимом - если не вдаваться в терминологические тонкости - к прилагательному «психический», фактически не встречается ни у С.Л. Рубинштейна, ни в нашей психологии вообще, поэтому использование Т.Р. Пейном в своей книге слова mental («ментальный») создало бы дополнительные трудности для англоязычного читателя при знакомстве с терминологией С.Л. Рубинштейна, а для нас – при обратном переводе. Кстати говоря, при обратном переводе такие же проблемы возникают со словесными парами «эпистемологический» - «гносеологический» и «реконструкция» - «перестройка».

Завершая рецензию, Й. Брожек косвенным образом выразил мысль о том, что в изучении истории советской психологии исследователь должен иметь дело с социальной историей науки, с выходящими на первый план «идеологическими соображениями»: «В заключение следует отметить, что психология не была единственной научной дисциплиной в Советском Союзе, коренная перестройка (reconstruction) которой должна была осуществляться на основе марксистско-ленинских принципов, но это была одна из областей, наряду с социологией и генетикой, в развитии которой идеологические соображения сыграли большую роль. Следовательно, настоящая книга будет интересна не только историкам психологии, но и тем, кто занимается более широкой историей советской науки и культуры» [18, с. 350-351].

Мы полагаем, что хорошо прослеживаемую в рецензии краткость в изложении и сдержанность в оценках следует объяснять тем, что Й. Брожек не увидел в рецензируемой книге каких-либо существенных достижений и достоинств. В этом

плане показательно, как в последующем Й. Брожек отзывался о книге Т.Р. Пейна: освещая четыре года спустя в одном из своих скрупулезных библиографических обзоров вклад С.Л. Рубинштейна в развитие советской психологии, Й. Брожек сослался на книгу Т. Пейна всего лишь один раз — как на источник, содержащий библиографию работ С.Л. Рубинштейна [20, с. 195]. И не более того.

Рецензия Е.А. Будиловой и К.А. Славской (1973)

В 1973 г. на книгу Т.Р. Пейна в журнале «Вопросы психологии» под заголовком «Советская психологическая наука в освещении западноевропейского психолога» была опубликована обширная рецензия Е.А. Будиловой и К.А. Славской [7]. В наше время, то есть почти пятьдесят лет спустя, данная рецензия представляет большой интерес по целому ряду соображений.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что рецензия, вышедшая пять лет спустя после публикации рецензируемой книги — это, как мы отмечали выше, фактически уже не рецензия, а обычная статья. Скорее всего, именно поэтому данная статья была размещена в журнале «Вопросы психологии» не в разделе «Критика и библиография», а в разделе «За рубежом». Кроме того, при ознакомлении со статьей сразу же бросается в глаза ее невероятно большой (нетипичный для жанра рецензии) объем — пять страниц убористого журнального текста. Это почти тридцать тысяч знаков, что соответствует объему полноценной журнальной статьи.

Ознакомившись с этой статьей-рецензией сейчас, мы можем судить, насколько далеко в нас самих зашел процесс деидеологизации, насколько другими глазами мы сейчас воспринимаем эту публикацию, насколько мы можем отделить зерна от плевел, то есть извлечь собственно научное содержание из неизбежной в советские времена идеологической «упаковки». К тому же сегодня у нас есть возможность непосредственно сопоставить данную рецензию с двумя зарубежными рецензиями – Й. Брожека [18] и Д. Джоравски [22].

Общий взгляд Т.Р. Пейна на советскую психологию Е.А. Будилова и К.А. Славская, цитируя

центральный тезис Т.Р. Пейна, описывают следующим образом: «"Таким образом, советская психология основана частично на механистической системе, которая не является материалистической, и частично на материалистической системе, которая не является механистической. С этой точки зрения, существует непримиримое противоречие между двумя традициями, на которых основана советская психология" [32, с. 29-30]. Неразрешимый конфликт двух систем - философской и естественнонаучной - отличает, как полагает Пейн, современную советскую психологию и мешает ее развитию. Таков вывод автора, высказанный им вместе с признанием рождения глубокой и оригинальной психологической теории в советской науке» [7, с. 175].

В отличие от Й. Брожека, Е.А. Будилова и К.А. Славская незамедлительно подвергают взгляды Т.Р. Пейна суровой, принципиальной и многоплановой критике: Т. Пейн в оценке русской психологии «следует за ошибочными взглядами, принятыми зарубежными историками психологии», у него налицо «неверное понимание сеченовской рефлекторной теории психики» [7, с. 175], он следует «своему пониманию учения Павлова в духе механицизма» [7, с. 176], «материалистическую онтологию он понимает в духе механицизма» [7, с. 177], «самую объективность он понимает в духе гегелевского объективного идеализма, а не в смысле материалистической диалектики» [7, с. 178], поэтому можно говорить о «противоречиях пейновских оценок» [7, с. 176], о «дуализме пейновской концепции» [7, с. 177] и т.д.

Очень не нравится авторам статьи то, что Т.Р. Пейн «называет концепцию Рубинштейна теорией "конституирующих отношений"» — из-за того, что «название это непосредственно исходит из выдвигаемого семантизмом принципа конституирования отношений и ассоциируется с ним» [7, с. 178]. Чтобы стала понятной вся тяжесть этого обвинения, обратим внимание на то, что на предыдущей странице статьи вскользь говорится о «современном семантическом идеализме», в котором «вещь конституируется ее значением» [7, с. 177]. (Фактически в книге Т.Р. Пейна используется выражение «general theory of constitutive relationism», что в наши дни переводится как «общая теория конститутивного реляционизма»).

Впрочем, в статье содержится довольно-таки прозрачный намек на «буржуазное мировоззрение» Т. Пейна, наличие которого, как мы понимаем, объясняет в его взглядах многое — если не всё: «Однако если в рамках буржуазного мировоззрения оказывается возможным оценить диалектические достижения советской психологии и даже подчеркнуть объективное содержание этой диалектики, то материалистический характер марксистской диалектики Пейн понять не в состоянии» [7, с. 177]. Как следствие, «в высказываниях Пейна со всей очевидностью выступает его механистическое понимание материализма, на основании которого он пытается обвинить диалектический материализм в идеализме» [7, с. 177].

В итоге авторы рецензии приходят к выводу о том, что «признание зарубежными историками значения философии диалектического материализма для советской психологии при раскрытии этого значения оборачивается трактовкой его либо в духе идеализма, либо в духе механицизма. Эта беспомощность буржуазных исследователей в понимании уже решенных советской психологией методологических проблем — лишнее свидетельство остроты и сложности последних, их принципиального характера, свидетельство огромных достижений советской науки» [7, с. 178-179].

«Беспомощность буржуазных исследователей» как «свидетельство огромных достижений советской науки» - это, конечно, сильно сказано (не менее сильно, чем обнаруженное у Т. Пейна обвинение диалектического материализма в идеализме). Поэтому для обоснования данного тезиса Е.А. Будилова и К.А. Славская использовали дополнительную аргументацию, рассматривая вопрос о советской психологии в более широком контексте: «Доказательством того, что причины неадекватной оценки советской психологии заключены прежде всего в методологических позициях исследователей, является сравнение оценок зарубежных ученых, стоящих на принципиально иных методологических позициях. Сравнение оценок ученых, опирающихся на диалектический материализм, и исследователей, исходящих из любых других методологических принципов, обнаруживает, что именно в различии методологических основ лежит закономерная причина противоречивого или непротиворечивого, адекватного или неадекватного, субъективного или объективного анализа советской психологии и ее достижений» [7, с. 179].

В этой связи в конце статьи рассказывается о проходившем в 1971 г. (с 29 августа по 4 сентября) в Бухаресте IV Международном конгрессе логики, методологии и философии науки [7, с. 179]. Работа одной из секций конгресса, как указывают авторы статьи, была специально посвящена проблемам методологии психологии. На этой секции, где К.А. Абульханова-Славская выступала с докладом «Философия и психология», «диалектико-материалистическая формула принципа детерминизма о преломлении внешнего через внутреннее, разработанная С.Л. Рубинштейном», была, как подчеркивают авторы статьи, высоко оценена «как общепризнанное теоретическое достижение советской психологии» [7, с. 179].

Содержательно с данной рецензией перекликается вышедшая в 1973 г. монография К.А. Абульхановой-Славской «О субъекте психической деятельности. Методологические проблемы психологии», в которой на нескольких страницах [1, с. 42-45] обсуждается книга Т.Р. Пейна. Упоминание о нем встречается еще в двух работах К.А. Абульхановой-Славской, вышедших в 1989 г. (к столетию со дня рождения С.Л. Рубинштейна) [2, с. 24; 3, с. 118-119]. Характерно, что никаких других зарубежных психологов, так или иначе высказывавшихся о С.Л. Рубинштейне, в рецензиях и статьях К.А. Абульхановой-Славской не упоминается вовсе.

Как в целом мы должны в настоящее время оценивать статью-рецензию Е.А. Будиловой и К.А. Славской? Стоит вспомнить, что в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в СССР были переведены и изданы на русском языке приличными тиражами книги А. Валлона, Л. Сэва, Ж. Пиаже и еще целого ряда зарубежных авторов. В этом контексте рецензию Е.А. Будиловой и К.А. Славской мы рассматриваем несколько в ином формате: это фактически их экспертное заключение относительно того, как в целом следует оценивать книгу Т.Р. Пейна, стоит ли ее переводить и публиковать

на русском языке. Их ответ, очевидно, отрицательный. Почему?

Мы считаем, что книгу Т.Р. Пейна было невозможно переводить и публиковать ни в советское время (в СССР), ни после (в постсоветской России), так как книга была изначально сбалансирована автором не только в плане методологии и эмпирии, но и в плане оценок: негативные (критические) и позитивные (вплоть до самых восторженных) оценки взглядов С.Л. Рубин-штейна и всей (истории) советской психологии вполне уравновешены и слиты в единое целое, вследствие чего их практически невозможно отделить друг от друга, не нарушая картины в целом.

И, конечно, не должно удивлять, что в рассмотренной публикации Е.А. Будиловой и К.А. Славской без особого труда обнаруживаются все специфические признаки советской психологии как «особой науки» - науки единой, партийной, марксистской, идеологизированной, воинствующей и «самой передовой» [более подробно об историографической концепции советской психологии как «особой науки» см. 5, с. 79-99]. Надо хорошо понимать, что это только одна сторона дела. Другая сторона, как мы могли убедиться, заключается в том, что в ходе заочной полемики с Т.Р. Пейном в рецензии Е.А. Будиловой и К.А. Славской со всей серьезностью затрагиваются и скрупулезно обсуждаются наиболее принципиальные теоретические, методологические и философские вопросы, присущие советской психологии 1960-х – начала 1970-х гг.: о материализме и идеализме, о диалектике и механицизме в психологии, о понимании предмета психологии, об объективном и субъективном подходе к психике и т.д. Этот дискурс в настоящее время для исследователя истории советской психологии имеет особую историко-психологическую и теоретико-методологическую значимость - как выразительный и весьма информативный документ своей эпохи.

О том, какие чувства испытывал Т.Р. Пейн, знакомясь с рецензией Е.А. Будиловой и К.А. Славской, мы можем только догадываться.

Рецензия Д. Джоравски (1974)

Дэвид Джоравски (David Joravsky) (1925-2020) – еще один из самых выдающихся исследователей

истории советской психологии и истории советской науки, приобретший мировую известность своими книгами «Soviet Marxism and Natural Science» (1961), «The Lysenko Affair» (1970) и «Russian Psychology, A Critical History» (1989). Русскоязычному читателю Д. Джоравски известен по его двум публикациям на русском языке [9; 10], а также по полемической статье М.Г. Ярошевского [14].

Рецензия Д. Джоравски [22], как и рецензия Й. Брожека, небольшая по объему (около пяти тысяч знаков), но еще более конкретная и откровенная в своих констатациях и оценках: рецензия содержит предельно острые и негативные оценки, причем не только относительно книги Т.Р. Пейна, но и относительно взглядов С.Л. Рубинштейна, философских основ советской психологии и всей советской психологии.

Вначале Д. Джоравски бросает общий взгляд на советскую психологию и ее историю: «Было время, с середины 1930-х до середины 1950-х гг., когда психология как дисциплина в СССР находилась под угрозой исчезновения. Все школы психологической мысли практически осуждались как "буржуазные", и казалось невозможным удовлетворить требование начальства о создании полностью нативистской науки, которая была бы полезна для образования и медицины, причем практичность должна была определяться не автономными профессиональными стандартами ("цеховщиной"), а его (начальства) собственной антиинтеллектуальной интуицией. Но, так или иначе, разобщенные психологи хотя и с трудом, идя на различные компромиссы между профессиональными стандартами и политической целесообразностью, сумели сохранить свои научные школы (schools of thought). Оттепель середины пятидесятых облегчила их положение, ослабив официальную настойчивость в отношении таких мистических убеждений, как никчемность зарубежной науки, непогрешимость Павлова и огромное значение марксизма-ленинизма для психологической науки» [22, с. 786].

Далее Д. Джоравски не менее откровенно выражает свое отношение к С.Л. Рубинштейну как мыслителю: «Не совсем вина Пейна в том, что Рубинштейн кажется нудным, туманным мыслителем, банальным, когда он не бессодержателен.

Это также не совсем вина Рубинштейна. Он решил сосредоточиться на связи между философией и психологией в то время, когда эти две дисциплины были мрачно разведены, и каждая из них считала себя хорошо избавленной от другой. В такое время выбранная Рубинштейном задача была бы трудной в любом месте, но у него был дополнительный недостаток - он работал в стране с устоявшейся церковью, власти которой осуждали фрагментацию современного знания как идеологическую диверсию. Эта ситуация объясняет склонность Рубинштейна к банальности и бессмыслице. Чем туманнее его мысли и чем ближе он подходил к утверждениям, которые никто не мог оспорить, тем больше у него было шансов убедить сталинских идеологов и ученых-психологов в том, что они могут жить друг с другом. Мы можем почитать его за этот вклад в жизнь разума в Советской России, но трудно читать его без зевоты» [22, с. 786].

В конечном итоге Д. Джоравски формулирует тезис о принципиальной необходимости учета социального и политического контекста при изучении истории советской психологии: «Очевидно, Пейн избегает социологии знания («sociology of knowledge»; мы бы сказали, несколько упрощая формулировку: «социальной истории науки». -С.Б.), опасаясь быть несправедливым. Соотносить официальные стимулы с научными реакциями и наоборот – значит, как (ему) кажется, бросать вызов обеим сторонам, занимаясь adhominem атаками на мыслителей, а не мирным анализом мысли. К сожалению, есть некоторые виды мысли, которые не имеют смысла, если абстрагироваться от их социального и политического контекста. А что касается справедливости по отношению к Рубинштейну, то лишение его мысли смысла может быть большим оскорблением, чем выявление ее акробатического балансирования между заведомыми страстями его сталинских боссов и интеллектуальными требованиями его коллег по психологии и философии» [22, с. 786-787].

«Возможна ли НЕ социальная история советской психологии?» – так от лица Д. Джоравски и Й. Брожека может быть поставлен вопрос ребром. Их ответ – нет, невозможна в принципе.

В этой связи есть смысл поинтересоваться, что именно (и как именно) Д. Джоравски пишет о С.Л. Рубинштейне в своей вышедшей пятнадцать лет спустя книге, посвященной социальной истории российской психологии [23]. В этой книге в четвертой части «Гибкое единство» («Plastic Unity») С.Л. Рубинштейну отводится специальный параграф под названием «Версия Рубинштейна» [23, с. 369-378]. Думается, для понимания общего смысла всего изложенного Дэвидом Джоравски на этих десяти страницах вполне достаточно осмыслить тот факт, что структурно данный параграф входит в тринадцатую главу с названием «Теоретический тупик» («Theoretical Impasse») [23, с. 355-378].

Заключение

Итак, мы выяснили, что книга Т.Р. Пейна до сих пор остается малоизвестной, слабо изученной и плохо понятой прежде всего в силу того, что Т.Р. Пейн вследствие уязвимости своих исходных методологических установок с самого начала оказался под огнем критики сразу с двух сторон: не только со стороны советских психологов, вооруженных «самым передовым» и «всепобеждающим» диалектическим материализмом, но и со стороны своих коллег - зарубежных исследователей, отдававших предпочтение социальной и политической истории советской психологии. (К сожалению, один из наших исходных вопросов - о причинах публикации Дэвидом Джоравски рецензии на книгу Т.Р. Пейна через шесть лет после выхода книги - мы вынуждены оставить без объяснений).

В целом предпринятое нами историографическое исследование «случая Пейна» (реакции научного сообщества на выход в свет книги Т.Р. Пейна «С.Л. Рубинштейн и философские основы советской психологии»),

во-первых, позволяет в значительной степени детализировать и более конкретно оценить один из значимых эпизодов в истории и историографии советской психологии;

во-вторых, свидетельствует о продуктивности использованного в исследовании метода целенаправленного поиска и сравнительного анализа рецензий; в-третьих, наглядно демонстрирует ряд существенных терминологических нюансов, возникающих в процессе прямого и обратного перевода разноязычных источников;

в-четвертых, свидетельствует о перспективности дальнейших исследований зарубежной историографии истории советской психологии.

Литература:

- 1. Абульханова-Славская К.А. О субъекте психической деятельности. Методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973.
- 2. Абульханова-Славская К.А. Жизненный путь и научное творчество выдающегося советского ученого С.Л. Рубинштейна (1889-1960) (к 100-летию со дня рождения) // Применение концепции С.Л. Рубинштейнов в разработке вопросов общей психологии. М.: Институт психологии АН СССР, 1989. С. 4-30.
- 3. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.
- Артемьева О.А. К 70-летию Павловской сессии: американская историография советской психологии // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 122-131.
- Богданчиков С.А. Проблемы истории и историографии советской психологии: монография. М.: АСОУ, 2018.
- 6. Богданчиков С.А. Неподнятая целина: обзор зарубежных публикаций 1930-1950-х гг. о советской психологии // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2021. Т. 1. №1. С. 12-22.
- Будилова Е.А., Славская К.А. Советская психологическая наука в освещении западноевропейского психолога // Вопросы психологии. 1973. № 2. С. 174-179.
- 8. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991.
- 9. Джоравски Д. Сталинистский менталитет и научное знание // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-

- Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С.208-249.
- Журавский Д. Неосуществимый проект Ивана Павлова // Вопросы философии. 1991.
 № 9. С. 14-30.
- 11. Кургинян С.С. О книге Томаса Пейна «С.Л. Рубинштейн и философские основания советской психологии» // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред. К.А. Абульхановой, С.В. Тихомировой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 409-414.
- 12. Пейн Т.Р. С.Л. Рубинштейн и философские основания советской психологии // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред. К.А. Абульхановой, С.В. Тихомировой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 415-430.
- 13. Юревич А.В. Советский человек как социокультурный тип // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 59-68.
- 14. Ярошевский М.Г. Новаторство И.М. Сеченова: историческая реальность или «сталинистская фикция»? (Ответ американскому советологу Д. Джоравски) // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 87-98.
- 15. Bauer R. The New Man in Soviet Psychology. Cambridge: Harvard University Press, 1952.
- Brožek J. Contemporary soviet psychology // Transactions of the New York Academy of Sciences, 1965. V. 27. I. 4. Series II. P. 422-438.
- 17. Brozek J., Slobin D.I. Toward A History of Soviet Psychology: A Set of Bibliographies // Soviet Psychology. 1968. V. 6. I. 3-4. P. 8-18.
- 18. Brožek J. S.L. Rubinštejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology by T.R. Payne [Review] // The Russian Review. 1970. V. 29. № 3. P. 350-351.
- Brožek J., Slobin D.I. (eds.) Psychology in the USSR: An Historical Perspective. White Plains, N.Y.: International Arts and Sciences Press, Inc. 1972.
- 20. Brožek J. Soviet historiography of psychology: III. Between philosophy and history // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1974. V. 10. I. 2. P. 195-201.

- 21. Graham L.R. Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union. Expanded, updated version. New York: Columbia University Press, Guildford, Surrey, 1987.
- 22. Joravsky D. S.L. Rubinštejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology by T.R. Payne [Review] // Slavic Review. 1974. V. 33. № 4. P. 786-787.
- 23. Joravsky D. Russian Psychology: A Critical History. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: Basil Blackwell, 1989.
- 24. Kozulin A. Psychology in Utopia: Toward a Social History of Soviet Psychology. Cambridge Massachusetts; London, England: The MIT Press, 1984.
- 25. McLeish J. Soviet Psychology: History, Theory and Content. London: Methuen, 1975.
- 26. Payne R. Sergej Leonidovič Rubinštejn // Studies in Soviet Thought. 1963. V. 3. № 3. P. 208-209.
- 27. Payne R.T. Bibliography: Books and Articles by S.L. Rubinštejn // Studies in Soviet Thought. 1964. V. 4. № 1. P. 78-80.
- 28. Payne T.R. A Guide to Marxism and Its Effects on Soviet Development by P.H. Vigor [Review] // Studies in Soviet Thought. 1966 a. V. 6. №. 2. P. 150.
- 29. Payne T.R. On the Theoretical Foundations of Soviet Psychology // Studies in Soviet Thought. 1966 b. V. 6. № 2. P. 124-134.
- 30. Payne T.R. "Brain-Psyche" Problem in Soviet Psychology: A Survey of Its Development and Perspectives // Studies in Soviet Thought. Trends and Perspectives in Current Soviet and East-European Philosophy. 1967 a. V. 7. №. 2. P. 83-100.
- 31. Payne T.R. Mozg čeloveka i psixičeskieprocessy by A.R. Lurija; Problemy psixologii pamjati by A.A. Smirnov [Review] // Studies in Soviet Thought. 1967 b. V. 7. № 1. P. 78-79.
- 32. Payne T.R. S.L. Rubinštejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology. Dordrecht (Holland); Reidel Publishing Company; Distributed by Humanities Press, New York, 1968a. (Sovietica: Monogr. of the Inst. of East-Europ. studies, Univ. of Fribourg).

- 33. Payne T.R. A.V. Petrovskij's History of soviet psychology // Studies in Soviet Thought. 1968b. V. 8. № 2/3. P. 181-187.
- 34. Payne T.R. The Development of Soviet Psychological Theory: The Case of S.L. Rubinštejn // Studies in Soviet Thought. 1968c. V. 8. № 2/3. P. 144-156.
- 35. Payne T.R. The 80th Anniversary of the Birth of S.L. Rubinštejn // Studies in Soviet Thought. 1970. V. 10. № 3. P. 255-261.
- 36. Payne T.R. Psychology in the U.S.S.R.: An Historical Perspective by Josef Brožek and Dan I. Slobin [Review] // Studies in Soviet Thought. 1974. V. 14. № 1/2. P. 163-166.

- 37. Rahmani L. Soviet Psychology. Philosophical, Theoretical and Experimental Issues. N.Y.: International Universities Press, 1973.
- 38. Yasnitsky A. (ed.) A History of Marxist Psychology: The Golden Age of Soviet Science. London and New York: Routledge, 2020.

Статья поступила в редакцию 22.07.2022

FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF SOVIET PSYCHOLOGY: THE CASE OF T.R. PAYNE

© Sergey A. Bogdanchikov

Ph.D. (psychology), Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia bogdanchsa@gmail.com

The article provides a historiographical analysis of T.R. Payne's book "S.L. Rubinstein and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology" ("S.L. Rubinstein and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology", 1968). The content of the book is analyzed as well as the reviews of J. Brožek (1971), E.A. Budilova, K.A. Slavskaya (K.A. Abulkhanova) (1973) and D. Joravsky (1974) on the book by T.R. Payne. It is concluded that this work still remains little known, poorly studied and poorly understood, since from the very beginning due to the vulnerability of his initial methodological positions, Payne found himself under fire from two sides at once: not only from Soviet psychologists, but also from his colleagues - foreign researchers of the history of Soviet psychology.

Keywords: history of Soviet psychology, foreign historiography of the history of Soviet psychology, philosophical foundations of psychology, scientific monographs and reviews, T.R. Payne, S.L. Rubinstein, E.A. Budilova, K.A. Slavskaya (K.A. Abulkhanova), J. Brožek, D. Joravsky

REFERENCES

- Abul'hanova-Slavskaya K.A. (1973). O sub"ekte psihicheskoj deyatel'nosti. Metodologicheskie problemy psihologii [About the subject of mental activity. Methodological problems of psychology]. M.: Nauka.
- Abul'hanova-Slavskaya K.A. (1989). ZHiznennyj put' i nauchnoe tvorchestvo vydayushchegosya sovetskogo uchenogo S.L. Rubinshtejna

(1889-1960) (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [The life path and scientific creativity of the outstanding Soviet scientist S.L. Rubinstein (1889-1960) (to the 100th anniversary of his birth)] // Primenenie koncepcii S.L. Rubinshtejnov v razrabotke voprosov obshchej psihologii [Application of the concept of S.L. Rubinstein in the development of issues of general psychology]. M.: Institut psihologii AN SSSR [Moscow: Institute

- of Psychology of the USSR Academy of Sciences]. P. 4-30.
- 3. Abul'hanova-Slavskaya K.A., Brushlinskij A.V. (1989). Filosofsko-psihologicheskaya koncepciya S.L. Rubinshtejna: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya [*Philosophical and psychological concept of S.L. Rubinstein: to the 100th anniversary of his birth*]. Moscow: Nauka.
- 4. Artem'eva O.A. (2021). K 70-letiyu Pavlovskoj sessii: amerikanskaya istoriografiya sovetskoj psihologii [On the 70th anniversary of the Pavlovsk session: American historiography of Soviet psychology] // Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. V. 42. № 1. P. 122-131.
- 5. Bogdanchikov S.A. (2018). Problemy istorii i istoriografii sovetskoj psihologii: monografiya [*Problems of the history and historiography of Soviet psychology: monograph*]. M.: ASOU.
- 6. Bogdanchikov S.A. (2021). Nepodnyataya celina: obzor zarubezhnyh publikacij 1930-1950-h gg. o sovetskoj psihologii [Unopened virgin land: a review of foreign publications of the 1930s-1950s on Soviet psychology] // Uchenye zapiski Instituta psihologii Rossijskoj akademii nauk [Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. 2021. V. 1. №1. P. 12-22.
- 7. Budilova E.A., Slavskaya K.A. (1973). Sovetskaya psihologicheskaya nauka v osveshchenii zapadnoevropejskogo psihologa [Soviet psychological science in the coverage of a Western European psychologist] // Voprosy psihologii [Questions of psychology]. № 2. P. 174-179.
- 8. Grekhem L.R. (1991). Estestvoznanie, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze [Natural science, philosophy and sciences of human behavior in the Soviet Union]. Moscow: Politizdat.
- 9. Dzhoravski D. (2001). Stalinistskij mentalitet i nauchnoe znanie // Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednih let. Sovetskij period: Antologiya / Sost. M. Devid-Foks [Stalinist mentality and scientific knowledge // American Russian Studies: Milestones of historiography of recent years. The Soviet Period: An Anthology / Comp. M. David-Fox]. Samara:

- Izd-vo «Samarskij universitet» [Publishing House "Samara University"]. P. 208-249.
- 10. ZHuravskij D. (1991). Neosushchestvimyj proekt Ivana Pavlova [*The impracticable project of Ivan Pavlov*] // Voprosy filosofii [*Questions of philosophy*]. № 9. P. 14-30.
- 11. Kurginyan S.S. (2011). O knige Tomasa Pejna «S.L. Rubinshtejn i filosofskie osnovaniya sovetskoj psihologii» [About Thomas Paine's book "S.L. Rubinstein and the philosophical foundations of Soviet psychology"] // Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S.L. Rubinshtejna / Pod red. K.A. Abul'hanovoj, S.V. Tihomirovoj [Philosophical and psychological legacy of S.L. Rubinstein / Edited by K.A. Abulkhanova, S.V. Tikhomirova]. Moscow: Izdvo «Institut psihologii RAN» [Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"]. P. 409-414.
- 12. Pejn T.R. (2011). S.L. Rubinshtejn i filosofskie osnovaniya sovetskoj psihologii [Rubinstein and the philosophical foundations of Soviet psychology] // Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S.L. Rubinshtejna / Pod red. K.A. Abul'hanovoj, S.V. Tihomirovoj [Philosophical and psychological heritage of S.L. Rubinstein / Edited by K.A. Abulkhanova, S.V. Tikhomirova.]. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"]. P. 415-430.
- 13. YUrevich A.V. (2021). Sovetskij chelovek kak sociokul'turnyj tip [*The Soviet man as a sociocultural type*] // Psihologicheskij zhurnal [*Psychological Journal*]. V. 42. № 5. P. 59-68.
- 14. YAroshevskij M.G. (1994). Novatorstvo I.M. Sechenova: istoricheskaya real'nost' ili «stalinistskaya fikciya»? (Otvet amerikanskomu sovetologu D. Dzhoravski) [I.M. Sechenov's Innovation: Historical reality or "Stalinist fiction"? (Answer to the American Sovietologist D. Joravsky)] // Voprosy psihologii [Questions of psychology]. № 6. P. 87-98.
- 15. Bauer R. (1952). The New Man in Soviet Psychology. Cambridge: Harvard University Press.
- Brožek J. (1965). Contemporary soviet psychology // Transactions of the New York Academy of Sciences. V. 27. I. 4. Series II. P. 422-438.

- 17. Brozek J., Slobin D.I. (1968). Toward A History of Soviet Psychology: A Set of Bibliographies // Soviet Psychology. V. 6. I. 3-4. P. 8-18.
- 18. Brožek J. (1970). S.L. Rubinštejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology by T.R. Payne [Review] // The Russian Review. V. 29. № 3. P. 350-351.
- 19. Brožek J., Slobin D.I. (1972). (eds.) Psychology in the USSR: An Historical Perspective. White Plains, N.Y.: International Arts and Sciences Press, Inc.
- 20. Brožek J. (1974). Soviet historiography of psychology: III. Between philosophy and history // Journal of the History of the Behavioral Sciences. V. 10. I. 2. P. 195-201.
- Graham L.R. (1987). Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union. Expanded, updated version. New York: Columbia University Press, Guildford, Surrey.
- 22. Joravsky D. S.L. (1974). Rubinštejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology by T.R. Payne [Review] // Slavic Review. V. 33. № 4. P. 786-787.
- Joravsky D. (1989). Russian Psychology: A Critical History. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: Basil Blackwell.
- Kozulin A. (1984). Psychology in Utopia: Toward a Social History of Soviet Psychology. –
 Cambridge Massachusetts; London, England: The MIT Press.
- 25. McLeish J. (1975). Soviet Psychology: History, Theory and Content. London: Methuen.
- 26. Payne R. (1963). Sergej Leonidovič Rubinštejn // Studies in Soviet Thought. V.3. № 3. P. 208-209
- 27. Payne R.T. (1964). Bibliography: Books and Articles by S. L. Rubinštejn // Studies in Soviet Thought. V. 4. № 1. P. 78-80.
- 28. Payne T.R. (1966 a). A Guide to Marxism and Its Effects on Soviet Development by P.H. Vigor [Review] // Studies in Soviet Thought. V. 6. №. 2. P. 150.
- 29. Payne T.R. (1966 b). On the Theoretical Foundations of Soviet Psychology // Studies in Soviet Thought. V. 6. № 2. P. 124-134.

- 30. Payne T.R. (1967 a). "Brain-Psyche" Problem in Soviet Psychology: A Survey of Its Development and Perspectives // Studies in Soviet Thought. Trends and Perspectives in Current Soviet and East-European Philosophy. V. 7. №. 2. P. 83-100.
- 31. Payne T.R. (1967 b). Mozg čeloveka i psixičeskieprocessy by A.R. Lurija; Problemy psixologii pamjati by A.A. Smirnov [Review] // Studies in Soviet Thought. V. 7. № 1. P. 78-79.
- 32. Payne T.R. (1968 a). S.L. Rubinštejn and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology. Dordrecht (Holland); Reidel Publishing Company; Distributed by Humanities Press, New York. (Sovietica: Monogr. of the Inst. of East-Europ. studies, Univ. of Fribourg).
- 33. Payne T.R. (1968 b). A.V. Petrovskij's History of soviet psychology // Studies in Soviet Thought. V. 8. № 2/3. P. 181-187.
- 34. Payne T.R. (1968 c). The Development of Soviet Psychological Theory: The Case of S.L. Rubinštejn // Studies in Soviet Thought. V. 8. № 2/3. P. 144-156.
- 35. Payne T.R. (1970). The 80th Anniversary of the Birth of S. L. Rubinštejn // Studies in Soviet Thought. V. 10. № 3. P. 255-261.
- 36. Payne T.R. (1974). Psychology in the U.S.S.R.: An Historical Perspective by Josef Brožek and Dan I. Slobin [Review] // Studies in Soviet Thought. V. 14. № 1/2. P. 163-166.
- 37. Rahmani L. (1973). Soviet Psychology. Philosophical, Theoretical and Experimental Issues. N.Y.: International Universities Press.
- 38. Yasnitsky A. (2020). (ed.) A History of Marxist Psychology: The Golden Age of Soviet Science. London and New York: Routledge.

The article was received 22.07.2022

Сравнительный анализ развития ментальности стран с высокими и низкими социально-экономическими характеристиками // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т.2. №3. С. 65-77. DOI: 10.38098/proceedigs_2022_02_03_06

Comparative analysis the mentality development of the countries with high and low socio-economic characteristics. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 2. No. 3. Pp. 65-77. DOI: 10.38098/proceedigs_2022_02_03_06

Кросс-культурная психология

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ СТРАН С ВЫСОКИМИ И НИЗКИМИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

© Сухарев A.В.

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия zavor753@mail.ru

В статье осуществлен сравнительный анализ развития стран с высокими темпами социально-экономического развития с позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса, как в процессе гуманитарного, так и эмпирического социально-психологического исследования. Анализ осуществлен на примере Республики Гаити с низкими темпами развития и Доминиканы с высокими темпами развития. Результаты исследования показали, что низкие показатели темпов социально-экономического развития Гаити могут быть обусловлены низкой степенью синтеза архаического и христианского компонентов ее ментальности вследствие преобладания архаического этнодифференцирующего содержания гаитянского вуду, по сравнению с более этноинтегрирующим содержанием доминиканского вуду.

Ключевые слова: ментальность, Гаити, Доминикана, этнофункциональный подход, архаика, премодерн, модерн, социально-экономическое развитие

Введение

Целью настоящего исследования был сравнительный анализ развития ментальности стран с высокими и низкими социально-экономическими и др. показателями развития для выявления взаимосвязи характеристик ментальности для регионов с различной выраженностью данных показателей.

Актуальность исследования состоит в том, что даже наличие широкого спектра ресурсов — природно-географических, финансовых и др. зачастую не обеспечивает социально-экономичес-кого развития того или иного ареала.

Проблема и новизна исследования заключается в выявлении возможных социально-психоло-гических детерминант развития общества

в целом, в том числе по непсихологическим показателям.

Новизна исследования обусловлена также использованием авторской философско-антропологической концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса [12] для анализа характеристик ментальностей различных коллективных субъектов [3] как возможных предикторов различия непсихологических показателей их развития. Решение данной проблемы мы предполагаем начать со сравнения структуры ментальностей коллективных субъектов стран с высокими и низкими рейтингами социально-экономических показателей развития.

В настоящей статье впервые предпринята попытка выявить историко-психологические

детерминанты бедственного положения Республики Гаити, коренящиеся в ментальности ее коллективного субъекта с позиций этнофункциональной концепции синтеза хаоса и космоса.

В качестве исходного объекта компаративного анализа в настоящей статье была выбрана Республика Гаити, которая представляет интерес как страна, занимающая последние места в рейтингах стран мира по различным социальноэкономическим и гуманитарным показателям. Республика Гаити (далее – Гаити) соседствует с Доминиканской Республикой (далее – Доминикана) на одном острове Гаити (о. Эспаньола), которая имеет существенно более высокие рейтинговые показатели. При этом обе республики изначально являлись сходными по природным и социокультурным условиям, но существенно изменившимися вследствие возникших экологических проблем и внешних причин, что и обусловило сравнение именно этих республик. Результаты сравнительного анализа Гаити и Доминиканы сравнивались с результатами анализа связи социально-экономических показателей развития с характеристиками ментальностей в странах латиноамериканского региона и некоторых других [10].

Предметом анализа в нашей работе стала взаимосвязь структуры ментальностей коллективных субъектов стран с высокими темпами социально-экономического развития и стран с очень низкими показателями социально-экономичес-кого, культурного и др. развития (на примере сравнения ментальности Гаити и Доминиканы).

В исследовании предполагалось, что повышение степени синтеза этноинтегрирующих архаического и надэтнически-религиозного компонентов ментальности может обусловливать

повышение показателей развития общества, а включение в ментальность этнодифференцирующих компонентов может обусловливать снижение данных показателей.

Теория и методология исследования

Базовым методологическим положением в настоящей работе является принцип единства микро- и макрокосма (Платон, П. Флоренский и др.)1. В соответствии с данным принципом, результаты экспериментально-психологических исследований на индивидуальном уровне используются для интерпретации поведения коллективных субъектов [9; 12]. Ментальность индивидуального и коллективного субъектов в настоящей статье понимается как «слоистая» структура, каждый слой которой определяется ведущим содержанием последовательных ступеней онтогенетического или исторического развития², которое в ретроспективном анализе рассматривается в качестве компонентов ментальности субъекта [9; 12].

С культурологических позиций развитие общества можно представить как последовательную смену ступеней развития его ментальности: архаики, премодерна и модерна, которые в итоге могут быть более или менее интегрированы в систему как ее компоненты. При этом ступень постмодерна понимается уже как определенная степень дезинтеграции ментальности [8]. Для компонента архаической ментальности характерен приоритет сакрального отношения к природе, одухотворение природных явлений, приоритет родовых отношений, магического мышления [6]. Данный компонент наделяется наиболее выраженной этнической функцией (см. далее). Ментальности премодерна³ присущи надэтнически-религиозные представле-

¹ В наших исследованиях данный принцип используется как принцип этнофункционального единства микро- и макрокосма, постулирующий аналогию между ступенями этнофункционального развития индивидуального и коллективного субъектов [9].

² Ведущим содержанием каждой ступени развития ментальности субъекта является то, которое в ретро-

спективном анализе может рассматриваться как необходимое основание для становления последующей ступени.

³ В отличие от определения премодерна А.Г. Дугиным через противопоставление модерну [2], мы вкладываем в это понятие смысл только надэтнически-религиозных представлений мировых религий, не включая в него представлений дохристианской и др. архаики.

ния мировых религий, основанные на приоритете в познании мира «трансцендентного созерцания» или Откровения. Для ментальности модерна характерно представление об общем благе, естественнонаучное мировоззрение, вера в научно-технологический прогресс и т.п. [14].

Теоретико-методологической основой исследования стала авторская философско-антропологическая концепция этнофункционального синтеза хаоса и космоса [12]. Данная концепция базируется, во-первых, на этнофункциональной методологии, наделяющей ментальные категории⁴ этнической функцией: э*тноин*тегрирующей и этнодифференцирующей (архаика и премодерн), а также нейтральной (модерн). Во-вторых, она базируется на философском представлении о синтезе хаоса и космоса как синтезе хаотизирующих (архаика) и космизирующих (премодерн, модерн) представлений как идеальной цели развития субъекта. Как на индивидуальном, так и на коллективном уровне данная концепция в определенной мере верифицирована в психологических исследованиях. В частности, подтверждена ведущая роль этноинтегрирующих представлений архаики для развития и адаптации субъекта, в т.ч. во влиянии данных представлений на повышение показателей уровня репродуктивного и творческого интеллекта, уровня нравственности и других показателей [13].

Результаты исследований свидетельствуют о том, что повышение степени этноинтегрирующего синтеза космизирующих и хаотизирующих представлений в ментальности субъекта обусловливает повышение качества его развития и адаптационного потенциала. Ввиду философской обобщенности концепции и трансдисциплинарности понятия «образ», степень синтеза космизирующих и хаотизирующих представлений архаики, премодерна и модерна может фиксироваться как по психологическим, так и непсихологическим показателям развития общества [9; 12].

⁴ В нашем случае это образы, характеризующиеся отношениями, суждениями и пр. В общем случае это не обязательно психические образы, но фор-мы репрезентации какого-либо пространства – материаль-

Методика исследования. Настоящее исследование осуществлялось, прежде всего, с позиций гуманитарной методологии, опирающейся на исторический и сравнительный методы анализа, а также на методы индуктивного и дедуктивного доказательства гипотез [5, с. 327, 330]. Полная индукция — метод доказательства, при котором утверждение доказывается для конечного числа частных случаев, исчерпывающих все возможности.

Для оценки степени этнофункционального синтеза хаотизирующих представлений архаики и космизирующих представлений премодерна у коллективного субъекта в данном исследовании мы пользовались следующими показателями: 1) низкая степень синтеза характеризуется саморефлексией этнодифференцирующих представлений архаики и премодерна; 2) высокая степень синтеза характеризуется саморефлексией этноинтегрирующих компонентов архаики и премодерна.

Выделение данных показателей обусловлено тем, что экспериментально-психологические исследования на индивидуальном уровне выявили обусловленность повышения уровня репродуктивного и творческого интеллекта, нравственности и др. саморефлексией субъектом этноинтегрирующих представлений архаики и премодерна [13]. По аналогии с индивисубъектом, этноинтегрирующие дуальным представления архаики и премодерна на коллективном уровне могут обусловливать высокое качество госуправления, социально-гуманистическую направленность внутренней политики и другие показатели развития [9; 12].

Методика эмпирического исследования. Социально-психологическое исследование выраженности в ментальности конкретного коллективного субъекта интереса к темам архаики, премодерна и модерна осуществлялось на основе анализа соотношений количества интернет-запросов.

ного, виртуального, трансцендентного. Образ рассматривается как феномен, противопоставляемый прообразу – ноумену (И. Кант).

67

Образы природы, характеризующие компонент архаики, и их этническая функция, как показывают экспериментально-психологичес-кие исследования на индивидуальном уровне, играют наиболее важную роль в адаптации и развитии субъекта [9]. В связи со сказанным компонент архаики обозначается далее как «Природа».

Для надэтнически-религиозных представлений, характеризующих компонент премодерна, приоритетным является представление о Боге. Компонент премодерна далее обозначается как «Бог».

Для компонента модерна, отражающего содержание эпохи Просвещения, характерен приоритет знания и разума. Данный компонент обозначается как «Знание».

Психологический смысл относительного преобладания количества запросов по указанным выше темам, по нашему мнению, отражает повышенный интерес к соответствующим темам, который часто имеет неосознанный характер. В исследовании предполагалось, что интернет-запросы по темам «Природа» и «Бог» относились к представлениям родной природы и Бога в христианском понимании⁵.

Для выявления статистических соотношений количества интернет-запросов в конкретных регионах хаотизирующих (Природа) и космизирующих («Бог», «Знание») представлений мы использовали анализ запросов в приложении Google Trends, в котором могут определяться различные региональные содержательные и количественные показатели. В данной системе мы использовали сравнительный анализ количества запросов по указанным выше темам. Количество запросов по определенной теме в Google Trends представлено как отношение количества запросов по данной теме к общему количеству запросов в исследуемом регионе за конкретный период. Полученные данные стандартизуются по 100-балльной шкале, при

этом значение 100 баллов присваивается максимальному показателю за данный период. При этом остальные показатели сравниваются с максимальным и наделяются соответственно значениями от 0 до 99.

Социально-экономические различия Гаити и Доминиканы

Экономика Доминиканы является седьмой по величине в Латинской Америке и крупнейшей в регионе Карибского бассейна и Центральной Америки. Доминикана является развивающейся страной с доходами выше среднего на душу населения. В стане имеется горнодобывающая, химическая, фармацевтическая промышленность, производство медицинского и электрооборудования, развитая инфраструктура, энергетика и телекоммуникации, а также туризм. Правительством Доминиканы поставлена задача к 2030 году стать страной с высоким уровнем дохода. Ожидаемый прогноз социально-экономического развития с 2020 по 2030 гг. в целом составляет 79%. Инвестиции в экономику Доминиканы считаются весьма выгодным предприятием [19; 32].

Экономика Гаити. Гаити является слаборазвитым аграрным государством. Чрезвычайно отсталая страна в Вест-Индии и одно из беднейших государств мира. 60 % населения – безработные, 50 % - неграмотны, 80% населения живут за чертой бедности. СПИДом заражены 6 % населения. Почти 70% заняты в сельском хозяйстве, при этом большинство из них работают на небольших домашних фермах, где занято почти две трети активной рабочей силы. Несмотря на обилие природных ресурсов, основными проблемами экономики Гаити являются: высокая инфляция, дефицит внешней торговли, коррупция и отсутствие инвесторов. Большую роль в экономике Гаити играет наркотрафик [1, с. 165]. Политическая нестабильность и неспособность правительства Гаити

мам Будда, Природа, Знание в основном соответствуют соотношениям запросов по темам Бог, Природа, Знание (см. далее).

⁵ Это вполне верно для авраамических религий. В буддизме понятия Бога не существует, однако, например, на практике в буддизме махаяны Будда почитается как Бог. При статистическом анализе в буддийских регионах соотношения запросов по те-

вкладывать средства в развитие природных и человеческих ресурсов страны в значительной степени способствуют нынешнему состоянию отсталости страны. Гаити получала и получает огромную финансовую и др. помощь из США, Европы и других стран, однако ее положение не улучшается [21].

Сравнение социального развития Гаити и Доминиканы. Важным отличием Доминиканы от Гаити является более высокие социально значимые показатели, такие как доступность и уровень развития медицины и образования [18].

В рейтинге индекса человеческого развития с учётом неравенства (ИЧРН) в распределении здоровья, образования и дохода по оценкам 2019 г. Гаити занимала 143 (из 157) место, а Доминикана — 79 место [30]. В рейтинге стран мира по индексу социального развития по оценкам 2021 г. Гаити занимала 157 место (из 168), а Доминикана 73 место [26]. В 2020 году по рейтингу ВВП Доминикана занимала 65, а Гаити — 142 место из 189 стран мира [25]. По рейтингу того же года средняя продолжительность жизни в Доминикане составляла 74 года, в Гаити — 64 года [4; 33]. Аналогичная картина имеет место и в других рейтингах.

В различных исследованиях рассматриваются, прежде всего, экономические, географические отчасти культурные причины отсталости Гаити, хотя эта республика была первой страной, запретившей рабство [4]. В отсталости Гаити авторы рассматривают спектр причин – от влияния американских корпораций до возложения части ответственности на сам народ Гаити [22]. Некоторые исследователи связывают такое положение Гаити с тем, что его население является вполне однородным и «монорасо-95% населе-ния составляют потомки вым≫. чернокожих рабов, завезённых на остров из Западной Африки в колониальное время. Остальные 5% составляют мулаты и потомки европейцев французского, польского, немецкого, испанского и итальянского происхождения. В отличие от Гаити на территории Доминиканы проживают 70% мулатов и метисов, 15% негров и 15% белых [24].

Сравнительный анализ ментальности Гаити и Доминиканы

Ведущее содержание ментальности коллективных субъектов Гаити и Доминиканы существенно характеризуется религиозными представлениями. К концу XX в. в Гаити официально 98% населения являлись христианами, преимущественно католиками. Современные исследования показывают, что католиками являются 55-60% гаитян. При этом, согласно информации РПЦ, в отличие от официальной статистики, около 90% населения исповедует культ вуду. Причиной такого разброса данных, по-видимому, заключается в том, что большинство жителей являются одновременно и христианами и вудуистами. В настоящее время большая часть населения страны придерживается католической веры (95%) [29]. В целом на Гаити религиозные воззрения преимущественно представлены католицизмом и архаическими представлениями вуду, привезенными когда-то рабами из Западной Африки. Само слово «вуду» переводится как «дух, душа, природа».

Гаитянский вуду, являющийся наиболее ортодоксальной разновидностью данной религии, сформировался в Гаити в среде западноафриканских рабов.

После гаитянской революции 1804 г., начавшейся с проведения чернокожими потомками рабов ритуала вуду, и во время которой было уничтожено практически все белое население, вуду стал официальной религией, обретшей независимость Гаити. Культовые ритуалы вуду связаны с представлением о Лоа – духах, наделенных неограниченными возможностями и огромной силой, которые осуществляют посредничество между богом и человеком. Гаитянский вуду состоит из двух подразделений, включающих духов так называемого Белого и Черного подразделений. К Черному подразделению относятся духи таких африканских племен как Фон, Эве и Наго (Бенин, Того), а также духи многих этнических групп, проживающих практически на всей территории Африки южнее Сахары и объединенных общими традициями и языками банту. Сами адепты данных подразделений в Гаити осознают африканское происхождение своей веры.

Доминиканский вуду в последнее время стал все более отличаться от гаитянского. В нем не поддерживаются строгие гаитянские традиции организации культовых служений, более выражено влияние аутохтонных кубинских и венесуэльских верований. А встречающееся изображение Будды на алтарях доминиканских колдунов — совершенно невозможная для гаитян религиозная «толерантность». У адептов вуду в Доминикане, по сравнению чернокожими колдунами вуду в Гаити, нет четкой этнической принадлежности. У них нет специфических святилищ для отправлений культа, отсутствуют обряды посвящения в культ [16; 17].

Пантеон духов Лоа доминиканского вуду, состоит из так называемого 21 дивизиона. В Доминикане духи Лоа могут быть разделены на три главных группы: Белые, Черные и Индейцы, в отличие от гаитянского вуду, представленного лишь первыми двумя группами. Наличие индейского или «водного подразделения» является одним из главных отличий доминиканского вуду от гаитянского [28]. Духи подразделения Индейцев или коренных американцев имеют аутохтонное доколумбово происхождение и преимущественно являются духами индейцев Таино. В целом, по сравнению с широко известной гаитянской линией «Ассогве», доминиканский вуду менее однороден [20].

Одно время приверженцы вуду в Доминикане подвергались беспощадным гонениям со стороны правительства. Они и сами часто бунтовали против существующих порядков, а в подавлении восстаний принимали участие даже национальные войска.

При этом местные жители в сельских районах, особенно бедняки, при возникновении проблем обращались и обращаются не только к местным колдунам вуду, но также духовным старейшинам, придерживающихся традиционных народных верований Таино. В какой-то мере религиозные представления Таино оказали влияние, как на гаитянский, так и доминиканский вуду — индейцы предоставляли в горах

острова убежище чернокожим рабам, скрывавшимся от плантаторов. Но в большей мере влияние верований Таино сказалось именно на доминиканском вуду. Ряд духов современного доминиканского вуду являются духами предков Таино. Главным объектом поклонения индейцев Таино было поклонение духам земли. Главными духами индейцев были дух Луны, пресных вод и плодородия, дух маниоки⁶ и моря, а также духи хорошей и штормовой погоды, дождя, чистого неба и др. Высшее божество называлось «юкаху́», что означает «белая юка» или «дух юки», так как юка (маниока) служила основным источником пищи для Таино [16, с. 69, 84; 31].

В настоящее время в связи со зрелищностью и популярностью обрядов вуду среди туристов правительство Доминиканы стало более лояльно относиться к этому культу. Доминиканцы, как правило, относят себя к католикам, а гаитяне в этой стране считаются вудуистами. Можно сказать, что в чистом виде обряды вуду – это в основном гаитянские обряды и имеют к Доминикане и ее жителям опосредствованное отношение.

Таким образом, доминиканский вуду, по сравнению с гаитянским, испытал большее влияние католичества. Проявляется это, в частности, в том, что здесь широко используются католические культовые статуи и изображения, свечи, масляные лампы, ванны, цветы и напитки, музыка. Большинство Лоа в Доминикане синкретизированы с изображением католических святых, т.е. имеют двойное значение – вуду и христианское [27].

Важным отличием гаитянской ментальности от доминиканской является относительно «жесткая» связь первой с чернокожим населением, осознающим происхождение вудуистской веры и имен духов от этнодифференцирующих африканских представлений их предков. Культ доминиканского вуду, в отличие от гаитянского, включает так называемое индейское подразделение, тесно связанное с этноинтегрирующими одухотворениями природных пред-

_

⁶ Главная сельскохозяйственная культура Таино.

ставлений коренных жителей Эспаньолы — индейцев Таино. Синкретизированный с католическими святыми, а также Христом и Девой Марией, пантеон духов доминиканского вуду (Лоа) имеет двойное значение — христианское и этноинтегрирующее значение доколумбовых верований индейцев Таино.

В представлениях гаитян вуду связан с их этнической идентичностью⁷ как потомков африканцев и, так или иначе, присущ самосознанию практически всего населения Гаити (преимущественно чернокожего). В свою очередь, ментальность более светлокожего населения Доминиканы (мулаты) более этноинтегрирована с Таино и африканский вуду в их самосознании непосредственно не связывается с этнической идентичностью. Напротив, в Доминикане (и не только) в последнее время нарастает тенденция к возрождению культурных особенностей Таино — в кухне, языке и т.п., в частности, на о. Самана создан музей индейцев Таино под открытым небом — «Парк Таино» [23].

В целом в ментальности доминиканского коллективного субъекта саморефлексируется этноинтегрирующая архаика индейцев Таино и католицизма, а в ментальности Гаити саморефлексируется этнодифференцирующее африканское происхождение вуду.

Эмпирико-психологический компаративный анализ

Результаты эмпирического исследования показали, что Доминикана по соотношению количества сетевых запросов с 16.05.2021 по 16.05.2022 гг. по темам премодерн («Бог»), архаика («Природа»), модерн («Знание»), относится, в отличие от крайне слаборазвитого Гаити, к группе стран с высокими темпами социально-экономического развития, такими как Куба, Чили, Аргентина, Китай и др. Гаити же

относится к группе стран с низкими показателями темпов развития – Россия, Либерия, Центрально-африканская республика (ЦАР), Мадагаскар.

Для стран с высокими темпами развития (рис. 1) характерно преобладание темы «Знание», для стран с низкими темпами развития характерно преобладание темы «Бог» (Гаити и др.), либо «Природа» (Либерия, Мадагаскар, ЦАР и др.) [11]. Недавно получены статистически достоверные результаты, свидетельствующие о связи преобладания темы «Знание», по сравнению с темами «Бог» и «Природа» в странах с высокими темпами экономического развития по мировым рейтингам. Следует отметить, что соотношение количеств сетевых запросов по данным темам достаточно устойчиво и практически неизменно с 2004 г. до настоящего времени.

В целом относительное преобладание количества запросов к указанным темам мы интерпретируем как не вполне осознаваемую мотивацию⁹, отражающую актуальные тенденции развития коллективного субъекта [11]. Ментальность гаитянского коллективного субъекта, исходя из рис. 1, находится на достаточно низкой ступени синтеза компонентов ментальности и недостаточной внутренней (неосознаваемой) мотивацией к усвоению компонента модерна — идеала общего блага и доверия к естественнонаучному познанию мира.

Обсуждение результатов

Сравнительный гуманитарный анализ свидетельствует о том, что ментальность гораздо более развитой по многим социально-экономическим показателям Доминиканы в то же время характеризуется существенно более высокой степенью синтеза этноинтегрирующей архаики и премодерна, по сравнению с Гаити.

⁷ В данном случае биолого-антропологическими признаками, прежде всего, черным цветом кожи.

⁸ В Республике Гаити в условиях абсолютного преобладания чернокожих потомков африканцев среди населения вопрос о возрождении культуры индейцев Таино, естественно, даже не ставится.

⁹ Используя известную метафору 3. Фрейда, можно сказать, что данная мотивация как «подводная часть айсберга» может быть представлена в самосознании на определенном будущем этапе развития конкретного коллективного субъекта.

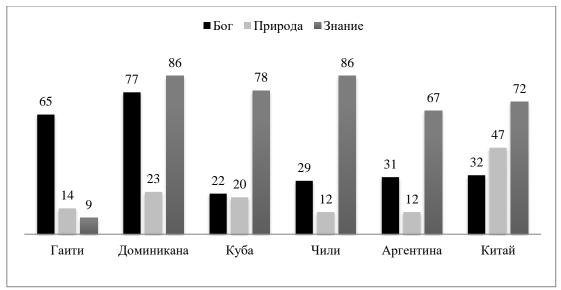

Рис. 1. Соотношение количества сетевых запросов по темам: «Бог», «Природа», «Знание» по Гаити, Доминикане и странам с высокими темпами социально-экономического развития

Ранее проведенные исследования с позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса показали, что высокая степень синтеза этноинтегрирующей архаики и премодерна в ментальности коллективного субъекта на примере стран латиноамериканского региона и Китая связаны с высокими темпами социальноэкономического развития [9; 12], а также относительным преобладанием количества сетевых запросов по теме «Знание» [10; 11]. Используя метод полной индукции можно предположить, что высокая степень синтеза этоинтегрирующей архаики и премодерна обусловливает повышение качества госуправления и, соответственно, повышение темпов социально-экономического развития 10 .

Результаты, полученные в исследованиях на уровне индивидуального субъекта, свидетельствуют о том, что высокий уровень синтеза этноинтегрирующей архаики обусловливает у субъекта повышение уровня репродуктивного и творческого интеллекта [13].

грирующего компонента архаики и компонента премодерна в повышении психологических и непсихологических показателей развития и адаптации коллективных субъектов разных стран мира [9; 10; 11; 12; и др.].

72

На основании принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма применительно к коллективному субъекту данный результат можно интерпретировать как высокий условный «коэффициент интеллектуальности» (IQ) государственного управления, измеряемый в исследованиях методом экспертных оценок [7; 15, с. 185]. Соответственно, с наших теоретических позиций высокое качество госуправления может рассматриваться как психологически обусловленное высокой степенью синтеза этноинтегрирующей архаики и премодерна в ментальности конкретного коллективного субъекта. Тот результат, что у коллективных субъектов с относительным преобладанием сетевых запросов по теме «Знание» имеют место высокие темпы социально-экономичес-кого развития, объясняется с позиций принципа этнофункционального развития. А именно, в том, что органичное включение в ментальность субъекта компонентов этноинтегрирующей архаики и премодерна обусловливает органичное усвоение способности к творческому естественнонаучному мышлению, характерному

¹⁰ В наших исследованиях, последовательно осуществляя доказательство методом полной индукции, мы от публикации к публикации показываем справедливость теоретически обоснованного положения о позитивной роли степени синтеза этноинте-

для ступени модерна [12; 13]. Иначе, интерес и способность к естественнонаучному познанию обусловливается повышением степени синтеза в ментальности субъекта компонентов этноинтегрирующей архаики и надэтнически-религиозных представлений.

Заключение

Проведенное исследование показало применимость концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса для психологического анализа условий повышения/снижения уровня социально-экономического развития коллективных субъектов стран. Было показано, что более высокое качество госуправления и, соответственно, более высокие показатели уровня социально-экономического развития Доминиканы, по сравнению с Гаити, могут быть обусловлены, кроме прочего, саморефлексией более высокой степени синтеза этноинтегрирующей архаики и надэтнически-религиозных представлений (премодерна) в ментальности Доминиканы. Саморефлексия относительно низкой степени синтеза этнодифференцирующей архаики и премодерна в ментальности Гаити на данный исторический момент может обусловливать недостаточную внутреннюю мотивацию (неосознаваемую) к усвоению представлений модерна – идеала общего блага и доверия к естественнонаучному познанию мира и, как следствие, недостаточные темпы социально-экономического развития.

Литература:

- 1. Гаити // Энциклопедический географический словарь / отв. редакторы Е.В. Варавина и др. М.: Рипол-классик, 2011.
- 2. Дугин А.Г. Археомодерн. М.: Арктогея, 2011
- 3. Журавлев А.Л. Психологические особенности коллективного субъекта / А.Л. Журавлев // Проблема субъекта в психологической науке / отв. ред. А.В. Брушлинский и др. М.: Акад. проект, 2000. С. 133-150.
- 4. Ильина В.Ф., Мирошина Е.В. Обзор причин разного развития Гаити и Доминиканской

- республики // E-Scio. 2021. №5. C. 420-434.
- Кареев Н. Общая методология гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2017. Т.16. № 3. С. 327-364.
- 6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
- 7. Национальная идея России: в 6 т. / Под ред. С.С. Сулакшина. Т. 1. М.: Науч. эксперт, 2012.
- 8. Стеценко Е.А. Постмодернизм и современная теория хаоса // Вопросы филологии. 2010. № 1. С. 82-91.
- 9. Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Сухарев А.В. Анализ ментальности стран латиноамериканского региона в связи с социально-экономическими показателями их развития в XXI веке // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. Вып. 4. С. 13-21.
- 11. Сухарев А.В. Эмпирическое компаративное исследование ментальности России и стран с различными показателями уровня и темпов социально-экономического развития // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 120-128.
- 12. Сухарев А.В. Развитие субъекта: Логос, космос и хаос. М.: Когито-Центр, 2022.
- 13. Сухарев А.В., Тимохин В.В., Выдрина Е.А., Шапорева А.А. Роль значений этнической функции представлений личности в изменении показателей уровня интеллекта // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 47-60. doi: 10.17759/exppsy.2019120204.
- Философия модерна и философия постмодерна: кол. монография / Отв. ред. и сост. В.Н. Финогенов. Орёл: Картуш, 2014.
- 15. Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2014.
- Lamarche S.R. Mitología y religión de los taínos. San Juan, Puerto Rico: Punto y Coma. 2006.

Интернет источники:

- 17. Вуду в Доминикане // URL: https://rutraveller.ru/group/caribbean/post?id=343 (дата обращения: 11.05.2022).
- 18. Гаити и Доминиканская республика. // URL:https://gerat.livejournal.com/114801.html (дата обращения: 11.05.2022).
- 19. Доминиканская республика: новости развития, исследования, данные // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/enru.ru.39ab9aab-6275350b-a43d9ed5-74722d776562/https/www.worldbank.org/en/country/dominicanrepublic/overview (дата обращения: 11.05.2022).
- 20. Доминиканское вуду // URL:https://translated.turbopages.org/proxy_u/enru.ru.8bc34409-626d1b3f-95797ebf-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/21 _Divisiones (дата обращения 11.05.2022).
- 21. Иностранная помощь Гаити // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/enru.ru.9fc2106b-627a3050-044bb02e-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/United_States_aid_to_Haiti (дата обращения: 11.05.2022).
- 22. Лебедев С.В. Когда правят афроамериканцы // URL:https://ruskline.ru/analitika/2009/01/31/kogda_pravyat_afroamerikancy/ (11.05.2022).
- 23. Музей индейцев Таино // URL: http://rdominican.ru/content/muzei-indeitsevtaino-na-ostrove-samanaдата обращения: (11.05.2022).
- 24. Народ Доминиканской республики // URL:https://translated.turbopages.org/proxy_ u/en-ru.ru.0cea2170-62766d86-9b87155e-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Do minican_people_(Dominican_Republic (дата обращения: 11.05.2022)
- 25. Официальный сайт Международного валютного фонда // URL: https://www.imf.org/external/ index.htm (дата обращения: 20.01.2021).

- 26. Официальный сайт Организации Объединенных Наций // URL: https://www.un.org/ru/ (дата обращения: 20.01.2021).
- 27. Разновидности и течения вуду // URL: https://magic-way.forum2x2.ru/t5507-topic#5745 (дата обращения: 11.05.2022).
- 28. Религия в Доминиканской республике // URL:https://en.wikipedia.org/wiki/Christian-ity_in_the_Dominican_Republic (дата обращения: 11.05.2022)
- 29. Религия на Гаити // URL:https://translated.tur-bopages.org/proxy_u/en-ru.ru.192ab820-6273e740-e41d1425-74722d776562/https/en. wikipedia.org/wiki/Religion_in_Haiti (дата обращения: 20.01.2021).
- 30. Список стран по индексу человеческого развития с учётом неравенства в распределении здоровья, образования и дохода // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_индексу_человеческого_развития_с_учётом_неравенства_в_распределении_здоровь,_образования_и_дохода (дата обращения: 11.05.2022).
- 31. Таино // URL: https://translated.tur-bopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d3894aa9-627408a7-1e84d552-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/AT ABEY_(Goddess) (дата обращения: 11.05.2022).
- 32. Экономика Доминиканской Республики // URL: https://translated.tur-bopages.org/proxy_u/en-ru.ru.39ab9aab-6275350b-a43d9ed5-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Dominican_economy#cite_note-18 (дата обращения: 11.05.2022).
- 33. Social Progress Imperative: Social Progress Index 2021 // URL: https://gtmarket.ru/ratings/social-progress-index (дата обращения: 09.04.2022)

Статья поступила в редакцию 16.07.2022

COMPARATIVE ANALYSIS THE MENTALITY DEVELOPMENT OF THE COUNTRIES WITH HIGH AND LOW SOCIO-ECONOMIC CHARACTERISTICS

© Akexandr V. Sukharev

Sc.D. (psychology), professor, leading researcher, laboratory of the history of psychology and historical psychology, Institute of psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia zavor753@mail.ru

The article provides a comparative analysis of the development of countries with high rates of socio-economic development from the standpoint of the concept of ethno-functional synthesis of chaos and cosmos, both in the process of humanitarian and empirical socio-psychological research. The analysis is carried out on the example of the Republic of Haiti with low rates of development and the Dominican Republic with high rates of development. The results of the study showed that the low indicators of thesocio-economic development of Haiti may be due to the low degree of synthesis of the archaic and Christian components of its mentality due to the predominance of the archaic ethno-differentiating content of Haitian voodoo, compared with the more ethno-integrating content of Dominican voodoo.

Keywords: mentality, Haiti, Dominicana, ethno-functional approach, archaic, premodern, modern, socio-economic development

REFERENCES

- 1. Gaiti [*Haiti*] (2011) // Enciklopedicheskij geografiche-skij slovar'/otv. redaktory E.V. Varavina i dr. [*Encyclopedic geographical dictionary / editors E.V. Varavina et al.*] M.: Ripol-klassik [*Moscow: Ripol-classic*].
- 2. Dugin A.G. (2011). Arheomodern [Archeomodern]. Moscow: Arktogeya, 2011.
- 3. ZHuravlev A.L. (2000). Psihologicheskie osobennosti kollektivnogo sub"ekta [*Psychological features of the collective subject*.] // Problema sub"ekta v psihologicheskoj nauke / otv. red. A.V. Brushlinskij i dr. [*The problem of the subject in psychological science* / rel. ed. A.V. Brushlinsky et al.]. Moscow: Akad. proekt, 2000. P. 133-150.
- 4. Il'ina V.F., Miroshina E.V. (2021). Obzor prichin raznogo razvitiya Gaiti i Dominikanskoj respubliki [Review of the reasons for the different development of Haiti and the Dominican Republic] // E-Scio. №5. P. 420-434.
- 5. Kareev N. (2017). Obshchaya metodologiya gumanitarnyh nauk [*General methodology of humanities*] // Sociologicheskoe obozrenie [*Sociological review*]. V.16. № 3. P. 327-364.

- 6. Levi-Bryul' L. (2012). Sverh"estestvennoe v pervo-bytnom myshlenii [*The supernatural in primary thinking*]. Moscow: Pedagogika-Press.
- 7. Nacional'naya ideya Rossii (2012). v 6 t. / Pod red. S.S. Sulakshina [*The National Idea of Russia: in 6 volumes / Edited by S.S. Sulakshin.*]. V.1. Moscow: Nauch. Ekspert [*Scientific expert*].
- 8. Stecenko E.A. (2010). Postmodernizm i sovremennaya teoriya haosa [*Postmodernism and modern chaos theory*] // Voprosy filologii [*Questions of Philology*]. № 1. P. 82-91.
- 9. Suharev A.V. (2017). Razvitie russkoj mental'nosti [Development of Russian mentality]. M.: Izdvo «Institut psihologii RAN» [Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"].
- 10. Suharev A.V. (2021). Analiz mental'nosti stran latinoamerikanskogo regiona v svyazi s social'noekonomicheskimi pokazatelyami ih razvitiya v XXI veke [Analysis of the mentality of Latin American countries in connection with socio-economic indicators of their development in the XXI century] // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke [Social and humanitarian sciences in the Far East]. V.18. Issue 4. P. 13-21.

- 11. Suharev A.V. (2021). Empiricheskoe komparativnoe issledovanie mental'nosti Rossii i stran s razlichnymi pokazatelyami urovnya i tempov social'no-ekonomicheskogo razvitiya [Empirical comparative study of the mentality of Russia and countries with different indicators of the level and pace of socio-economic development] // Vestnik slavyanskih kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]. V.62. P. 120-128.
- 12. Suharev A.V. (2022). Razvitie sub"ekta: Logos, kosmos i haos [*Development of the subject: Logos, cosmos and Chaos*]. Moscow: Kogito-Centr.
- 13. Suharev A.V., Timohin V.V., Vydrina E.A., SHaporeva A.A. (2019). Rol' znachenij etnicheskoj funkcii predstavlenij lichnosti v izmene-nii pokazatelej urovnya intellekta [*The role of the values of the ethnic function of personality representations in the change of indicators of the level of intelligence*] // Eksperimental'naya psihologiya [*Experimental psychology*]. V.12. № 2. P. 47-60. doi: 10.17759/exppsy.2019120204.
- 14. Filosofiya moderna i filosofiya postmoderna: kol. monografiya (2014) / Otv. red. i sost. V.N. Finogenov [*Philosophy of modernity and philosophy of postmodernity: Col. monograph / Ed. and comp. V.N. Finogenov*]. Oryol: Kartush.
- 15. YUrevich A.V. (2014). Psihologiya social'nyh yavlenij [Psychology of Social phenomena]. M.: Izd-vo «In-t psihologii RAN» [Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"].
- 16. Lamarche S.R. (2006). Mitología y religión de los taínos. San Juan, Puerto Rico: Punto y Coma.

Internet sources:

- 17. Vudu v Dominikane [*Voodoo in the Dominican Republic*] // URL:https://rutraveller.ru/group/car-ibbean/post?id=343 (data obrashcheniya: 11.05.2022).
- 18. Gaiti i Dominikanskaya respublika [*Haiti and the Dominican Republic*] // URL:https://gerat.livejournal.com/114801.html (data obrashcheniya: 11.05.2022).
- 19. Dominikanskaya respublika: novosti razvitiya, issledovaniya, dannye [*Dominican Republic: development news, research, data*] // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/enru.ru.39ab9aab-6275350b-a43d9ed5-74722d776562/https/www.worldbank.org/en/cou

- ntry/dominicanrepublic/overview (data obrashcheniya: 11.05.2022).
- Dominikanskoe vudu [Dominican voodoo] // URL:https://translated.tur-bopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8bc34409-626d1b3f-95797ebf-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/21_Divisiones (data obrashcheniya 11.05.2022).
- 21. Inostrannaya pomoshch' Gaiti [Foreign *aid to Haiti*] // URL: https://translated.tur-bopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9fc2106b-627a3050-044bb02e-74722d776562/https/en.wikipe-dia.org/wiki/United_States_aid_to_Haiti (data obrashcheniya: 11.05.2022).
- 22. Lebedev S.V. Kogda pravyat afroamerikancy [When African Americans rule] // URL:https://ruskline.ru/analitika/2009/01/31/kogda_pravyat_afroamerikancy/ (11.05.2022).
- 23. Muzej indejcev Taino [*Taino Indian Museum*] // URL: http://rdominican.ru/content/muzei-indeitsev-taino-na-ostrove-samanadata obrashcheniya: (11.05.2022).
- 24. Narod Dominikanskoj respubliki [*People of the Dominican Republic*] // URL:https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.0cea2170-62766d86-9b87155e-74722d776562/https/en. wikipedia.org/wiki/Dominican_people.(Dominican_Republic (data ob-rashcheniya: 11.05.2022)
- 25. Oficial'nyj sajt Mezhdunarodnogo valyutnogo fonda [Official website of the International Monetary Fund] // URL: https://www.imf.org/external/index.htm (data obrashcheniya: 20.01.2021).
- 26. Oficial'nyj sajt Organizacii Ob"edinennyh Nacij [Official website of the United Nations] // URL: https://www.un.org/ru/ (data obrashcheniya: 20.01.2021).
- 27. Raznovidnosti i techeniya vudu [*Varieties and currents of voodoo*] // URL: https://magic-way.fo-rum2x2.ru/t5507-topic#5745 (data obrash-cheniya: 11.05.2022).
- 28. Religiya v Dominikanskoj respublike [*Religion in the Dominican Republic*] // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Christianity_in_the_Dominican_Republic (data obrashcheniya: 11.05.2022)
- 29. Religiya na Gaiti [Religion in Haiti] // URL:https://translated.tur-bopages.org/proxy_u/en-ru.ru.192ab820-6273e740-e41d1425-

- 74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Religion_in_Haiti (data obrashcheniya: 20.01.2021).
- 30. Spisok stran po indeksu chelovecheskogo razvitiya s uchyotom neravenstva v raspredelenii zdorov'ya, obrazovaniya i dohoda [List of countries on the Human development index, taking into account inequality in the distribution of health, education and income] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_stran_po_indeksu_chelovecheskogo_razvitiya_s_uchyotom_neravenstva_v_raspredelenii_zdorov'ya,_obrazovaniya_i_dohoda (data obrashcheniya: 11.05.2022).
- 31. Taino [*Taino*] // URL: https://translated.tur-bopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d3894aa9-627408a7-1e84d552-

- 74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/ATA-BEY_(Goddess) (data obrashcheniya: 11.05.2022).
- 32. Ekonomika Dominikanskoj Respubliki [*Economy of the Dominican Republic*] // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.39ab9aab-6275350b-a43d9ed5-74722d776562/https/en. wikipedia.org/wiki/Dominican_economy#cite_note-18 (data obrashche-niya: 11.05.2022).
- 33. Social Progress Imperative: Social Progress Index 2021 [Social Progress Imperative: Social Progress Index 2021] // URL: https://gtmarket.ru/ratings/social-progress-index (data obrashcheniya: 09.04.2022)

The article was received 16.07.2022.

Медицинская психология

ИНФОДЕМИЯ SARC-CoV-2: ПСИХОЛОГИЯ СТРАХА

© Новоселов В.М.

директор АНО «Научно-медицинский геронтологический центр», Москва, Россия Председатель секции геронтологии МОИП при МГУ, Москва, Россия novoselovym@mail.ru

В статье рассматривается проблема влияния информации об эпидемиях и пандемиях на психологическое состояние общества. В наши дни количество средств передачи информации достигло уровня, который позволяет распространять любую ее за считанные минуты. Особенно травмирующей оказывается информация, которая оценивается человеком, как предупреждающая об опасности для него и его близких. Во время разгара эпидемии коронавируса SARC-CoV-2 весной 2020 года устрашающая информация поступала из самых разных источников. Люди не расставались со смартфонами, получая и передавая дальше сведения о вирусе и потенциальных рисках во всех социальных сетях, мессенджерах и платформах. Множественное некритическое цитирование новостей, просьбы профессиональной помощи или простого человеческого участия, часто поддержанной мрачными видеороликами и устрашающими фотографиями, создавали иллюзию абсолютной достоверности. Введение Генеральным директором Всемирной организации здравоохранения (BO3) (World Health Organization, WHO) 11 марта 2020 года в публичный оборот термина «пандемия», которое с правовой точки зрения не было регламентировано ни одним документом этой международной организации и не предполагало принятия особых специальных мер реагирования, было важнейшим триггером последующих событий. В статье рассматриваются факторы информационного влияния на население об опасностях заражения COVID, вызывающее у людей необоснованный стресс и панику.

Ключевые слова: пандемия, эпидемия, коронавирус, SARS-CoV-2, испанка, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), социальные сети

Природа вируса SARS-CoV-2 и история его появления

Мы часть этого мира, часть самой среды, — она влияет на нас, и мы ее изменяем. На поверхности нашего тела и внутри нас безмерный микромир — бактерии, грибы и археи. Они окружают растения и животных, которых мы одомашнили либо принимаем в пищу. И это многообразие постоянно изменяется, как изменяется и их взаимодействие.

Мы живем также и в мире вирусов. Они везде вокруг нас, даже в капле морской воды их количество 10⁹. Заглянув в историю медицины XXI,

XX века и даже обозримую часть XIX века (именно тогда был открыт первый вирус табачной мозаики, затем вирус оспы и бактериофаг), мы увидим сплошную череду вирусов ВИЧ, SARS, MERS, Эбола, вирусы гепатитов и даже вирус оспы обезьян, что напоминает практически постоянную ковровую вирусную бомбардировку нашей популяции — налеты идут один за одним. Но люди, не связанные профессионально с этим микромиром, не обращают внимания на то, что мы постоянно живем в мире вирусов и их эпидемий. Для этого есть профессионалы, которые, конечно, с ними успешно расправляются.

Так было до конца 2019 года, пока мир не получил известие о том, что появился новый коронавирус, который изначально обозначили как nCoV-2. Однако вирусы постоянно мутируют. Даже хорошо известный вирус гриппа серотипа H1N1 каждый год приходит к нам обновленным. Коронавирусы были открыты еще в середине 1960-х. Этот новый вирус из семейства зоонозных, в структуре обычной респираторной вирусной инфекции человека, которую врачи часто называют острым респираторным заболеванием. Известно 5 семейств и 39 видов вируса, и не факт, что эта цифра точная и уж тем более окончательная. Начиная с 2000-го года коронавирусы трижды довольно серьезно побеспокоили наш мир.

Правильное название нового вируса – SARS-CoV-2, он относится к бетакоронавирусам. Это одноцепочечный РНК-содержащий вирус. Инкубационный период – 7-14 дней, но отмечены и более ранние и более поздние сроки. Коронавирус входит в группу ОРВИ – заболеваний, вызываемых вирусами, объединённых по клинической и морфологической картине болезни.

Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Тедрос Аданом Гебреисус (Tedros Adhanom Ghebreyesus) заявил, что ситуацию с распространением COVID-19 можно охарактеризовать как пандемию. Вот его вступительное слово на брифинге по COVID-19 11 марта 2020 года: «Добрый день! За последние две недели число случаев заболевания COVID-19 за пределами Китая увеличилось в 13 раз, а число затронутых распространением вируса стран – втрое. В настоящее время в 114 странах зарегистрировано более 118 тыс. случаев заболевания, и 4 291 человек скончались. Еще тысячи людей борются за свою жизнь в больницах. Мы ожидаем, что в ближайшие дни и недели число случаев заболевания, число смертей и число затронутых вирусом стран еще более увеличится. ВОЗ круглосуточно оценивает ситуацию со вспышкой заболевания, и мы глубоко обеспокоены как тревожными уровнями распространения и сложности случаев заболевания, так и тревожными уровнями бездействия.

Поэтому мы делаем вывод, что распространение COVID-19 можно охарактеризовать как

пандемию. Пандемия — не то слово, которое можно использовать легкомысленно или небрежно. Если его неправильно использовать, оно может вызвать необоснованный страх или неоправданное смирение с тем, что борьба якобы окончена, что приведет к ненужным страданиям и смерти. Характеристика ситуации как пандемии не меняет оценки ВОЗ той угрозы, которую представляет этот вирус. Оно не меняет и того, что делает ВОЗ, или того, что должны делать страны.

Мы никогда не видели пандемии, вызванной коронавирусом. Это первая пандемия, причиной которой послужил коронавирус. Мы также никогда не видели пандемии, которую в то же время можно взять под контроль. ВОЗ работает в режиме полномасштабного осуществления ответных мер с тех пор, как нам сообщили о первых случаях заболевания. Мы ежедневно призываем страны предпринять срочные решительные действия. Мы громко и четко бьем в набат...» [1].

Итак, прозвучало контрольное слово «пандемия», причиной которой впервые в истории планеты стал именно коронавирус. Но стоит обратить внимание, что ни в одном из официальных документов ВОЗ не зафиксировано то или иное определение термина «пандемия». Вместе с тем, на странице официального сайта ВОЗ, посвящённой так называемому свиному гриппу, до недавнего времени имелась общая фраза, которую можно было бы считать определением: «Пандемия – это распространение нового заболевания в мировых масштабах».

Но именно этого распространения и не было по состоянию на день обращения Генерального директора ВОЗ — не все страны и даже континенты имели пациентов с коронавирусной пневмонией, а в Российской Федерации на тот день было лишь восемь инфицированных этим вирусом людей. И это в стране, где население почти 147 млн. человек. Но данный вирус, со слов генеральных чиновников ВОЗ, был каким-то необычным и непредсказуемым, чем частично и объяснялось введение режима пандемии.

Необычность была также в том, что введение в оборот термина «пандемия» с правовой точки зрения не регламентировано и не предполагает

принятия дополнительных чрезвычайных или специальных мер реагирования. В Международных медико-санитарных правилах термин «пандемия» также не используется. Важно сказать, что и не рост заболеваемости или ее прогнозы, сделанные на основании математического моделирования, а только уже имеющийся уровень заболеваемости, предполагает узкопрофессиональное использование данного термина.

Но это сигнальное слово «пандемия», которое согласно дословного перевода и сути подразумевает только широту заболеваемости, но ничего не говорит о тяжести болезни или его новизне, и услышал наш мозг — именно он первым встречает угрозу. Он же занимается не только оценками прошлого, но и прогнозами будущей опасности, на основе полученной и накопленной ранее информации. Именно мозг, а не иммунная система прогнозирует уровень опасности, когда она еще только на дальних подступах к редуту нашего здоровья.

Директор Европейского регионального бюро ВОЗ доктор Ханс Клюге (Hans Henri P. Kluge) 12 марта 2020 г. также заявил: «Все большее число стран сообщает о выявлении очагов заболевания или местной передаче вируса. Мы ожидаем, что в предстоящие дни и недели число случаев и число смертей продолжит быстро расти, и нам следует наращивать масштаб принимаемых нами ответных мер таким образом, чтобы там, где это возможно, действовать на упреждение. Такие меры помогут нам замедлить развитие пандемии, что даст системам здравоохранения время на подготовку и преодоление негативных последствий сложившейся ситуации.

Как мы неоднократно отмечали в последнее время, независимо от динамики распространения заболевания в каждой отдельно взятой стране, существует ряд мер, которые можно и необходимо принять. При этом универсального рецепта для всех стран Европейского региона не существует. Тот факт, что мы называем эту ситуацию пандемией, свидетельствует о том, что странам необходимо наращивать свои усилия, стараясь обеспечить оптимальный баланс между защитой здоровья населения, предотвращением экономической и социальной дестабилизации и соблюдением прав человека. Я признаю,

что для органов государственной власти это зачастую связано с принятием трудных решений...» [1].

Ведь именно ВОЗ дала свое определение, что «здоровье - это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезни». И это определение, несмотря на явную спорность, существует аж с 1948 года. Но сказав «пандемия» всему миру, именно эта организация забыла про психическое здоровье людей, и тем более социальное благополучие планеты.

Как итог только этих двух докладов, где выступающим не хватило мудрости не использовать слабо наполненного содержанием, местами невнятного, но устрашающего термина «пандемия», а также придание эпидемиологическому процессу характера повышенной опасности, наш мир оказался хрупким не только на уровне отдельного, особенно старого человека, но и государств и их институтов, включая институты общественного здравоохранения.

И люди заметно испугались, а социальные сети мгновенное сообщили об этом страхе. В результате – в конце марта 2020 года в магазинах были скуплены все мясные и рыбные консервы, на которые бы люди еще неделю назад просто не взглянули. Автор лично видел пустые полки в соответствующих отделах, и часовые очереди из людей с полными тележками с упаковками крупы, муки и масла. Раскуплены все маски, цены на которые взлетели в десятки и сотни раз. Закрылись границы, остановились самолеты и пароходы, многие служащие ушли на режим работы дома, школы перешли на обучение по видеосвязи. Некоторые страны стали вводить в оборот большие дополнительные объемы ничем не обеспеченных денег. Все СМИ начали говорить только об этом вирусе, делать прогнозы, хотя цифры еще «не созрели». Почти каждый блогер, журналист, врач, будь он даже вирусолог, высказывал свою хоть экспертную, но во многом личную позицию.

Эпидемия «испанки» – невыученные уроки прошлого

Здесь следует обратиться к истории медицины России периода испанки 1918-1919 гг. - тогда большевики, встретившись с новой эпидемией, собрали колоссальное по количеству участников и значению, собрание: «Как только «испанская» болезнь проникла в пределы Советской Республики и стала принимать характер грозной эпидемии, Народный Комиссариат Здравоохранения предпринял меры к изучению этой болезни. Были собраны совещания специалистов-бактериологов и эпидемиологов, командированы научные экспедиции (проф. Е.И. Марциновского в Зубцов, Тверской губ.) и отдельные лица (д-р А.И. Федорович в Вятку и Пермь) для исследования первых вспышек. Кроме того, по инициативе Комиссариата постановлено широко-научное изучение болезни в Московских клиниках, больницах и лабораториях с привлечением научных сил и врачей больничной и санитарной службы. Не ограничиваясь этим, Комиссариат задался целью поставить вопрос об «испанской» болезни перед массой московских врачей, чтобы ознакомить их с полученными уже результатами изучения болезни, поднять интерес к исследованию этого нового серьезного бедствия и привлечь рядового врача к общей работе в борьбе с эпидемией. Для этого Комиссариатом было собрано 20 октября в одной из наиболее обширных аудиторий 1-го Московского Университета собрание московских врачей. Инициатива Комиссариата встретила живой отклик. Собрались до 1500 врачей, переполнивших аудиторию до последних пределов. В программе собрания были намечены сообщения, освещающие вопрос об «испанской» болезни со всех сторон, а 1) «Историко-эпидемиологический именно: очерк, так называемой «испанской» болезни», проф. П.Н. Диатроптова; 2) «Статистические сведения о развитии эпидемии в Республике», – д-ра Н.А. Кост и д-ра Е.М. Иванова; 3) «Симптоматология болезни по данным городских больниц», – проф. В.Д. Шервинского, д-ра В.И. Соколова, д-ра П.И. Елистратова и д-ра Н.И. Лебедевой; 4) «Патологоанатомические данные об «испанской» болезни, прив.-доц. А.И. Абрикосова и д-ра Давыдовского; 5) «Бактериология и общая этиология «испанской» болезни», — проф. Л.А. Тарасевича и д-ра Е.И. Марциновского; 6) «Меры борьбы с «испанской» болезнью в Москве», — д-ра С.С. Молоденкова и д-ра Г.П. Пинегина» [2].

Проведение такого мероприятия, которое привлекло каждого 20-го врача в стране (на момент начала Первой мировой войны было всего 28100 врачей, сегодня врачей более 700 тыс. человек, при сравнимом количестве населения Российской Федерации и Российской империи) на наш взгляд говорит о грандиозности этого мероприятия, практически неизвестного ни в истории планеты, ни в истории медицины. При этом важно, что они не вводят в оборот термин «пандемия», а говорят о грозной эпидемии.

А вот как осторожность в оценках звучит в докладе доктора Кост Н.А. «Статистические данные о распространении испанской болезни в Республике» в Первом номере «Известий Народного комиссариата здравоохранения» за 1919 год: «Из поступивших отчетов интерес представляет отчет за вторую половину сентября по всей Витебской губ. и с 1 по 7 октября но Невельскому уезду этой же губернии. Из 11 уездов, входящих в состав Витебской губ. оказались пораженными «испанской» болезнью 7, давших с 15 по 30 сентября 2326 заболеваний. Из данных по другим губерниям следует отметить: а) почти одинаковую с Витебской губ. смертность в Тверской губ., дающей в среднем 1,5%, в Тульской губ. – около 1,3% и более значительную в Вятской – около 3,7%; б) быстроту распространения: в Тульской губ., по Веневскому уезду количество заболевших в первой половине сентября равное 60 – резко увеличивается до 2501 во второй половине его.

Приведенные цифры не могут, конечно, претендовать в настоящее время на установление какой-либо закономерности в развитии эпидемии, так как являются результатом сравнительно небольших абсолютных чисел. Собираемый ныне материал даст возможность сделать это лишь после накопления его и разработки» [3].

При этом стоит обратить внимание, что доклад делается только перед врачебным цехом новой столицы России, а не публикуется во всех

газетах и журналах, которых тогда в России было не меньше, чем в Европе.

Социальные сети и информационный стресс

Активный участник событий 2020 года, который нельзя не отметить в истории эпидемического процесса, это социальные платформы и сети, уровень развития которых сегодня можно назвать эпохальным, ведь они являются частью характеристики нашей эпохи. В 2012 году число пользователей социальных сетей в мире составляло только 1,48 млрд. человек. К 2021 году 58,4% от общей численности населения мира (4,63 млрд. из 7,9 млрд.) пользуются ими. Такой рост говорит, что каждый год в течение дести лет к социальным сетям присоединялось чуть менее 1 млн. человек в сутки.

Сегодня 14,8% пользователей интернета во всем мире считают Instagram своей любимой социальной сетью, Facebook (14,5%) на втором месте. Whats Арр возглавил мировые рейтинги с 15,7% [4].

Согласно исследованиям 2016 года, проведённым Pew Research Center, значительное число граждан США получает новости именно через Facebook. При этом эта социальная сеть ранее уже обвинялась в том, что её алгоритмы отбора новостей корректировались сотрудниками, влиявшими на то, какие именно новости будут показаны пользователям в первую очередь, а какие будут замалчиваться. Таким образом, эта социальная сеть, как вероятно и другие платформы, состоящие из множества алгоритмов, позволяют влиять на информационное поле отдельных стран, и планеты в целом.

Она также имеет возможность «подкручивать» и эмоциональную оценку любых событий, при этом заподозрить вмешательство очень трудно, так как можно сослаться на выбранный алгоритм, а выбравший такой алгоритм сотрудник может быть заменен на другого: «Во вторник вице-президент Facebook по поиску Том Стоки (Тот Stocky) обратился к противоречию в своем собственном посте, отрицая обвинения в предвятости и написав: "Мы не вставляем истории искусственно в популярные темы и не инструктируем наших рецензентов делать это". Но

рано утром в четверг Guardian получила внутренние правила Facebook для раздела популярных тем, которые противоречили заявлению Стоки. Документы включают инструкции о том, как кураторы могут "вставлять" или "заносить в черный список" материалы в трендовых темах. Редакционная группа может [так в оригинале] добавить интересную тему, если что-то привлекает много внимания, например, #BlackLivesMatter, – говорится в руководстве. Вице-президент Facebook по глобальным операциям Джастин Ософски (Justin Osofsky) впоследствии написал свой собственный блог о редакционных правилах, которые были опубликованы, и уточнил, что многие темы отклонены, потому что они отражают то, что считается "шумом"» [5].

Это явление, когда стрессогенная информация об угрозах жизни, здоровью и благосостоянию мгновенно охватила весь мир и перевела тумблер общественного здравоохранения и психологического здоровья общества из состояния «здоровье» в положение «болезнь», впервые и показательно произошло у нас на глазах в начале разгара эпидемии коронавируса. Едва услышав новость из социальной сети, мозг начинает делать прогнозы. Пытаясь разобраться, люди делились этой зачастую заведомо искаженной информацией и незаметно для себя увеличивали её искажение. Эту информацию можно признать важным фактором стресса или дистресса в современных условиях, а ответ на нее со стороны человека общей неспецифической адаптационной реакцией, которую автор теории о стрессе Ганс Селье так и назвал.

В обороте стал употребляться термин «инфодемия», обозначающий распространение дезинформации с целью создания стрессовой ситуации посредством слухов, фейков, утрирования ситуации или её отрицания; избыточный объём информации о коронавирусе, вытесняющий из поля зрения иные политически и социально острые проблемы [6].

Позднее чиновники ВОЗ пытались откреститься от того, что они назвали эпидемию пандемией, при этом удивительный факт, но в русскоязычной википедии сразу же начались множественные правки этого термина, что можно

объяснить как попытку привести определение к тому, что происходило. А ведь то, что происходило, не очень было похоже на пандемию ни по распространению, ни по уровню летальности, который характерен для особо опасных инфекций.

Особенно это стало заметно в социальной сети Facebook, формат которой позволял не только писать объемного формата тексты и вести убедительные дискуссии, но и вычищать любые мнения, которые не нравились автору той или иной идеи. Интересно и то, что в этой социальной сети почти мгновенно стали формироваться группы, которые не пропускали противоположные мнения, призывающие задуматься и не принимать поспешных решений. Одновременно такие фокус-группы могли легко делиться своим токсичным мнением только одним нажатием кнопки при условии, если это не нарушало политику социальной сети, а фактически правила, устраивающие руководство данного бизнес-проекта.

Проявился и особо злокачественный вариант – позиционирование себя медицинским блогером, хотя это самоназвание не добавляло к непрофильному образованию бухгалтера или журналиста ни среднего медицинского образования, ни медико-биологических знаний. При этом мнение блогеров без признаков профильного образования, но с несколькими миллионами активных подписчиков, стало распространяться быстрее, чем слова иммунолога или эпидемиолога с мировым именем, высказавшего свое экспертное мнение на «Эхе Москвы».

Телевизионные новости также имели характер фронтовых сводок, где было много цифр статистики по заболеваемости, по количеству занятых и свободных коек, о смертности и летальности по городам, регионам и странам, что придавало им убедительности. Хотя сами характеристики диагнозов, в том числе постмортального, как и подходы к ним, также многократно менялись не только самой ВОЗ, но и министерствами здравоохранения разных стран, что неуклонно приводило к изменению цифровой отчетности по заболевшим и умершим.

Профессиональный цех врачей тут тоже отличился – появилось множество фриков, которые,

хоть и имели диплом о высшем медицинском образовании и даже профессорские звания, тем не менее, быстро забыли, что они не иммунологи, не вирусологи, не вакцинологи, а врачи УЗИ, терапевты или урологи. Они не только не потеряли экспертность, перейдя на смежное поле биоинфомартики и полевой эпидемиологии, но, что более важно, и никогда ее не имели. А часто даже не знали отличие РНК-вируса от ДНК-содержащих вирусов. Тем не менее, такие горе-специалисты в погоне за лайками и саморекламой, активно продолжали накручивать свою популярность, строча ежедневные посты и участвуя в телевизионных передачах сомнительного характера.

Многие специалисты не обратили внимания на фактор стрессогенности термина пандемия, одни в силу понимания того, что за ним не стоит дополнительной смысловой нагрузки, другие, действительно, признали ее пандемией в силу скорости нарастания уровня заболеваемости. Но требовалось ли озвучивать на весь мир этот термин? И наоборот, не следовало ли за ним дать пояснения, что термин говорит не о новизне вируса, не о его смертности или летальности (для этого есть другие термины, например, «особо опасные инфекции»), не о скорости эпидемического процесса, а только об имеющемся уровне заболеваемости?

Эта эпидемия вируса SARS-CoV-2 принесла миру новый урок, что не стоит уповать на опыт ВОЗ, которая фактически состоит из чиновников от медицины, большей частью растущих по карьерной лестнице этой международной общественной организации, а не занимающихся лечебной деятельностью. Как заключение ВОЗ выпустила свой крупнейший с начала века обзор мировой проблематики психического здоровья: «В 2019 г. во всем мире психическими расстройствами страдали почти 1 миллиард человек, в том числе 14% подростков. Более одного процента случаев смерти произошли в результате самоубийств, при этом 58% сущидов были совершены лицами в возрасте до 50 лет. Психические расстройства – ведущая причина нетрудоспособности, на долю которых приходится одна шестая общего числа лет, утрачиваемых в результате инвалидности. Смерть людей с тяжелыми психическими заболеваниями наступает в среднем на

10—20 лет раньше, чем в общей массе населения, в основном из-за развития поддающихся профилактике физических заболеваний. Ведущими причинами депрессии являются сексуальное насилие в детском возрасте и издевательства над детьми. К глобальным системным угрозам психическому здоровью относятся социально-экономическое неравенство, чрезвычайные ситуации в области здравоохранения, войны и климатический кризис. Только за первый год пандемии распространенность депрессии и тревожных расстройств выросла более чем на 25%» [7].

В этом подробном документе намечаются действия правительств, академических кругов, медицинских специалистов, гражданского общества и других сторон, призванных изменить подход к вопросам психического здоровья во всем мире. Но в этом документе ВОЗ не дает оценок действиям своих руководителей.

И только вопрос времени, когда чиновники ВОЗ, по сути не являясь действующими врачами, построившими свою карьеру в административном формате структур, приближенных к этой организации, предложат миру новую пандемию на основе совершенно другого вируса [8].

Заключение

В термине «пандемия» для профессионального мышления врачей нет никакого дополнительного смысла по сравнению с термином «эпидемия» (только масштабы распространения заболевания), тогда как непрофессиональное или бытовое мышление придало этому термину дополнительные угрозы, что негативно отразилось на психологическом состоянии общества и душевном здоровье людей;

Сделанное 11 марта 2020 г. Генеральным директором ВОЗ заявление о том, что распространение COVID-19 приобрело характер пандемии, было направлено на то, чтобы показать серьезную озабоченность в связи с быстрым распространением инфекции и «тревожащим уровнем бездействия», но оказало явно невротизирующее воздействие на все уровни государственных институтов всех стран и их граждан;

Пандемия – это не только заболеваемость, состояние здравоохранения, противоэпидемические меры, но и ее информационная составляющая, которая однонаправленно с вирусом бьет по психологическому здоровью все более стареющего населения планеты. При принятии решений в сфере общественного здравоохранения надо учитывать, что социальные сети более всего разносят информационную компоненту пандемической волны;

Вероятно, что пандемией можно назвать ту эпидемию, которая не только или не столько уже имеет характер всепланетарного масштаба, но и которая кардинальным образом изменяет жизнедеятельность всей планеты. И вероятно, именно уровень изменения жизнедеятельности общества, включая вовлеченность всего общественного здравоохранения, не менее важный фактор термина, чем количественный показатель заболеваемости, но в момент объявления пандемии не было всепланетарных масштабов;

Не учитывать информационный фон, на котором проходит эпидемический процесс, в том числе и в ведущих социальных сетях, сегодня уже нельзя и именно поэтому стоит более активно размещать консолидированное профессиональное мнение врачей в социальных сетях, при этом предварительно клиническому цеху стоит прийти к профессиональному консенсусу, как это сделали русские врачи во время грозной эпидемии «испанки» 20 октября 1918 года;

В большом количестве тревожно-депрессивных расстройств, особенно среди лиц пожилого и старческого возраста, перенесших коронавирусную болезнь, нельзя исключить прочие факторы, в том числе и информационный стресс, которые создавали все уровни от чиновников ВОЗ до коллекционеров за «лайками» в TikTok;

Таким образом, ВОЗ, как один из важнейших источников панических атак среди населения, требует реформирования под новые задачи - сегодня мир не только в состоянии развивающегося эпидемического процесса, но и, возможно, на пороге следующей пандемии; руководители этой международной общественной организации, сами не должны участвовать в создании панических настроений. Поэтому деятельность ВОЗ должна быть более прозрачна и не зависеть

от любых эмоций чиновников, глубоко встроенных в деятельность организаций со своими бизнес-интересами.

Выводы:

- в случае последующих пандемий, властям стоит подумать о создании информационных центров, включающих специалистов в разных сферах (социальной психологии, полевой эпидемиологии, биоинформатики, вакцинологии, медицины катастроф), в задачи которых будет входить не только публичное представление консолидированного профессионального мнения, но и противодействие стрессогенной ситуации, от кого бы она не исходила;
- особое внимание в РФ следует обратить на алгоритмы социальных сетей, которые могут правиться под бизнес- и политические интересы главных акционеров;
- лидеры международных организаций, к коим относится и ВОЗ, лидеры правительств и партий должны быть значительно более аккуратными в своих обращениях населению планеты;

Литература:

- 1. Новоселов В.М. От испанки до COVID-19: хроники нападения вирусов. М.: Эксмо, 2020.
- 2. Новоселов В.М. Испанка в Советской России 1918-1919 гг. (документальные хроники эпидемии). М.: ГЭОТАР-Медиа. 2022. DOI: 10.33029/9704-6776-3-SPA-2022-1-272.

3. Известия Народного комиссариата здравоохранения. 1919. №1.

Интернет источники:

- 4. Global Digital 2022: вышел ежегодный отчёт об интернете и социальных сетях главные цифры // https://www.sostav.ru/publication/weare-social-i-hootsuite-52472.html
- Thielman S., Wong J.C. Facebook trends: Zuckerberg invites top conservatives to talk and denies bias, The Guardian (13 May 2016) // https://www.theguardian.com/technology/2016/may/12/zuckerberg-denies-facebook-bias-invites-conservatives-talk
- 6. Инфодемия // https://ru.wiktionary.org/wiki/% D0% B8% D0% BD% D1% 84% D0% BE% D0% B4% D0% B5% D0% BC% D0% B8% D1% 8F
- 7. ВОЗ: необходимо срочно изменить подход к психическому здоровью и оказанию психиатрической помощи // https://www.who.int/ru/news/item/17-06-2022-who-highlights-urgent-need-to-transform-mental-health-and-mental-health-care
- Всемирная сеть здравоохранения объявила оспу обезьян пандемией Пресс-релиз // https://www.worldhealthnetwork.global/monkey poxpressrelease?fbclid=IwAR0ByetWKvmttbM zk3Dfh1k5hrfR5KizH7kYuX6Tkf5s2FVbDAG PGxZ1I 4

Статья поступила в редакцию 24.06.2022

INFODEMIA SARS-CoV-2: PSYCHOLOGY OF FEAR © Valery M. Novoselov

Director, ANO Scientific and Medical Gerontological Center, Moscow, Russia Chairman, Section of Gerontology, MOIP at Moscow State University, Moscow, Russia novoselovvm@mail.ru

The article deals with the problem of the influence of information about epidemics and pandemics on the psychological state of society. Nowadays, the number of means of transmitting information has reached a level that allows you to distribute any of it in a matter of minutes. Especially traumatic is the information that is evaluated by a person as warning about the danger to him and his loved ones. During the height of the SARC-CoV-2 coronavirus epidemic in the spring of 2020, frightening information came from a variety of sources. People did not part with smartphones, receiving and transmitting further information about the virus and potential risks in all social networks, messengers and platforms. Multiple uncritical citations of news, requests for professional help or simple human involvement, often supported by gloomy videos and frightening photographs, created the illusion of absolute authenticity. The introduction of the term "pandemic" by the Director General of the World Health Organization (WHO) on March 11, 2020 into public circulation, which from a legal point of view was not regulated by any document of this international organization and did not involve the adoption of special response measures, was the most important trigger subsequent events. The article examines the factors of informational influence on the population about the dangers of COVID infection, which causes unreasonable stress and panic in people.

Keywords: pandemic, epidemic, coronavirus, SARS-CoV-2, Spanish flu, World Health Organization (WHO), social networks

REFERENCES

- 1. Novoselov V.M. (2020). Ot ispanki do COVID-19: hroniki napadeniya virusov [From the Spanish flu to COVID-19: chronicles of the attack of viruses]. Moscow: Eksmo.
- Novoselov V.M. (2022). Ispanka v Sovetskoj Rossii 1918-1919 gg. (dokumental'nye hroniki epidemii) [The Spaniard in Soviet Russia 1918-1919. (documentary chronicles of the epidemic)]. Moscow: GEOTAR-Media. DOI: 10.33029/9704-6776-3-SPA-2022-1-272.
- 3. Izvestiya Narodnogo komissariata zdravoohraneniya [*News of the People's Commissariat* of Health]. 1919. № 1.

Internet sources:

4. Global Digital 2022: the annual report on the Internet and social networks has been released – the main figures // https://www.sostav.ru/ publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html

- 5. Thielman S., Wong J.C. Facebook trends: Zuckerberg invites top conservatives to talk and denies bias. The Guardian (13 May 2016) // https://www.theguardian.com/technology/2016/may/12/zuckerberg-denies-facebookbias-invites-conservatives-talk
- 6. Infodemia // https: //ru.wiktionary.org/wiki/ %D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D0% B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%8F
- 7. WHO: there is an urgent need to change the approach to mental health and mental health care // https://www.who.int/ru/news/item/17-06-2022-who-highlights-urgent-need-to-transform-mental-health-and-mental-health-care
- 8. The World Health Network declared monkey pox a pandemic – Press release // https://www.worldhealthnetwork.global/monkeypoxpressrelease?bclid=IwAR0ByetWKvmttbMzk3Dfh1k5hrfR5KizH7kYuX6Tkf5s2FVbD AGPGxZ1I_4

The article was received 24.06.2022

Цивилизационная ситуация в мире на пороге XXI века: Россия, геополитические реалии и следствия // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т.2. №3. С. 87-93.

DOI: 10.38098/proceedigs_2022_02_03_08

The civilization situation in the world at the threshold of the XXI century: Russia, geopolitical realities and consequences.

Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 2. No. 3. Pp. 87-93.

DOI: 10.38098/proceedigs_2022_02_03_08

Sosnin V.A.

Дискуссии

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В МИРЕ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА: РОССИЯ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И СЛЕДСТВИЯ

© Соснин В.А.

кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии,

Институт психологии РАН, Москва, slavabusya@mail.ru

Следствием преобразований на пороге XXI века стало ослабление доминирования западной цивилизации и формирование новых геополитических центров сил и международных союзов. Понимая объективное ослабление своей гегемонии, Запад стал противодействовать и отстаивать ее экономическими, военными, дипломатическими и информационно-психологическими средствами. Возникло обострение глобальной гибридной информационной борьбы в мире. Эти соображения определили цель и содержание статьи. В статье акцент сделан на геополитических аспектах и психологополитических составляющих. Статья ориентирована на развитие историко-психологического подхода в социальной и политической психологии. Рассмотрена цивилизационная ситуация в мире в XXI веке и массовое политическое сознание россиян в контексте исторического развития, проанализированы особенности политического сознания в исторической перспективе, обозначены факторы, влияющие на его формирование.

Ключевые слова: цивилизация, геополитика России, власть, политическое сознание, исторические детерминанты, политические режимы, социальная психология, группы, личность.

Введение

Исследования психологических аспектов геополитики и актуальных социально-психологических проблем обычно проводятся в рамках политической психологии [2]. Изучение ценностных ориентаций, функционирующих в сфере геополитического пространства, связано с исследованиями массового сознания, поведения, коллективных настроений, стереотипов и т.д. Эти факторыслужат формированию политической солидарности граждан и проявляют себя в политической дихотомии «свой – чужой» [1; 3].

Особенность современной геополитической ситуации связана с доминированием западной цивилизации в мире (около пяти столетий), которая

определяла ценности его развития. Но Современный мир развивается и переформатируется.

Современная геополитическая ситуация в XXI веке: геополитические реалии и следствия

В исследовательской литературе проблематика геополитических отношений в мире освещена достаточно подробно (национальная и психологическая безопасность, коррупция, конфликты, терроризм и т.д.) [3; 6; 8; 9]. Духовно-религиозные противоречия Запада и традиционных цивилизаций состоят в том, что они отвергают современные ценности Запада (гомосексуализм, лесбиянство, педофилию, однополые браки и т.д.). Западная цивилизация, доминируя в культуре и христианстве (в католической версии) на

протяжении пяти веков, в конце XX – начале XXI веков отпала от Бога (впала в апостасию) и является угрозой существованию цивилизации. В современном мире происходит возникновение новых геополитических центров (геостратегического союза России и Китая, развитие Индии как ядерной державы, международные союзы СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС и др).

США. В 2020 г. в США состоялись выборы президента. Но ситуация с последними выборами президента США беспрецедентна! Фактически население страны расколото (приблизительно 50 на 50). Проигравший президент оспаривает состоявшиеся выборы. Какие же психолого-политические следствия возникают в этой связи? Прежде всего, это отрицательное влияние на ценностные представления, массовое сознание, стереотипы восприятия и поведение населения. США как оплот демократии западного мира своим поведением разрушает ее основы. В целом глобальная проблема Запада в психолого-политическом плане – это не разрешимая проблема расовой дискриминации. Проводимая много лет политика мультикультурализма завела Запад в тупик. ЕС наводнили миллионы выходцев из Африки и стран ислама, которые по своему менталитету объективно не хотят (и не могут) адаптироваться к культуре принимающих стран. Происходящие в США событияотражают ее современное состояние и в геополитическом плане являются свидетельством вступления мира в новую глобальную цивилизационную ситуацию.

Западная Европа. Как свидетельствует ряд аналитиков, после выхода Англии из ЕС он находится на грани развала и усиливаются тенденции возврата к национальным государствам. Западная Европа, не смотря на наличие ядерного оружия (Англия и Франция), в возможной военной конфронтации с Россией зависит от США. А Польша (как лимитрофное государство) пытается играть в ЕС роль субъекта, провоцирующего запад на противостояние с Россией. Психолого-политические следствия для рядового населения ЕС в этой связи достаточно очевидны.

Прибалтика. Литва, Эстония, Латвия, вступив в ЕС и НАТО, проводят агрессивную русофобскую политику (как лимитрофные государства

они по своим географическим и экономическим особенностям не могут обеспечить свой суверенитет) [4; 7; 11]. В истории такие государства для сохранения своей легитимности всегда примыкали к центрам геополитической силы. В ситуации XXI века большинство из них примкнули к западному цивилизационному силовому центру (что не удивительно, учитывая негативную историю взаимоотношений с Россией).

Турция. Турция в XXI веке, по-видимому, восстанавливают свою историческую память (она до XIX века была империей, претендующей на всемирный халифат и покорение христианской цивилизации) [4]. Но Россия в войнах с Турцией поставила конец Османской империи, хотя в XXI веке она вновь стремится играть роль регионального стратегического субъекта на мировой арене.

Как пишет А. Маслов в газете «Завтра»: «Я далек от того, чтобы... обвинять... турок...и ...Эрдогана лично. Но не понимать особенностей их сознания и поведения ...это все равно, что браться за оголенный провод..., а потом удивляться неприятным последствиям... Реджеп Эроган, во-первых, является сильнейшей фигурой на турецком политическом поле..., во-вторых, играет свою игру... Собственно, большая часть современного турецкого общества представляет собой миллионы «эрдоганов»... Но на вопрос «Что делать?» ответ может быть только один – полностью лишить нынешние турецкие власти...любого доверия...» [5].

Экспансия Турции распространяется не только на арабские страны, но и на Северный Кавказ (в связи с конфликтом между Арменией и Азербайджаном), что является особой проблемой для безопасности России. У России есть возможность воздействовать на Турцию (газовый поток через Турцию в Европу; строительство в ней ряда атомных реакторов; приобретение у России комплексов С-400, обслуживание которых зависит от РФ; кроме этого, Россия может ограничить поток туристов из РФ). Россия однозначно должна жестко реагировать и противодействовать Турции, исходя из своей национальной безопасности.

Таким образом, в России и западном мире к Турции в связи с ее поведением превалирует нега-

тивное отношение. Население России в стереотипах восприятия и поведении относится к ней негативно. Запад во главе с США также относится к
ней плохо в связи с ее, скажем так, непредсказуемым поведением (хотя рядовое население США
внешняя политика не интересует). Но для России,
США и ЕС поведение Турции в психолого-политическом плане отрицательно влияет на население, что необходимо учитывать во внешней политике.

Поэтому отношения с Турцией России необходимо строить исходя из геополитических интересов. С ней можно заключать временные союзы, но не стоит забывать, что Турция наш исторический геополитический противник. Ее поведение как в средние века, так и в XXI веке, ориентировано на завоевание мира и желание установить всемирный халифат, не смотря на ее участие в НАТО, интересы ЕС, США и т.д. Но история цивилизации много раз доказывала тщетность этих усилий. Войны могут завершаться (и всегда завершаются) победой более сильной стороны. Политика – это по существу силовая деятельность геополитических субъектов истории по реализации и сохранению своих национальных интересов (и этому в истории есть масса свидетельств от сотворения мира до наших дней).

Украина. Пример Украины показателен. В 2014 г. в ней произошел антиконституционный переворот. К власти пришло националистическое руководство и стало проводить агрессивную русофобскую политику. Фактически Украина потеряла субъектность и стала инструментом борьбы запада против России. После развала СССР Руководство России во главе с Ельциным, образно выражаясь, «погрязло» во «встраивании России в "демократический мир Запада"». В этот период спецслужбы США целенаправленно проводили в Украине работу по изменению национального сознания ее населения (особенно элиты) агентурными средствами и с помощью НПО. И эта цель была реализована - к власти привели русофобское нацистское руководство и переформатировали ценности массового сознания населения Украины, его коллективные настроения, стереотипы восприятия и поведение как враждебное отношение населения Украины к России как к врагу.

Белоруссия. Ситуацию в Белоруссии в связи с выборами президента в 2020 г. можно было предвидеть. Россия и Белоруссия входят в союзное государство с сохранением своего суверенитета. Но в этих отношениях остается много разногласий — в цене на нефть, газ, в налогах и т.д. Белоруссия хотела бы развивать экономические отношения с Россией как бы уже входящей в единое государство (цены на нефть и газ как в России, свои товары в Россию не облагать налогами и т.д.), и в то же время проводить экономическую политику, не считаясь с интересами России.

Президент Белоруссии сделал много психолого-политических и стратегических ошибок. Вопервых, в Белоруссии многие законы принимались под его нажимом. Аналитики отмечают, что с демократией в стране были проблемы (послушный парламент, его авторитарные действия при возникновении любых проблем и т.д.). Во-вторых, он начал проводить политику многовекторности — ориентации и на Запад, и на Россию. Но фактически стал ослаблять отношения с Россией и осуществлять в отношении нее недружественные действия (не осудил выход Косово из Сербии, не признал референдум жителей Крыма о выходе из Украины после переворота в ней в 2014 г. и т.д.).

Он перестал учитывать состояние населения Белоруссии и понимать, что в стране выросло поколение, которое не станет, образно выражаясь, «смотреть ему в рот» и будет подвержено информационно-психологическим воздействиям «западных друзей», а также собственных либералов. Главное – Президент Белоруссии в связи со своим авторитарным характером и длительным нахождением во власти психологически перестал адекватно понимать состояние населения страны и его изменившееся сознание. Руководство РФ не вмешивается в ситуацию в Белоруссии, но предупредило Запад, что при возникновении критической ситуации в Белоруссии, Россия оставляет за собой право на решительные действия. Психолого-политические следствия очевидны.

Армения и Азербайджан. Конфликт между этими странами длится более 30 лет. В 1923 г. была образована Нагорно-Карабахская автономная область (НКАО) в составе Азербайджанской ССР. Поскольку жалобы армян на неравноправное положение игнорировались (более 70% ее населения составляли армяне), в Карабахе в 1988 г. был проведен референдум. Большинство населения высказалось за присоединение области к Армении. В 1991 г. Нагорный Карабах провозгласил независимость. Азербайджан в конфликте главным препятствием для его урегулирования считает оккупацию армяно-карабахской стороной части азербайджанской территории.

Президент Азербайджана и премьер-министр Армении выступили с аргументацией своих позиций по конфликту. Обе стороны обвинили друг друга в разжигании конфликта. Фактически развернулась война с применением тяжелых вооружений. С обеих сторон были жертвы, усилилась истерия среди населения. Были объявлены военные положения и запись добровольцев. Сопредседатели ОБСЕ по разрешению конфликта призвали обе стороны прекратить военные действия, сесть за стол переговоров и урегулировать конфликт переговорно-дипломатическим путем.

Турция заявила, что будет поддерживать Азербайджан всеми средствами (две страны — одна нация). Россия и Армения как православные цивилизации хорошо помнят геноцид армян Турцией в 1915 г. Цель Турции в конфликте состояла в том, чтобы превратить его в религиозно-национальный. Руководство РФ смогло прекратить конфликт с согласия конфликтующих сторон и выработать долговременную перспективу мирного разрешения конфликта (российские миротворцы на границе между сторонами, российская военная база в регионе, обмен территориями и т.д.).

Приход к власти Армении Никола Пошеняна был обусловлен цветными революциями Сороса (много должностей в своем правительстве он заменил оппозиционерами, не лояльными России и ориентированными на запад; открыл ряд уголовных дел в отношении бывших руководителей Армении, ориентированных на Россию). После краха кампании в конфликте с Азербайджаном население Армении стало требовать его отставки

(Президент Азербайджана воспринял разрешение конфликта как свою победу, объективно это так и есть). На военном параде в Азербайджане (в день независимости) присутствовал и президент Турции. Президент Азербайджана заявил претензии на ряд территорий Армении, а Президент Турции объявил Северный Кавказ территорией своих геополитических интересов. Для Турции — это заявление является претензией как глобального регионального игрока в Северном Кавказе. Для Азербайджана — это покровительство Турции в последующем разрешении конфликта в Нагорном Карабахе.

Другие постсоветские республики. Во всех постсоветских республиках после распада СССР происходили частые перевороты со сменой власти (об Украине, Белоруссии и Прибалтике говорилось выше). Это объективная ситуация при распаде империи, которой являлся СССР. В Молдавии к власти пришли либералы, ориентирующиеся на запад. В Казахстане, Узбекистане, Туркмении и Киргизии возникали такие же проблемы (и будут возникать, сомневаться в действиях наших «западных друзей» нет оснований).

Политика России в связи с геополитической ситуацией в XXI веке

В аналитическом сообществе ведутся дискуссии — как реагировать РФ в связи с геополитической ситуациейна пороге XXI века? Спектр мнений аналитиков достаточно разнообразен. Высказываются разные суждения:

- России нужно перестать реагировать в оправдательно-извиняющемся плане на обвинения Запада в ее агрессивности и т.д. РФ суверенная держава, способная сохранить и защитить свой суверенитет как глобальный субъект истории.
- Западная Европа зависит от РФ в поставках газа и нефти (по крайней мере в XXI веке). Этот «аргумент» можно использовать при возникновении ситуации на грани войны.
- Жестче строить отношения с Турцией, как геополитическим противником России.
- И даже передать западные области Украины Польше.

Высказанные соображения относятся к компетенции Руководства РФ. Тем не менее, Россия

стоит перед жестким выбором. Нам не нужно оглядываться на критику наших «западных друзей». Необходимо осознать — с Россией как православной христианской цивилизацией в мире идет тотальная война Запада по всем параметрам. Руководство РФ понимает геополитическую ситуацию и действует в режиме сохранения национальных интересов России.

Заключение

Мир объективно переформатируется, а Западный мир теряет свою гегемонию. Возникают новые центры геополитического влияния. Наступает эпоха возврата национальных традиционных стран – России, Китая, Индии и Исламского мира. В статье проведен анализ психологических аспектов геополитики и их отражение в массовом сознании, поведении, в коллективных настроениях, стереотипах восприятий населения России, Западной Европы и США. Россия как геополитический субъект истории в будущем мире, несомненно, займет достойное место. Однако на ее современное геополитическое положение крайне неблагополучно влияет избранный ею путь экономического развития - ориентация на ресурсы (хотя в связи с санкциями коллективного запада ситуация постепенно выправляется). У России есть много шансов стать эффективным субъектом на мировой арене, если она в исторически короткие сроки восстановит свой геоэкономический потенциал.

Литература:

- Водолеев Г.С. Психолого-экономические факторы разрушения советского суперэтноса // Вестник политической психологии. №1(10). 2018 С. 43-45.
- 2. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Китова Д.А., Ковалева Ю.В., Смирнов А.А. Психологические

- факторы развития геополитических отношений. Субъекты, механизмы, тенденции. М.: Институт психологии РАН, 2020.
- 3. Журавлев А.Л., Китова Д.А., Семенов В.Е., Смирнов А.А., Соснин В.А. Психология национальной безопасности и политического сознания России. М.: Институт психологии РАН, 2022 (в печати).
- 4. Котляров И.Д. Разделенные государства и их роль в современной геополитике // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2007. № 15. С. 68-81.
- Маслов А. Провод под напряжением // Завтра. Декабрь, 2016. № 52.
- Семёнов В.Е. Многообразие идеологий в современной России и проблема их совместимости
 // Вестник политической психологии. №1(10).
 2018. С.30-35.
- 7. Силаева З.В. Классификация «спорных государств» в современной политической науке: основные подходы и инновации // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 233-237.
- 8. Соснин В.А., Китова Д.А. Социально-психологические факторы геополитики // Гуманизация образования. № 2. 2020. С. 28-37.
- 9. Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Институт психологии РАН, 2008.
- 10. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М.: Русский биографический институт; Институт экономических стратегий, 2016.
- 11. Чемурзиева З.И. Проблемы легитимации не признанных государств на постсоветском пространстве: между правом и геополитикой // Философия права. 2007. № 3. С. 158-161.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022

THE CIVILIZATION SITUATION IN THE WORLD AT THE THRESHOLD OF THE XXI CENTURY: RUSSIA, GEOPOLITICAL REALITIES AND CONSEQUENCES

© Vyacheslav A. Sosnin

PhD (Psychological Sciences), assistant professor, leading researcher, Institute of Psychology RAS, Moscow slavabusya@mail.ru

The result of the transformations on the threshold of the XXI century was the weakening of the dominance of Western civilization and the formation of new geopolitical centers of power and international alliances. Realizing the objective weakening of its hegemony, the West began to counteract and defend it by economic, military, diplomatic and informational-psychological means. There has been an aggravation of the global hybrid information struggle in the world. These considerations determined the purpose and content of the article. The article focuses on the geopolitical aspects and psychological and political components. The article focuses on the development of a historical and psychological approach in social and political psychology. The article considers the civilizational situation in the world in the XXI century and the mass political consciousness of Russians in the context of historical development, analyzes the features of political consciousness in the historical perspective, identifies the factors influencing its formation.

Key words: civilization, geopolitics, political consciousness, power, historic determinants, mass communications, political regimes, social psychology, groups, personality.

REFERENCES

- 1. Vodoleev G.S. (2018). Psihologo-ekonomicheskie factory razrusheniya sovetskogo super etnosa [Psychological and economic factors of the destruction of the Soviet super ethnos] // Vestnik politicheskoj psihologii [Bulletin of Political Psychology]. №1(10). P. 43-45.
- ZHuravlev A.L., Sosnin V.A., Kitova D.A., Kovaleva YU.V., Smirnov A.A. (2020). Psihologicheskie factory razvitiya geopoliticheskih otnoshenij. Sub"ekty, mekhanizmy, tendencii [Psychological factors of the development of geopolitical relations. Subjects, mechanisms, trends]. M.: Institut psihologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences].
- 3. ZHuravlev A.L., Kitova D.A., Semenov V.E., Smirnov A.A., Sosnin V.A. (2022). Psihologiya nacional'noj bezopasnosti i politicheskogo soznaniya Rossii [Psychology of National Security and Political Consciousness of Russia]. M.: Institut psihologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. (in print).

- 4. Kotlyarov I.D. (2007). Razdelennye gosudarstva i ih rol' v sovremennoj geopolitike [*Divided states and their role in modern geopolitics*] // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina [*Bulletin of Ryazan State University named after S.A. Yesenin*]. № 15. P. 68-81.
- 5. Maslov A. (2016). Provod pod napryazheniem [*Live wire*] // Zavtra [*Tomorrow newspaper*]. December. № 52.
- 6. Semyonov V.E. (2018). Mnogoobrazie ideologij v sovremennoj Rossii i problema ih sovmestimosti [Diversity of ideologies in modern Russia and the problem of their compatibility] // Vestnik politicheskoj psihologii [Bulletin of Political Psychology]. №1(10). P.30-35.
- 7. Silaeva Z.V. (2012). Klassifikaciya «spornyh gosudarstv» v sovremennoj politicheskoj nauke: osnovnye podhody i innovacii [Classification of "disputed states" in modern political science: basic approaches and innovations] // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. № 1. P. 233-237.

- 8. Sosnin V.A., Kitova D.A. (2020). Social'no-psihologicheskie factory geopolitiki [*Socio-psychological factors of geopolitics*] // Gumanizaciya obrazovaniya [*Humanization of education*]. № 2. P. 28-37.
- 9. Sosnin V.A., Nestik T.A. (2008). Sovremennyj terrorizm: social'no-psihologicheskij analiz [Modern terrorism: socio-psychological analysis]. M.: Institut tpsihologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences].
- 10. Sundiev I.YU., Smirnov A.A. (2016). Teoriya i tekhnologii social'noj destrukcii (na primere «cvetnyh revolyucij») [Theory and technologies of social destruction (on the example of "color").

- revolutions")]. M.: Russkij biograficheskij institut; Institut ekonomicheskih strategij [Moscow: Russian Biographic Institute; Institute of Economic Strategies].
- 11. CHemurzieva Z.I. (2007). Problemy legitimacii ne priznannyh gosudarstv na postsovetskom prostranstve: mezhdu pravom i geopolitikoj [*Problems of legitimation of unrecognized states in the post-Soviet space: between law and geopolitics*] // Filosofiya prava [*Philosophy of Law*]. № 3. P. 158-161.

The article was received 30.06.2022